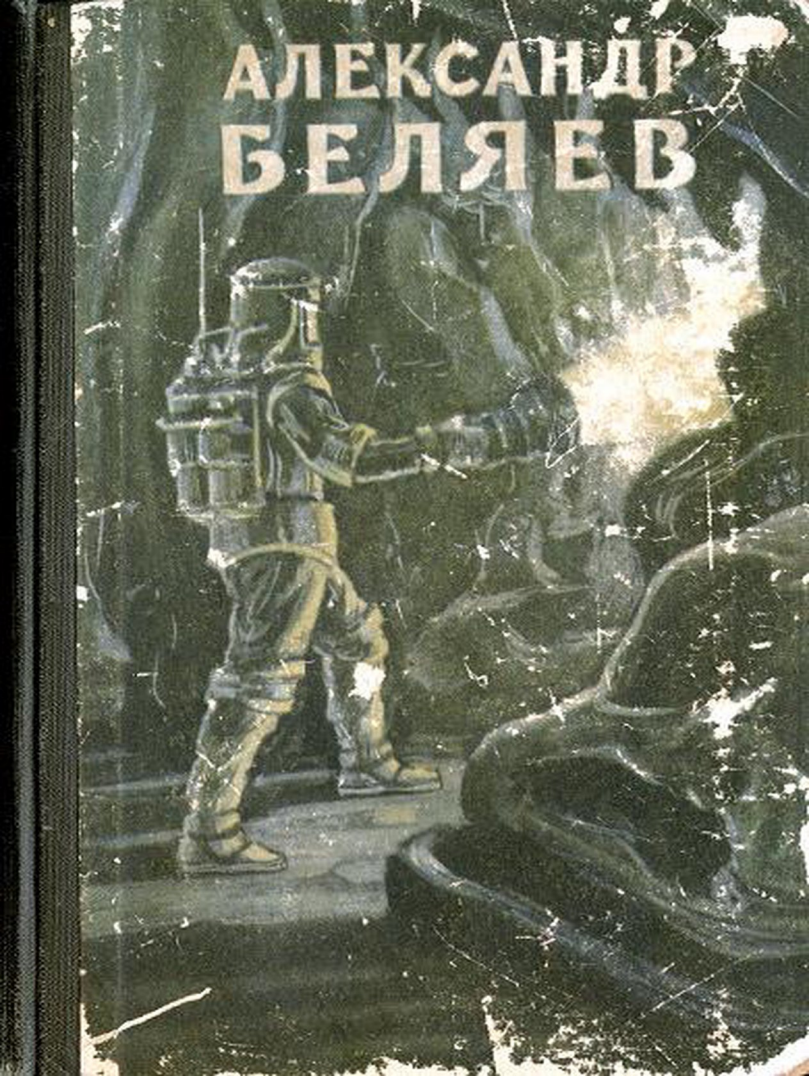

АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ

Голова профессора Доуэля

Александр Романович Беляев

Аннотация
Александр Беляев. Голова профессора Доуэля
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА
ТАЙНА ЗАПРЕТНОГО КРАНА
ГОЛОВА ЗАГОВОРИЛА
СМЕРТЬ ИЛИ УБИЙСТВО?
ЖЕРТВЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА
НОВЫЕ ОБИТАТЕЛИ ЛАБОРАТОРИИ
ГОЛОВЫ РАЗВЛЕКАЮТСЯ
НЕБО И ЗЕМЛЯ
ПОРОК И ДОБРОДЕТЕЛЬ
МЁРТВАЯ ДИАНА
СБЕЖАВШИЙ ЭКСПОНАТ
ДОПЕТАЯ ПЕСНЯ
ЖЕНЩИНА-ЗАГАДКА
ВЕСЁЛАЯ ПРОГУЛКА
В ПАРИЖ!
ЖЕРТВА КЕРНА
ЛЕЧЕБНИЦА РАВИНО
«СУМАСШЕДШИЕ»
«ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ В ПРАКТИКЕ»
НОВЕНЬКИЙ

ПОБЕГ
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ
ОПЯТЬ БЕЗ ТЕЛА
ТОМА УМИРАЕТ ВО ВТОРОЙ РАЗ
ЗАГОВОРЩИКИ
ИСПОРЧЕННЫЙ ТРИУМФ
ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Аннотация

Возможна ли жизнь человеческого разума вне тела? И, если да, то, что ждёт этот разум под властью морально нечистоплотного человека? Ставя свои дерзкие эксперименты, профессор Доуэль и не предполагал, что однажды в роли подопытного животного окажется он сам, а его бывший ученик получит в полную собственность голову своего учителя, чтобы безнаказанно распоряжаться его гениальными мыслями.

Александр Беляев
Голова профессора Доуэля

Посвящаю жене моей
Маргарите Константиновне
Беляевой

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

Избранные научно-фантастические произведения в трех томах

ТОМ 2

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1957

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

— Прошу садиться.

Мари Лоран опустилась в глубокое кожаное кресло.

Пока профессор Керн вскрывал конверт и читал письмо, она бегло осмотрела кабинет.

Какая мрачная комната! Но заниматься здесь хорошо: ничто не отвлекает внимания. Лампа с глухим абажуром освещает только письменный стол, заваленный книгами, рукописями, корректурными оттисками. Глаз едва различает солидную мебель чёрного дуба. Тёмные обои, тёмные драпри. В полумраке поблёскивает только золото тиснёных переплётов в тяжёлых шкафах. Длинный маятник старинных стенных часов движется размеренно и плавно.

Переведя взгляд на Керна, Лоран невольно улыбнулась: сам профессор целиком соответствовал стилю кабинета. Будто вырубленная из дуба, тяжеловесная, суровая фигура Керна казалась частью меблировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его глаза серо-пепель-

ного цвета, переходя со строки на строку письма. Прямоугольный нос, прямой разрез глаз, рта и квадратный, выдающийся вперёд подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором-кубистом.

«Камин украшать такой маской», — подумала Лоран.

— Коллега Сабатье говорил уже о вас. Да, мне нужна помощница. Вы медичка? Отлично. Сорок франков в день. Расчёт еженедельный. Завтрак, обед. Но я ставлю одно условие…

Побарабанив сухим пальцем по столу, профессор Керн задал неожиданный вопрос:

— Вы умеете молчать? Все женщины болтливы. Вы женщина — это плохо. Вы красивы — это ещё хуже.

— Но какое отношение…

— Самое близкое. Красивая женщина — жен-

щина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. У вас может быть муж, друг, жених. И тогда все тайны к чёрту.

— Но…

— Никаких «но»! Вы должны быть немы как рыба. Вы должны молчать обо всём, что увидите и услышите здесь. Принимаете это условие? Должен предупредить: неисполнение повлечёт за собой крайне неприятные для вас последствия. Крайне неприятные.

Лоран была смущена и заинтересована…

— Я согласна, если во всём этом нет…

— Преступления, хотите вы сказать? Можете быть совершенно спокойны. И вам не грозит никакая ответственность… Ваши нервы в порядке?

— Я здорова…

Профессор Керн кивнул головой.

— Алкоголиков, неврастеников, эпилептиков, сумасшедших не было в роду?

— Нет.

Керн ещё раз кивнул головой.

Его сухой, острый палец впился в кнопку электрического звонка.

Дверь бесшумно открылась.

В полумраке комнаты, как на проявляемой фотографической пластинке, Лоран увидала

только белки глаз, затем постепенно проявились блики лоснящегося лица негра. Чёрные волосы и костюм сливались с тёмными драпри двери.

— Джон! Покажите мадемуазель Лоран лабораторию.

Негр кивнул головой, предлагая следовать за собой, и открыл вторую дверь.

Лоран вошла в совершенно тёмную комнату.

Щёлкнул выключатель, и яркий свет четырёх матовых полушарий залил комнату. Лоран невольно прикрыла глаза. После полумрака мрачного кабинета белизна стен ослепляла… Сверкали стёкла шкафов с блестящими хирургическими инструментами. Холодным светом горели сталь и алюминий незнакомых Лоран аппаратов. Тёплыми, жёлтыми бликами ложился свет на медные полированные части. Трубы, змеевики, колбы, стеклянные цилиндры… Стекло, каучук, металл…

Посреди комнаты — большой прозекторский стол. Рядом со столом — стеклянный ящик; в нём пульсировало человеческое сердце. От сердца шли трубки к баллонам.

Лоран повернула голову в сторону и вдруг увидала нечто, заставившее её вздрогнуть, как от электрического удара.

На неё смотрела человеческая голова — одна голова без туловища.

Она была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие блестящие металлические ножки. От перерезанных артерий и вен, через отверстия в стекле, шли, соединившись уже попарно, трубки к баллонам. Более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром. Цилиндр и баллоны были снабжены кранами, манометрами, термометрами и неизвестными Лоран приборами.

Голова внимательно и скорбно смотрела на Лоран, мигая веками. Не могло быть сомнения: голова жила, отделённая от тела, самостоятельной и сознательной жизнью.

Несмотря на потрясающее впечатление, Лоран не могла не заметить, что эта голова удивительно похожа на голову недавно умершего известного учёного-хирурга, профессора Доуэля, прославившегося своими опытами оживления органов, вырезанных из свежего трупа. Лоран не раз была на его блестящих публичных лекциях, и ей хорошо запомнился этот высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребрённые сединой густые русые волосы, голубые глаза… Да, это была голова профессора Доуэля. Только губы и нос его

стали тоньше, виски и щёки втянулись, глаза глубже запали в орбиты и белая кожа приобрела жёлто-тёмный оттенок мумии. Но в глазах была жизнь, была мысль.

Лоран как зачарованная не могла оторвать взгляда от этих голубых глаз.

Голова беззвучно шевельнула губами.

Это было слишком для нервов Лоран. Она была близка к обмороку. Негр поддержал её и вывел из лаборатории.

— Это ужасно, это ужасно… — повторяла Лоран, опустившись в кресло.

Профессор Керн молча барабанил пальцами по столу.

— Скажите, неужели это голова?..

— Профессора Доуэля? Да, это его голова. Голова Доуэля, моего умершего уважаемого коллеги, возвращённая мною к жизни. К сожалению, я мог воскресить одну голову. Не всё даётся сразу. Бедный Доуэль страдал неизлечимым пока недугом. Умирая, он завещал своё тело для научных опытов, которые мы вели с ним вместе. «Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерть. Я предпочитаю, чтобы в моём трупе копался друг-учёный, а не могильный червь» — вот какое завещание оставил профессор

Доуэль. И я получил его тело. Мне удалось не только оживить его сердце, но и воскресить сознание, воскресить «душу», говоря языком толпы. Что же тут ужасного? Люди считали до сих пор ужасной смерть. Разве воскресение из мёртвых не было тысячелетней мечтой человечества?

— Я бы предпочла смерть такому воскресению.

Профессор Керн сделал неопределённый жест рукой.

— Да, оно имеет свои неудобства для воскресшего. Бедному Доуэлю было бы неудобно показаться публике в таком… неполном виде. Вот почему мы обставляем тайной этот опыт. Я говорю «мы», потому что таково желание самого Доуэля. Притом опыт ещё не доведён до конца.

— А как профессор Доуэль, то есть его голова, выразил это желание? Голова может говорить?

Профессор Керн на мгновение смутился.

— Нет… голова профессора Доуэля не говорит. Но она слышит, понимает и может отвечать мимикой лица…

И чтобы перевести разговор на другую тему, профессор Керн спросил:

— Итак, вы принимаете моё предложение? Отлично. Я жду вас завтра к девяти утра. Но помните: молчание, молчание и молчание.

ТАЙНА ЗАПРЕТНОГО КРАНА

Мари Лоран нелегко давалась жизнь. Ей было семнадцать лет, когда умер её отец. На плечи Мари легла забота о больной матери. Небольших средств, оставшихся после отца, хватило ненадолго, приходилось учиться и поддерживать семью. Несколько лет она работала ночным корректором в газете. Получив звание врача, тщетно пыталась найти место. Было предложение ехать в гиблые места Новой Гвинеи, где свирепствовала жёлтая лихорадка. Ни ехать туда с больной матерью, ни разлучаться с нею Мари не хотела. Предложение профессора Керна явилось для неё выходом из положения.

Несмотря на всю странность работы, она согласилась почти без колебания.

Лоран не знала, что профессор Керн, прежде чем принять её, наводил о ней тщательные справки.

Уже две недели она работала у Керна. Обязанности её были несложны. Она должна была в продолжение дня следить за аппаратами, поддерживавшими жизнь головы. Ночью её сменял Джон.

Профессор Керн объяснил ей, как нужно обращаться с кранами у баллонов. Указав на большой цилиндр, от которого шла толстая трубка к горлу головы. Керн строжайше запретил ей открывать кран цилиндра.

— Если повернуть кран, голова будет немедленно убита. Как-нибудь я объясню вам всю систему питания головы и назначение этого цилиндра. Пока вам довольно знать, как обращаться с аппаратами.

С обещанными объяснениями Керн, однако, не спешил.

В одну из ноздрей головы был глубоко вставлен маленький термометр. В определённые часы нужно было вынимать его и записывать температуру. Термометрами же и манометрами были снабжены и баллоны. Лоран следила за температурой жидкостей и давлением в баллонах. Хорошо отрегулированные аппараты не доставляли хлопот, действуя с точностью часового механизма. Особой чувствительности прибор, приставленный к виску головы, отмечал пульсацию, механически вычерчивая кривую. Через сутки лента сменялась. Содержимое баллонов пополнялось в отсутствие Лоран, до её прихода.

Мари постепенно привыкла к голове и даже

сдружилась с нею.

Когда Лоран утром входила в лабораторию с порозовевшими от ходьбы и свежего воздуха щеками, голова слабо улыбалась ей и веки её дрожали в знак приветствия.

Голова не могла говорить. Но между нею и Лоран скоро установился условный язык, хотя и очень ограниченный. Опускание головою век означало «да», поднятие наверх — «нет». Несколько помогали и беззвучно шевелящиеся губы.

— Как вы сегодня чувствуете себя? — спрашивала Лоран.

Голова улыбалась «тенью улыбки» и опускала веки: «хорошо, благодарю».

— Как провели ночь?

Та же мимика.

Задавая вопросы, Лоран проворно исполняла утренние обязанности. Проверила аппараты, температуру, пульс. Сделала записи в журнале. Затем с величайшей осторожностью обмыла водой со спиртом лицо головы при помощи мягкой губки, вытерла гигроскопической ватой ушные раковины. Сняла клочок ваты, повисший на ресницах. Промыла глаза, уши, нос, рот, — в рот и нос для этого вводились особые трубки. Привела в порядок волосы.

Руки её проворно и ловко касались головы. На лице головы было выражение довольства.

— Сегодня чудесный день, — говорила Лоран. — Синее-синее небо. Чистый морозный воздух. Так и хочется дышать всей грудью. Смотрите, как ярко светит солнце, совсем по-весеннему.

Углы губ профессора Доуэля печально опустились. Глаза с тоской глянули в окно и остановились на Лоран.

Она покраснела от лёгкой досады на себя. С инстинктом чуткой женщины Лоран избегала говорить обо всём, что было недостижимо для головы и могло лишний раз напомнить об убожестве её физического существования.

Мари испытывала какую-то материнскую жалость к голове, как к беспомощному, обиженному природой ребёнку.

— Ну-с, давайте заниматься! — поспешно сказала Лоран, чтобы поправить ошибку.

По утрам, до прихода профессора Керна, голова занималась чтением. Лоран приносила ворох последних медицинских журналов и книг и показывала их голове. Голова просматривала. На нужной статье шевелила бровями. Лоран клала журнал на пюпитр, и голова погружалась в чтение. Лоран привыкла, следя за глазами головы,

угадывать, какую строчку голова читает, и вовремя переворачивать страницы.

Когда нужно было на полях сделать отметку, голова делала знак, и Лоран проводила пальцем по строчкам, следя за глазами головы и отмечая карандашом черту на полях.

Для чего голова заставляла делать отметки на полях, Лоран не понимала, при помощи же их бедного мимического языка не надеялась получить разъяснение и потому не спрашивала.

Но однажды, проходя через кабинет профессора Керна в его отсутствие, она увидала на письменном столе журналы со сделанными ею по указанию головы отметками. А на листе бумаги рукой профессора Керна были переписаны отмеченные места. Это заставило Лоран задуматься.

Вспомнив сейчас об этом, Мари не удержалась от вопроса. Может быть, голове удастся как-нибудь ответить.

— Скажите, зачем мы отмечаем некоторые места в научных статьях?

На лице профессора Доуэля появилось выражение неудовольствия и нетерпения. Голова выразительно посмотрела на Лоран, потом на кран, от которого шла трубка к горлу головы, и два раза подняла брови. Это означало просьбу.

Лоран поняла, что голова хочет, чтобы открыли этот запретный кран. Уже не в первый раз голова обращалась к ней с такой просьбой. Но Лоран объясняла желание головы по-своему: голова, очевидно, хочет покончить со своим безотрадным существованием. И Лоран не решалась открыть запретный кран. Она не хотела быть повинной в смерти головы, боялась и ответственности, боялась потерять место.

— Нет, нет, — со страхом ответила Лоран на просьбу головы. — Если я открою этот кран, вы умрёте. Я не хочу, не могу, не смею убивать вас.

От нетерпения и сознания бессилия по лицу головы прошла судорога.

Три раза она энергично поднимала вверх веки и глаза…

«Нет, нет, нет. Я не умру!» — так поняла Лоран. Она колебалась.

Голова стала беззвучно шевелить губами, и Лоран показалось, что губы пытаются сказать: «Откройте. Откройте. Умоляю!..»

Любопытство Лоран было возбуждено до крайней степени. Она чувствовала, что здесь скрывается какая-то тайна.

В глазах головы светилась безграничная тоска. Глаза просили, умоляли, требовали. Казалось, вся

сила человеческой мысли, всё напряжение воли сосредоточились в этом взгляде.

Лоран решилась.

Её сердце сильно билось, рука дрожала, когда она осторожно приоткрывала кран.

Тотчас из горла головы послышалось шипение. Лоран услышала слабый, глухой, надтреснутый голос, дребезжащий и шипящий, как испорченный граммофон:

— Бла-го-да-рю… вас…

Запретный кран пропускал сжатый в цилиндре воздух. Проходя через горло головы, воздух приводил в движение горловые связки, и голова получала возможность говорить. Мышцы горла и связки не могли уже работать нормально: воздух с шипением проходил через горло и тогда, когда голова не говорила. А рассечение нервных стволов в области шеи нарушало нормальную работу мышц голосовых связок и придавало голосу глухой, дребезжащий тембр.

Лицо головы выражало удовлетворение.

Но в этот момент послышались шаги из кабинета и звук открываемого замка (дверь лаборатории всегда закрывалась ключом со стороны кабинета). Лоран едва успела закрыть кран. Шипение в горле головы прекратилось.

Вошёл профессор Керн.

ГОЛОВА ЗАГОВОРИЛА

С тех пор как Лоран открыла тайну запретного крана, прошло около недели.

За это время между Лоран и головой установились ещё более дружеские отношения. В те часы, когда профессор Керн уходил в университет или клинику, Лоран открывала кран, направляя в горло головы небольшую струю воздуха, чтобы голова могла говорить внятным шёпотом. Тихо говорила и Лоран. Они опасались, чтобы негр не услыхал их разговора.

На голову профессора Доуэля их разговоры, видимо, хорошо действовали. Глаза стали живее, и даже скорбные морщины меж бровей разгладились.

Голова говорила много и охотно, как бы вознаграждая себя за время вынужденного молчания.

Прошлую ночь Лоран видела во сне голову профессора Доуэля к, проснувшись, подумала: «Видит ли сны голова Доуэля?»

— Сны... — тихо прошептала голова. — Да, я вижу сны. И я не знаю, чего больше они доставляют мне: горя или радости. Я вижу себя во сне

здоровым, полным сил и просыпаюсь вдвойне обездоленным. Обездоленным и физически и морально. Ведь я лишён всего, что доступно живым людям. И только способность мыслить оставлена мне. «Я мыслю. Следовательно, я существую», — с горькой улыбкой процитировала голова слова философа Декарта. — Существую…

— Что же вы видите во сне?

— Я никогда ещё не видал себя в моём теперешнем виде. Я вижу себя таким, каким был когда-то… вижу родных, друзей… Недавно видал покойную жену и переживал с нею весну нашей любви. Бетти когда-то обратилась ко мне как пациентка, повредив ногу при выходе из автомобиля. Первое наше знакомство было в моём приёмном кабинете. Мы как-то сразу сблизились с нею. После четвёртого визита я предложил ей посмотреть лежащий на письменном столе портрет моей невесты. «Я женюсь на ней, если получу её согласие», — сказал я. Она подошла к столу и увидала на нём небольшое зеркало; взглянув на него, она рассмеялась и сказала: «Я думаю… она не откажется». Через неделю она была моей женой. Эта сцена недавно пронеслась передо мной во сне… Бетти умерла здесь, в Париже. Вы знаете, я приехал сюда из Америки как хирург

во время европейской войны. Мне предложили здесь кафедру, и я остался, чтобы жить возле дорогой могилы. Моя жена была удивительная женщина…

Лицо головы просветлело от воспоминаний, но тотчас омрачилось.

— Как бесконечно далеко это время!

Голова задумалась. Воздух тихо шипел в горле.

— Прошлой ночью я видел во сне моего сына. Я очень хотел бы посмотреть на него ещё раз. Но не смею подвергнуть его этому испытанию… Для него я умер.

— Он взрослый? Где он находится сейчас?

— Да, взрослый. Он почти одних лет с вами или немного старше. Кончил университет. В настоящее время должен находиться в Англии, у своей тётки по матери. Нет, лучше бы не видеть снов. Но меня, — продолжала голова, помолчав, — мучают не только сны. Наяву меня мучают ложные чувства. Как это ни странно, иногда мне кажется, что я чувствую своё тело. Мне вдруг захочется вздохнуть полной грудью, потянуться, расправить широко руки, как это делает засидевшийся человек. А иногда я ощущаю подагрическую боль в левой ноге. Не правда ли, смешно? Хотя как врачу это должно быть вам понятно. Боль так

реальна, что я невольно опускаю глаза вниз и, конечно, сквозь стекло вижу под собою пустое пространство, каменные плиты пола… По временам мне кажется, что сейчас начнётся припадок удушья, и тогда я почти доволен своим «посмертным существованием», избавляющим меня, по крайней мере, от астмы… Всё это чисто рефлекторная деятельность мозговых клеток, связанных когда-то с жизнью тела…

— Ужасно!.. — не удержалась Лоран.

— Да, ужасно… Странно, при жизни мне казалось, что я жил одной работой мысли. Я, право, как-то не замечал своего тела, весь погружённый в научные занятия. И только, потеряв тело, я почувствовал, чего я лишился. Теперь, как никогда за всю мою жизнь, я думаю о запахах цветов, душистого сена где-нибудь на опушке леса, о дальних прогулках пешком, шуме морского прибоя… Мною не утеряны обоняние, осязание и прочие чувства, но я отрезан от всего многообразия мира ощущений. Запах сена хорош на поле, когда он связан с тысячью других ощущений: и запахом леса, и с красотой догорающей зари, и с песнями лесных птиц. Искусственные запахи не могли бы мне заменить натуральных. Запах духов «Роза» вместо цветка? Это так же мало удовлетвори-

ло бы меня, как голодного запах паштета без паштета. Утратив тело, я утратил мир, — весь необъятный, прекрасный мир вещей, которых я не замечал, вещей, которые можно взять, потрогать, и в то же время почувствовать своё тело, себя. О, я бы охотно отдал моё химерическое существование за одну радость почувствовать в своей руке тяжесть простого булыжника! Если бы вы знали, какое удовольствие доставляет мне прикосновение губки, когда вы по утрам умываете мне лицо. Ведь осязание-это единственная для меня возможность почувствовать себя в мире реальных вещей… Всё, что я могу сделать сам, это прикоснуться кончиком моего языка к краю моих пересохших губ.

В тот вечер Лоран явилась домой рассеянной и взволнованной. Старушка мать, по обыкновению, приготовила ей чай с холодной закуской, но Мари не притронулась к бутербродам, наскоро выпила стакан чаю с лимоном и поднялась, чтобы идти в свою комнату. Внимательные глаза матери остановились на ней.

— Ты чем-то расстроена. Мари? — спросила старушка. — Быть может, неприятности на службе?

— Нет, ничего, мама, просто устала и голова болит… Я лягу пораньше, и всё пройдёт.

Мать не задержала её, вздохнула и, оставшись одна, задумалась.

С тех пор как Мари поступила на службу, она очень изменилась. Стала нервная, замкнутая. Мать и дочь всегда были большими друзьями. Между ними не было тайн. И вот теперь появилась тайна. Старушка Лоран чувствовала, что её дочь что-то скрывает. На вопросы матери о службе Мари отвечала очень кратко и неопределённо.

— У профессора Керна имеется лечебница на дому для особенно интересных в медицинском отношении больных. И я ухаживаю за ними.

— Какие же это больные?

— Разные. Есть очень тяжёлые случаи… — Мари хмурилась и переводила разговор на другие темы.

Старушку не удовлетворяли эти ответы. И она начала даже наводить справки стороной, но ей ничего не удалось узнать, кроме того, что уже было известно от дочери.

«Уж не влюблена ли она в Керна и, быть может, безнадёжно, без ответа с его стороны?..» — думала старушка. Но тут же опровергала себя: её дочь не скрыла бы от неё своего увлечения. И потом, разве Мари не хорошенькая? А Керн холостяк. И

если бы только Мари любила его, то, конечно, и Керн не устоял бы. Другой такой Мари не найти во всём свете. Нет, тут что-то другое… И старушка долго не могла заснуть, ворочаясь на высоко взбитых перинах.

Не спала и Мари. Погасив свет, чтобы мать её думала, что она уже спит. Мари сидела на кровати с широко раскрытыми глазами. Она вспоминала каждое слово головы и старалась вообразить себя на её месте: тихонько касалась языком своих губ, нёба, зубов и думала:

«Это всё, что может делать голова. Можно прикусить губы, кончик языка. Можно шевелить бровями. Ворочать глазами. Закрывать, открывать их. Рот и глаза. Больше ни одного движения. Нет, ещё можно немного шевелить кожею на лбу. И больше ничего…»

Мари закрывала и открывала глаза и делала гримасы. О, если бы в этот момент мать посмотрела на неё! Старушка решила бы, что её дочь сошла с ума.

Потом вдруг Мари начала хватать свои плечи, колени, руки, гладила себя по груди, запускала пальцы в густые волосы и шептала:

— Боже мой! Как я счастлива! Как много я имею! Какая я богатая! И я не знала, не чувствовала

этого!

Усталость молодого тела брала своё. Глаза Мари невольно закрылись. И тогда она увидела голову Доуэля. Голова смотрела на неё внимательно и скорбно. Голова срывалась со своего столика и летала по воздуху. Мари бежала впереди головы. Керн, как коршун, бросался на голову. Извилистые коридоры… Тугие двери… Мари спешила открыть их, но двери не поддавались, и Керн нагонял голову, голова свистела, шипела уже возле уха… Мари чувствовала, что она задыхается. Сердце колотится в груди, его учащённые удары болезненно отзываются во всём теле. Холодная дрожь пробегает по спине… Она открывает всё новые и новые двери… О, какой ужас!..

— Мари! Мари! Что с тобой? Да проснись же. Мари! Ты стонешь…

Это уже не сон. Мать стоит у изголовья и с тревогой гладит её волосы.

— Ничего, мама. Я просто видела скверный сон.

— Ты слишком часто стала видеть скверные сны, дитя моё…

Старушка уходит вздыхая, а Мари ещё несколько времени лежит с открытыми глазами и сильно бьющимся сердцем.

— Однако нервы мои становятся никуда не годными, — тихо шепчет она и на этот раз засыпает крепким сном.

СМЕРТЬ ИЛИ УБИЙСТВО?

Однажды, просматривая перед сном медицинские журналы, Лоран прочла статью профессора Керна о новых научных исследованиях. В этой статье Керн ссылался на работы других учёных в той же области. Все эти выдержки были взяты из научных журналов и книг и в точности совпадали с теми, которые Лоран по указанию головы подчёркивала во время их утренних занятий.

На другой день, как только представилась возможность поговорить с головой, Лоран спросила:

— Чем занимается профессор Керн в лаборатории в моё отсутствие?

После некоторого колебания голова ответила:

— Мы с ним продолжаем научные работы.

— Значит, и все эти отметки вы делаете для него? Но вам известно, что вашу работу он публикует от своего имени?

— Я догадывался.

— Но это возмутительно! Как вы допускаете это?

— Что же я могу поделать?

— Если не можете вы, то смогу сделать я! —

гневно воскликнула Лоран.

— Тише… Напрасно… Было бы смешно в моём положении иметь претензии на авторские права. Деньги? На что они мне? Слава? Что может дать мне слава?.. И потом… если всё это откроется, работа не будет доведена до конца. А в том, чтобы она была доведена до конца, я сам заинтересован. Признаться, мне хочется видеть результаты моих трудов.

Лоран задумалась.

— Да, такой человек, как Керн, способен на всё, — тихо проговорила она. — Профессор Керн говорил мне, когда я поступала к нему на службу, что вы умерли от неизлечимой болезни и сами завещали своё тело для научных работ. Это правда?

— Мне трудно говорить об этом. Я могу ошибиться. Это правда, но, может быть… не всё правда. Мы работали вместе с ним над оживлением человеческих органов, взятых от свежего трупа. Керн был моим ассистентом. Конечной целью моих трудов в то время я ставил оживление отсечённой от тела головы человека. Мною была закончена вся подготовительная работа. Мы уже оживляли головы животных, но решили не оглашать наших успехов до тех пор, пока нам не

удастся оживить и продемонстрировать человеческую голову. Перед этим последним опытом, в успехе которого я не сомневался, я передал Керну рукопись со всей проделанной мной научной работой для подготовки к печати. Одновременно мы работали над другой научной проблемой, которая также была близка к разрешению. В это время со мной случился ужасный припадок астмы — одной из болезней, которую я как учёный пытался победить. Между мной и ею ища давняя борьба. Весь вопрос был во времени: кто из нас первый выйдет победителем? Я знал, что победа может остаться на её стороне. И я действительно завещал своё тело для анатомических работ, хотя и не ожидал, что именно моя голова будет оживлена. Так вот… во время этого последнего припадка Керн был около меня и оказывал мне медицинскую помощь. Он впрыснул мне адреналин. Может быть… доза была слишком велика, а может быть, и астма сделала своё дело.

— Ну, а потом?

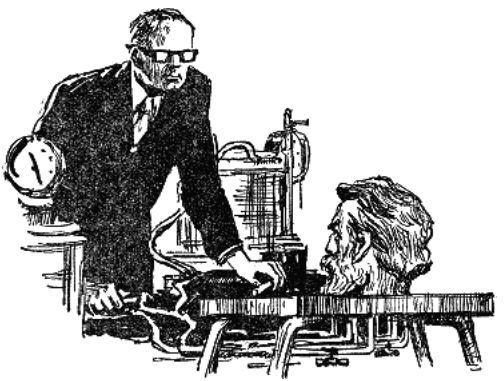
— Асфиксия (удушье), короткая агония — и смерть, которая для меня была только потерей сознания… А потом я пережил довольно странные переходные состояния. Сознание очень медленно начало возвращаться ко мне. Мне кажется, моё

сознание было пробуждено острым чувством боли в области шеи. Боль постепенно затихала. В то время я не понял, что это значит. Когда мы с Керном делали опыты оживления собачьих голов, отсечённых от тела, мы обратили внимание на то, что собаки испытывают чрезвычайно острую боль после пробуждения. Голова собаки билась на блюде с такой силой, что иногда из кровеносных сосудов выпадали трубки, по которым подавалась питательная жидкость. Тогда я предложил анестезировать место среза. Чтобы оно не подсыхало и не подвергалось воздействию бактерий, шея собаки погружалась в особый раствор Ринген-Локк-Доуэль. Этот раствор содержит и питательные, и антисептические, и анестезирующие вещества. В такую жидкость и был погружён срез моей шеи. Без этой предохранительной меры я мог бы умереть вторично очень быстро после пробуждения, как умирали головы собак в наших первых опытах. Но, повторяю, в тот момент обо всём этом я не думал. Всё было смутно, как будто кто-нибудь разбудил меня после сильного опьянения, когда действие алкоголя ещё не прошло. Но в моём мозгу всё же затеплилась радостная мысль, что если сознание, хоть и смутное, вернулось ко мне, то, значит, я

не умер. Ещё не открывая глаз, я раздумывал над странностью последнего припадка. Обыкновенно припадки астмы обрывались у меня внезапно. Иногда интенсивность одышки ослабевала постепенно. Но я ещё никогда не терял сознания после припадка. Это было что-то новое. Новым было также ощущение сильной боли в области шеи. И ещё одна странность: мне казалось, что я совсем не дышал, а вместе с тем и не испытывал удушья. Я попробовал вздохнуть, но не мог. Больше того, я потерял ощущение своей груди. Я не мог расширить грудную клетку, хотя усиленно, как мне казалось, напрягал свои грудные мышцы. «Что-то странное, — думал я, — или я сплю, или грежу…» С трудом мне удалось открыть глаза. Темнота. В ушах смутный шум. Я опять закрыл глаза… Вы знаете, что когда человек умирает, то органы его чувств угасают не одновременно. Сначала человек теряет чувство вкуса, потом гаснет его зрение, потом слух. По-видимому, в обратном порядке шло и их восстановление. Через некоторое время я снова поднял свои веки и увидел мутный свет. Как будто я опустился в воду на очень большую глубину. Потом зеленоватая мгла начала расходиться, и я смутно различил перед собою лицо Керна и в то же вре-

мя услыхал уже довольно отчётливо его голос: «Пришли в себя? Очень рад вас видеть вновь живым». Усилием воли я заставил моё сознание проясниться скорее. Я посмотрел вниз и увидел прямо под подбородком стол, — в то время этого столика ещё не было, а был простой стол, вроде кухонного, наскоро приспособленный Керном для опыта. Хотел оглянуться назад, но не мог повернуть голову. Рядом с этим столом, повыше его, помещался второй стол — прозекторский. На этом столе лежал чей-то обезглавленный труп. Я посмотрел на него, и труп показался мне странно знакомым, несмотря на то, что он не имел головы и его грудная клетка была вскрыта. Тут же рядом в стеклянном ящике билось чьё-то человеческое сердце… Я с недоумением посмотрел на Керна. Я ещё никак не мог понять, почему моя голова возвышается над столом и почему я не вижу своего тела. Хотел протянуть руку, но не ощутил её. «В чём дело?..» — хотел я спросить у Керна и только беззвучно шевельнул губами. А он смотрел на меня и улыбался. «Не узнаёте? — спросил он меня, кивнув по направлению к прозекторскому столу. — Это ваше тело. Теперь вы навсегда избавились от астмы». Он ещё мог шутить!.. И я понял всё. Сознаюсь, в первую минуту я хотел кричать,

сорваться со столика, убить себя и Керна… Нет, совсем не так. Я знал умом, что должен был сердиться, кричать, возмущаться, и в то же время был поражён ледяным спокойствием, которое владело мною. Быть может, я и возмущался, но как-то глядя на себя и на мир со стороны. В моей психике произошли сдвиги. Я только нахмурился и… молчал. Мог ли я волноваться так, как волновался раньше, если теперь моё сердце билось в стеклянном сосуде, а новым сердцем был мотор?



Лоран с ужасом смотрела на голову.

— И после этого… после этого вы продолжаете с ним работать. Если бы не он, вы победили бы астму и были теперь здоровым человеком… Он

вор и убийца, и вы помогаете ему вознестись на вершину славы. Вы работаете на него. Он, как паразит, питается вашей мозговой деятельностью, он сделал из вашей головы какой-то аккумулятор творческой мысли и зарабатывает на этом деньги и славу. А вы!.. Что даёт он вам? Какова ваша жизнь?.. Вы лишены всего. Вы несчастный обрубок, в котором, на ваше горе, ещё живут желания. Весь мир украл у вас Керн. Простите меня, но я не понимаю вас. И неужели вы покорно, безропотно работаете на него?

Голова улыбнулась печальной улыбкой.

— Бунт головы? Это эффектно. Что же я мог сделать? Ведь я лишён даже последней человеческой возможности: покончить с собой.

— Но вы могли отказаться работать с ним!

— Если хотите, я прошёл через это. Но мой бунт не был вызван тем, что Керн пользуется моим мыслительным аппаратом. В конце концов какое значение имеет имя автора? Важно, чтобы идея вошла в мир и сделала своё дело. Я бунтовал только потому, что мне тяжко было привыкнуть к моему новому существованию. Я предпочитал смерть жизни… Я расскажу вам один случай, происшедший со мной в то время. Как-то я был в лаборатории один. Вдруг в окно влетел большой

чёрный жук. Откуда он мог появиться в центре громадного города? Не знаю. Может быть, его завезло авто, возвращающееся из загородной поездки. Жук покружился надо мной и сел на стеклянную доску моего столика, рядом со мной. Я скосил глаза и следил за этим отвратительным насекомым, не имея возможности сбросить его. Лапки жука скользили по стеклу, и он, шурша суставами, медленно приближался к моей голове. Не знаю, поймёте ли вы меня… я чувствовал всегда какую-то особую брезгливость, чувство отвращения к таким насекомым. Я никогда не мог заставить себя дотронуться до них пальцем. И вот я был бессилен даже перед этим ничтожным врагом. А для него моя голова была только удобным трамплином для взлёта. И он продолжал медленно приближаться, шурша ножками. После некоторых усилий ему удалось зацепиться за волосы бороды. Он долго барахтался, запутавшись в волосах, но упорно поднимался всё выше. Так он прополз по сжатым губам, по левой стороне носа, через прикрытый левый глаз, пока, наконец, добравшись до лба, не упал на стекло, а оттуда на пол. Пустой случай. Но он произвёл на меня потрясающее впечатление… И когда пришёл профессор Керн, я категорически отказался про-

должать с ним научные работы. Я знал, что он не решится публично демонстрировать мою голову. Без пользы же не станет держать у себя голову, которая может явиться уликой против него. И он убьёт меня. Таков был мой расчёт. Между нами завязалась борьба. Он прибег к довольно жестоким мерам. Однажды поздно вечером он вошёл ко мне с электрическим аппаратом, приставил к моим вискам электроды и, ещё не пуская тока, обратился с речью. Он стоял, скрестив руки на груди, и говорил очень ласковым, мягким тоном, как настоящий инквизитор. «Дорогой коллега, — начал он. — Мы здесь одни, с глазу на глаз, за толстыми каменными стенами. Впрочем, если бы они были и тоньше, это не меняет дела, так как вы не можете кричать. Вы вполне в моей власти. Я могу причинить вам самые ужасные пытки и останусь безнаказанным. Но зачем пытки? Мы с вами оба учёные и можем понять друг друга. Я знаю, вам нелегко живётся, но в этом не моя вина. Вы мне нужны, и я не могу освободить вас от тягостной жизни, а сами вы не в состоянии сбежать от меня даже в небытие. Так не лучше ли нам покончить дело миром? Вы будете продолжать наши научные занятия…» Я отрицательно повёл бровями, и губы мои бесшумно прошептали:

«Нет!» — «Вы очень огорчаете меня. Не хотите ли папироску? Я знаю, что вы не можете испытывать полного удовольствия, так как у вас нет лёгких, через которые никотин мог бы всосаться в кровь, но всё же знакомые ощущения…» И он, вынув из портсигара две папиросы, одну закурил сам, а другую вставил мне в рот. С каким удовольствием я выплюнул эту папироску! «Ну хорошо, коллега, — сказал он тем же вежливым, невозмутимым голосом, — вы принуждаете меня прибегнуть к мерам воздействия…» И он пустил электрический ток. Как будто раскалённый бурав пронизал мой мозг… «Как вы себя чувствуете? — заботливо спросил он меня, точно врач пациента. — Голова болит? Может быть, вы хотите излечить её? Для этого вам стоит только…» — «Нет!» — отвечали мои губы. «Очень, очень жаль. Придётся немного усилить ток. Вы очень огорчаете меня». И он пустил такой сильный ток, что мне казалось, голова моя воспламеняется. Боль была невыносимая. Я скрипел зубами. Сознание моё мутилось. Как я хотел потерять его! Но, к сожалению, не терял. Я только закрыл глаза и сжал губы. Керн курил, пуская мне дым в лицо, и продолжал поджаривать мою голову на медленном огне. Он уже не убеждал меня. И когда я приоткрыл глаза, то

увидел, что он взбешён моим упорством. «Чёрт побери! Если бы ваши мозги мне не были так нужны, я зажарил бы их и сегодня же накормил бы ими своего пинчера. Фу, упрямец!» И он бесцеремонно сорвал с моей головы все провода и удалился. Однако мне ещё рано было радоваться. Скоро он вернулся и начал впускать в растворы, питающие мою голову, раздражающие вещества, которые вызывали у меня сильнейшие мучительные боли. И когда я невольно морщился, он спрашивал меня: «Так как, коллега, вы решаете? Всё ещё нет?» Я был непоколебим. Он ушёл ещё более взбешённый, осыпая меня тысячью проклятий. Я торжествовал победу. Несколько дней Керн не появлялся в лаборатории, и со дня на день я ожидал избавительницы-смерти. На пятый день он пришёл как ни в чём не бывало, весело насвистывая песенку. Не глядя на меня, он стал продолжать работу. Дня два или три я наблюдал за ним, не принимая в ней участия. Но работа не могла не интересовать меня. И когда он, производя опыты, сделал несколько ошибок, которые могли погубить результаты всех наших усилий, я не утерпел и сделал ему знак. «Давно бы так!» — проговорил он с довольной улыбкой и пустил воздух через моё горло. Я объяснил ему

ошибки и с тех пор продолжаю руководить работой… Он перехитрил меня.

ЖЕРТВЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА

С тех пор как Лоран узнала тайну головы, она возненавидела Керна. И это чувство росло с каждым днём. Она засыпала с этим чувством и просыпалась с ним. Она в страшных кошмарах видела Керна во сне. Она была прямо больна ненавистью. В последнее время при встречах с Керном она едва удерживалась, чтобы не бросить ему в лицо: «Убийца!»

Она держалась с ним натянуто и холодно.

— Керн — чудовищный преступник! — воскликала Мари, оставшись наедине с головой. — Я донесу на него… Я буду кричать о его преступлении, не успокоюсь, пока не развенчаю этой краденой славы, не раскрою всех его злодеяний. Я себя не пощажу.

— Тише!.. Успокойтесь, — уговаривал Доуэль. — Я уже говорил вам, что во мне нет чувства мести. Но если ваше нравственное чувство возмущено и жаждет возмездия, я не буду отговаривать вас… только не спешите. Я прошу вас подождать до конца наших опытов. Ведь и я нуждаюсь сейчас в Керне, как и он во мне. Он без меня не может

окончить труд, но так же и я без него. А ведь это всё, что мне осталось. Большего мне не создать, но начатые работы должны быть окончены.

В кабинете послышались шаги.

Лоран быстро закрыла кран и уселась с книжкой в руке, всё ещё возмущённая. Голова Доуэля опустила веки, как человек, погружённый в дремоту.

Вошёл профессор Керн.

Он подозрительно посмотрел на Лоран.

— В чём дело? Вы чем-то расстроены? Всё в порядке?

— Нет… ничего… всё в порядке… семейные неприятности…

— Дайте ваш пульс…

Лоран неохотно протянула руку.

— Бьётся учащённо… Нервы пошаливают… Для нервных, пожалуй, это тяжёлая работа. Но я вами доволен. Я удваиваю вам вознаграждение.

— Мне не нужно, благодарю вас.

— «Мне не нужно». Кому же не нужны деньги? Ведь у вас семья.

Лоран ничего не ответила.

— Вот что. Надо сделать кое-какие приготовления. Голову профессора Доуэля мы поместим в комнату за лабораторией… Временно, коллега,

временно. Вы не спите? — обратился он к голове. — А сюда завтра привезут два свеженьких трупа, и мы изготовим из них пару хорошо говорящих голов и продемонстрируем их в научном обществе. Пора обнародовать наше открытие.

И Керн снова испытующе посмотрел на Лоран.

Чтобы раньше времени не обнаружить всей силы своей неприязни, Лоран заставила себя принять равнодушный вид и поспешила задать вопрос, первый из пришедших ей в голову:

— Чьи трупы будут привезены?

— Я не знаю, и никто этого не знает. Потому что сейчас это ещё не трупы, а живые и здоровые люди. Здоровее нас с вами. Это я могу сказать с уверенностью. Мне нужны головы абсолютно здоровых людей. Но завтра их ожидает смерть. А через час, не позже, после этого они будут здесь, на прозекторском столе. Я уж позабочусь об этом.

Лоран, которая ожидала от профессора Керна всего, посмотрела на него таким испуганным взглядом, что он на мгновение смешался, а потом громко рассмеялся.

— Нет ничего проще. Я заказал пару свеженьких трупов в морге. Дело, видите ли, в том, что город, этот современный молох, требует еже-

дневных человеческих жертв. Каждый день, с непреложностью законов природы, в городе гибнет от уличного движения несколько человек, не считая несчастных случаев на заводах, фабриках, постройках. Ну и вот эти обречённые, жизнерадостные, полные сил и здоровья люди сегодня спокойно уснут, не зная, что их ожидает завтра. Завтра утром они встанут и, весело напевая, будут одеваться, чтобы идти, как они будут думать, на работу, а на самом деле — навстречу своей неизбежной смерти. В то же время в другом конце города, так же беззаботно напевая, будет одеваться их невольный палач: шофёр или вагоновожатый. Потом жертва выйдет из своей квартиры, палач выедет из противоположного конца города из своего гаража или трамвайного парка. Преодолевая поток уличного движения, они упорно будут приближаться друг к другу, не зная друг друга, до самой роковой точки пересечения их путей. Потом на одно короткое мгновение кто-то из них зазевается — и готово. На статистических счетах, отмечающих число жертв уличного движения, прибавится одна косточка. Тысячи случайностей должны привести их к этой фатальной точке пересечения. И тем не менее всё это неуклонно совершится с точностью

часового механизма, сдвигающего на мгновение в одну плоскость две часовые стрелки, идущие с различной скоростью.

Никогда ещё профессор Керн не был так разговорчив с Лоран. И откуда у него эта неожиданная щедрость? «Я удваиваю вам вознаграждение…»

«Он хочет задобрить, купить меня, — подумала Лоран. — Он, кажется, подозревает, что я догадываюсь или даже знаю о многом. Но ему не удастся купить меня».

НОВЫЕ ОБИТАТЕЛИ ЛАБОРАТОРИИ

Наутро на прозекторском столе лаборатории профессора Керна действительно лежали два свежих трупа.

Две новые головы, предназначенные для публичной демонстрации, не должны были знать о существовании головы профессора Доуэля. И потому она была предусмотрительно перемещена профессором Керном в смежную комнату.

Мужской труп принадлежал рабочему лет тридцати, погибшему в потоке уличного движения. Его могучее тело было раздавлено. В полуоткрытых остекленевших глазах замер испуг.

Профессор Керн, Лоран и Джон в белых халатах работали над трупами.

— Было ещё несколько трупов, — говорил профессор Керн. — Один рабочий упал с лесов. Забраковал. У него могло быть повреждение мозга от сотрясения. Забраковал я и нескольких самоубийц, отравившихся ядами. Вот этот парень оказался подходящим. Да вот эта ещё… ночная красавица.

Он кивком головы указал на труп женщины с красивым, но увядшим лицом. На лице сохранились ещё следы румян и гримировального карандаша. Лицо было спокойно. Только приподнятые брови и полуоткрытый рот выражали какое-то детское удивление.

— Певичка из бара. Была убита наповал шальной пулей во время ссоры пьяных апашей. Прямо в сердце, — видите? Нарочно так не попадёшь.

Профессор Керн работал быстро и уверенно. Головы были отделены от тела, трупы унесены.

Ещё несколько минут — и головы были помещены на высокие столики. В горло, в вены и сонные артерии введены трубки.

Профессор Керн находился в приятно-возбуждённом состоянии. Приближался момент его торжества. В успехе он не сомневался.

На предстоящую демонстрацию и доклад профессора Керна в научном обществе были приглашены светила науки. Пресса, руководимая умелой рукой, помещала предварительные статьи, в которых превозносила научный гений профессора Керна. Журналы помещали его портреты. Выступлению Керна с его изумительным опытом оживления мёртвых человеческих голов придавали значение торжества национальной

науки.

Весело посвистывая, профессор Керн вымыл руки, закурил сигару и самодовольно посмотрел на стоящие перед ним головы.

— Хе-хе! На блюдо попала голова не только Иоанна, но и самой Саломеи. Недурная будет встреча. Остаётся только открыть кран и… мёртвые оживут. Ну что же, мадемуазель? Оживляйте. Откройте все три крана. В этом большом цилиндре содержится сжатый воздух, а не яд, хе-хе…

Для Лоран это давно не было новостью. Но она, по бессознательной почти хитрости, не подала и виду.

Керн нахмурился, сделался вдруг серьёзным. Подойдя вплотную к Лоран, он, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Но у профессора Доуэля прошу воздушного крана не открывать. У него… повреждены голосовые связки и…

Поймав недоверчивый взгляд Лоран, он раздражённо добавил:

— Как бы то ни было… я запрещаю вам. Будьте послушны, если не хотите навлечь на себя крупные неприятности.

И, повеселев опять, он протяжно пропел на мотив оперы «Паяцы»:

— Итак, мы начинаем!

Лоран открыла краны.

Первой стала подавать признаки жизни голова рабочего. Едва заметно дрогнули веки. Зрачки стали прозрачны.

— Циркуляция есть. Всё идёт хорошо…

Вдруг глаза головы изменили своё направление, повернулись к свету окна. Медленно возвращалось сознание.

— Живёт! — весело крикнул Керн. — Дайте сильнее воздушную струю.

Лоран открыла кран больше.

Воздух засвистал в горле.

— Что это?.. Где я?.. — невнятно произнесла голова.

— В больнице, друг мой, — сказал Керн.

— В больнице?.. — Голова повела глазами, опустила их вниз и увидела под собой пустое пространство.

— А где же мои ноги? Где мои руки? Где моё тело?

— Его нет, голубчик. Оно разбито вдребезги. Только голова и уцелела, а туловище пришлось отрезать.

— Как это отрезать? Ну нет, я не согласен. Какая же это операция? Куда я годен такой? Одной голо-

вой куска хлеба не заработаешь. Мне руки надо. Без рук, без ног на работу никто не возьмёт… Выйдешь из больницы… Тьфу! И выйти-то не на чём. Как же теперь? Пить-есть надо. Больницы-то наши знаю я. Подержите маленько, да и выгоните: вылечили. Нет, я не согласен, — твердил он.

Его выговор, широкое, загорелое, веснушчатое лицо, причёска, наивный взгляд голубых глаз — всё обличало в нём деревенского жителя.

Нужда оторвала его от родимых полей, город растерзал молодое здоровое тело.

— Может, хоть пособие какое выйдет?.. А где тот?.. — вдруг вспомнил он, и глаза его расширились.

— Кто?

— Да тот… что наехал на меня… Тут трамвай, тут другой, тут автомобиль, а он прямо на меня…

— Не беспокойтесь. Он получит своё. Номер грузовика записан: четыре тысячи семьсот одиннадцатый, если вас это интересует. Как вас зовут? — спросил профессор Керн.

— Меня? Тома звали. Тома Буш, вот оно как.

— Так вот что. Тома… Вы не будете ни в чём нуждаться и не будете страдать ни от голода, ни от холода, ни от жажды. Вас не выкинут на улицу, не беспокойтесь.

— Что ж, даром кормить будете или на ярмарках за деньги показывать?

— Показывать покажем, только не на ярмарках. Учёным покажем. Ну, а теперь отдохните. — И, посмотрев на голову женщины. Керн озабоченно заметил: — Что-то Саломея заставляет себя долго ждать.

— Это что ж, тоже голова без тела? — спросила голова Тома.

— Как видите, чтоб вам скучно не было, мы позаботились пригласить в компанию барышню… Закройте, Лоран, его воздушный кран, чтобы не мешал своей болтовнёй.

Керн вынул из ноздрей головы женщины термометр.

— Температура выше трупной, но ещё низка. Оживление идёт медленно…

Время шло. Голова женщины не оживала. Профессор Керн начал волноваться. Он ходил по лаборатории, посматривал на часы, и каждый его шаг по каменному полу звонко отдавался в большой комнате.

Голова Тома с недоумением смотрела на него и беззвучно шевелила губами.

Наконец Керн подошёл к голове женщины и внимательно осмотрел стеклянные трубочки,

которыми оканчивались каучуковые трубки, введённые в сонные артерии.

— Вот где причина. Эта трубка входит слишком свободно, и поэтому циркуляция идёт медленно. Дайте трубку шире.

Керн заменил трубку, и через несколько минут голова ожила.

Голова Брике, — так звали женщину, — реагировала более бурно на своё оживление. Когда она окончательно пришла в себя и заговорила, то стала хрипло кричать, умоляла лучше убить её, но не оставлять таким уродом.

— Ах, ах, ах!.. Моё тело… моё бедное тело!.. Что вы сделали со мной? Спасите меня или убейте. Я

не могу жить без тела!.. Дайте мне хоть посмотреть на него… нет, нет, не надо. Оно без головы… какой ужас!.. какой ужас!..

Когда она немного успокоилась, то сказала:

— Вы говорите, что оживили меня. Я малообразованна, но я знаю, что голова не может жить без тела. Что это, чудо или колдовство?

— Ни то, ни другое. Это — достижение науки.

— Если ваша наука способна творить такие чудеса, то она должна уметь делать и другие. Приставьте мне другое тело. Осёл Жорж продырявил меня пулей… Но ведь немало девушек пускают себе пулю в лоб. Отрежьте их тело и приставьте к моей голове. Только раньше покажите мне. Надо выбрать красивое тело. А так я не могу… Женщина без тела. Это хуже, чем мужчина без головы.

И, обратившись к Лоран, она попросила:

— Будьте добры дать мне зеркало.

Глядя в зеркало, Брике долго и серьёзно изучала себя.

— Ужасно!.. Можно вас попросить поправить мне волосы? Я не могу сама сделать себе причёску…

— У вас, Лоран, работы прибавилось, — усмехнулся Керн. — Соответственно будет увеличено и ваше вознаграждение. Мне пора.

Он посмотрел на часы и, подойдя близко к Лоран, шепнул:

— В их присутствии, — он показал глазами на головы, — ни слова о голове профессора Доуэля!..

Когда Керн вышел из лаборатории, Лоран пошла навестить голову профессора Доуэля.

Глаза Доуэля смотрели на неё грустно. Печальная улыбка кривила губы.

— Бедный мой, бедный… — прошептала Лоран. — Но скоро вы будете отомщены!

Голова сделала знак. Лоран открыла воздушный кран.

— Вы лучше расскажите, как прошёл опыт, — прошипела голова, слабо улыбаясь.

ГОЛОВЫ РАЗВЛЕКАЮТСЯ

Головам Тома и Брике ещё труднее было привыкнуть к своему новому существованию, чем голове Доуэля. Его мозг занимался сейчас теми же научными работами, которые интересовали его и раньше. Тома и Брике были люди простые, и без тела жить им не было смысла. Немудрено, что они очень скоро затосковали.

— Разве это жизнь? — жаловался Тома. — Торчишь как пень. Все стены до дыр проглядел…

Угнетённое настроение «пленников науки», как шутя называл их Керн, очень озабочивало его. Головы могли захиреть от тоски прежде, чем настанет день их демонстрации.

И профессор Керн всячески старался развлекать их.

Он достал киноаппарат, и Лоран с Джоном вечерами устраивали кинематографические сеансы. Экраном служила белая стена лаборатории.

Голове Тома особенно нравились комические картины с участием Чарли Чаплина и Монти Бэнкса. Глядя на их проделки, Тома забывал на время о своём убогом существовании. Из его гор-

ла даже вырывалось нечто похожее на смех, а на глазах навёртывались слёзы.

Но вот отпрыгал Бэнкс, и на белой стене комнаты появилось изображение фермы. Маленькая девочка кормит цыплят. Хохлатая курица хлопотливо угощает своих птенцов. На фоне коровника молодая здоровая женщина доит корову, отгоняя локтем телёнка, который тычет мордой в вымя. Пробежала лохматая собака, весело махая хвостом, и вслед за нею показался фермер. Он вёл на поводу лошадь.

Тома как-то прохрипел необычайно высоким фальшивым голосом и вдруг крикнул:

— Не надо! Не надо!..

Джон, хлопотавший около аппарата, не сразу понял, в чём дело.

— Прекратите демонстрацию! — крикнула Лоран и поспешила включить свет. Побледневшее изображение ещё мелькало некоторое время и, наконец, исчезло. Джон остановил работу проекционного аппарата.

Лоран посмотрела на Тома. На глазах его виднелись слёзы, но это уже не были слёзы смеха. Всё его пухлое лицо собралось в гримасу, как у обиженного ребёнка, рот скривился:

— Как у нас… в деревне… — хныча, произнёс

он. — Корова… курочка… Пропало, всё теперь пропало…

У аппарата уже хлопотала Лоран. Скоро свет был погашен, и на белой стене замелькали тени. Гарольд Ллойд улепётывал от преследовавших его полисменов. Но настроение у Тома было уже испорчено. Теперь вид движущихся людей стал нагонять на него ещё большую тоску.

— Ишь, носится как угорелый, — ворчала голова Тома. — Посадить бы его так, не попрыгал бы.

Лоран ещё раз попыталась переменить программу.

Вид великосветского бала совершенно расстроил Брике. Красивые женщины и их роскошные туалеты раздражали её.

— Не надо… я не хочу смотреть, как живут другие, — говорила она.

Кинематограф убрали.

Радиоприёмник развлекал их несколько дольше.

Их обоих волновала музыка, в особенности плясовые мотивы, танцы.

— Боже, как я плясала этот танец! — вскричала однажды Брике, заливаясь слезами.

Пришлось перейти к иным развлечениям.

Брике капризничала, требовала ежеминутно

зеркало, изобретала новые причёски, просила подводить ей глаза карандашом, белить и румянить лицо. Раздражалась бестолковостью Лоран, которая никак не могла постигнуть тайн косметики.

— Неужели вы не видите, — раздражённо говорила голова Брике, — что правый глаз подведён темнее левого. Поднимите зеркало выше.

Она просила, чтобы ей принесли модные журналы и ткани, и заставляла драпировать столик, на котором была укреплена её голова.

Она доходила до чудачества, заявив вдруг с запоздалой стыдливостью, что не может спать в одной комнате с мужчиной.

— Отгородите меня на ночь ширмой или, по крайней мере, хоть книгой.

И Лоран делала «ширму» из большой раскрытой книги, установив её на стеклянной доске у головы Брике.

Не меньше хлопот доставлял и Тома.

Однажды он потребовал вина. И профессор Керн принуждён был доставить ему удовольствие опьянения, вводя в питающие растворы небольшие дозы опьяняющих веществ.

Иногда Тома и Брике пели дуэтом. Ослабленные голосовые связки не повиновались. Это был

ужасный дуэт.

— Мой бедный голос… Если бы вы могли слышать, как я пела раньше! — говорила Брике, и брови её страдальчески поднимались вверх.

Вечерами на них нападало раздумье. Необычайность существования заставляла даже эти простые натуры задумываться над вопросами жизни и смерти.

Брике верила в бессмертие. Тома был материалистом.

— Конечно, мы бессмертны, — говорила голова Брике. — Если бы душа умирала с телом, она не вернулась бы в голову.

— А где у вас душа сидела: в голове или в теле? — ехидно спросил Тома.

— Конечно, в теле была… везде была… — неуверенно отвечала голова Брике, подозревая в вопросе какой-то подвох.

— Так что же, душа вашего тела безголовая теперь ходит на том свете?

— Сами вы безголовый, — обиделась Брике.

— Я-то с головой. Только она одна у меня и есть, — не унимался Тома. — А вот душа вашей головы не осталась на том свете? По этой резиновой кишке назад на землю вернулась? Нет, — говорил он уже серьёзно, — мы как машина. Пустил

пар — опять заработала. А разбилась вдребезги — никакой пар не поможет…

И каждый погружался в свои думы…

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Доводы Тома не убеждали Брике. Несмотря на свой безалаберный образ жизни, она была истой католичкой. Ведя довольно бурную жизнь, она не имела времени не только думать о загробном существовании, но даже и ходить в церковь. Однако привитая в детстве религиозность крепко держалась в ней. И теперь, казалось, наступил самый подходящий момент для того, чтобы эти семена религиозности дали всходы. Настоящая жизнь её была ужасна, но смерть — возможность второй смерти — пугала её ещё больше. По ночам её мучили кошмары загробной жизни.

Ей мерещились языки адского пламени. Она видела, как её грешное тело уже поджаривалось на огромной сковороде.

Брике в ужасе просыпалась, стуча зубами и задыхаясь. Да, она определённо ощущала удушье. Её возбуждённый мозг требовал усиленного притока кислорода, но она была лишена сердца — того живого двигателя, который так идеально регулирует поставку нужного количества крови всем органам тела. Она пыталась кричать, чтобы

разбудить Джона, дежурившего в их комнате. Но Джону надоели частые вызовы, и он, чтобы спокойно поспать хоть несколько часов, вопреки требованиям профессора Керна, выключал иногда у голов воздушные краны. Брике открывала рот, как рыба, извлечённая из воды, и пыталась кричать, но её крик был не громче предсмертного зеванья рыбы… А по комнате продолжали бродить чёрные тени химер, адское пламя освещало их лица. Они приближались к ней, протягивали страшные когтистые лапы. Брике закрывала глаза, но это не помогало: она продолжала видеть их. И странно: ей казалось, что сердце её замирает и холодеет от ужаса.

— Господи, господи, неужели ты не простишь рабу твою, ты всемогущ, — беззвучно шевелились её губы, — твоя доброта безмерна. Я много грешила, но разве я виновата? Ведь ты знаешь, как всё это вышло. Я не помню своей матери, меня некому было научить добру… Я голодала. Сколько раз я просила тебя прийти мне на помощь. Не сердись, господи, я не упрекаю тебя, — боязливо продолжала она свою немую молитву, — я хочу сказать, что не так уж виновата. И по милосердию своему ты, быть может, отправишь меня в чистилище… Только не в ад! Я умру от ужаса…

Какая я глупая, ведь там не умирают! — И она вновь начинала свои наивные молитвы.

Плохо спал и Тома. Но его не преследовали кошмары ада. Его снедала тоска о земном. Всего несколько месяцев тому назад он ушёл из родной деревни, оставив там всё, что было дорого его сердцу, захватив с собою в дорогу только небольшой мешок с лепёшками и свои мечты — собрать в городе деньги на покупку клочка земли. И тогда он женится на краснощёкой, здоровой Мари… О, тогда отец её не будет противиться их браку.

И вот всё рухнуло… На белой стене своей неожиданной тюрьмы он увидел ферму и увидел весёлую, здоровую женщину, так похожую на Мари, доившую корову. Но вместо него. Тома, какой-то другой мужчина провёл через двор, мимо хлопотливой курицы с цыплятами, лошадь, мерно отмахивавшуюся хвостом от мух. А он. Тома, убит, уничтожен, и голова его вздёрнута на кол, как воронье пугало. Где его сильные руки, здоровое тело? В отчаянии Тома заскрипел зубами. Потом он тихо заплакал, и слёзы капали на стеклянную подставку.

— Что это? — удивлённо спросила Лоран во время утренней уборки. — Откуда эта вода?

Хотя воздушный кран предусмотрительно уже

был включён Джоном, но Тома не отвечал. Угрюмо и недружелюбно посмотрел он на Лоран, а когда она отошла к голове Брике, он тихо прохрипел ей вслед:

— Убийца! — Он уже забыл о шофёре, раздавившем его, и перенёс весь свой гнев на окружавших его людей.

— Что вы сказали. Тома? — обернулась Лоран, поворачивая к нему голову. Но губы Тома были уже вновь крепко сжаты, а глаза смотрели на неё с нескрываемым гневом.

Лоран была удивлена и хотела расспросить Джона о причине плохого настроения, но Брике уже завладела её вниманием.

— Будьте добры почесать мне нос с правой стороны. Эта беспомощность ужасна… Прыщика там нет? Но отчего же тогда так чешется? Дайте мне, пожалуйста, зеркало.

Лоран поднесла зеркало к голове Брике.

— Поверните вправо, я не вижу. Ещё… Вот так. Краснота есть. Быть может, помазать кольдкремом?

Лоран терпеливо мазала кремом.

— Вот так. Теперь прошу припудрить. Благодарю вас… Лоран, я хотела у вас спросить об одной вещи…

— Пожалуйста.

— Скажите мне, если… очень грешный человек исповедуется у священника и покается в своих грехах, может ли такой человек получить отпущение грехов и попасть в рай?

— Конечно, может, — серьёзно ответила Лоран.

— Я так боюсь адских мучений… — призналась Брике. — Прошу вас, пригласите ко мне кюре… я хочу умереть христианкой…

И голова Брике с видом умирающей мученицы закатила глаза вверх. Потом она опустила их и воскликнула:

— Какой интересный фасон вашего платья! Это последняя мода? Вы давно не приносили мне модных журналов.

Мысли Брике вернулись к земным интересам.

— Короткий подол… Красивые ноги очень выигрывают при коротких юбках. Мои ноги! Мои несчастные ноги! Вы видели их? О, когда я танцевала, эти ноги сводили мужчин с ума!

В комнату вошёл профессор Керн.

— Как дела? — весело спросил он.

— Послушайте, господин профессор, — обратилась к нему Брике, — я не могу так… вы должны приделать мне чьё-нибудь тело… Я уже просила

вас об этом однажды и теперь прошу ещё. Я очень прошу вас. Я уверена, что если только вы захотите, то сможете сделать это…

«Чёрт возьми, а почему бы и нет?» — подумал профессор Керн. Хотя он присвоил себе всю честь оживления человеческой головы, отделённой от тела, но в душе сознавал, что этот удачный опыт является всецело заслугой профессора Доуэля. Но почему не пойти дальше Доуэля? Из двух погибших людей составить одного живого, — это было бы грандиозно! И вся честь, при удаче опыта, по праву принадлежала бы одному Керну. Впрочем, кое-какими советами головы Доуэля всё же можно было бы воспользоваться. Да, над этим решительно следует подумать.

— А вам очень хочется ещё поплясать? — улыбнулся Керн и пустил в голову Брике струю сигарного дыма.

— Хочу ли я? Я буду танцевать день и ночь. Я буду махать руками, как ветряная мельница, буду порхать, как бабочка… Дайте мне тело, молодое, красивое женское тело!

— Но почему непременно женское? — игриво спросил Керн. — Если вы только захотите, я могу дать вам и мужское тело.

Брике посмотрела на него с удивлением и

ужасом.

— Мужское тело? Женская голова на мужском теле! Нет, нет, это будет ужасное безобразие! Трудно даже придумать костюм…

— Но ведь вы тогда уже не будете женщиной. Вы превратитесь в мужчину. У вас отрастут усы и борода, изменится и голос. Разве вы не хотите превратиться в мужчину? Многие женщины сожалеют о том, что они не родились мужчиной.

— Это, наверное, такие женщины, на которых мужчины не обращали никакого внимания. Такие, конечно, выиграли бы от превращения в мужчину. Но я… я не нуждаюсь в этом. — И Брике гордо вздёрнула свои красивые брови.

— Ну, пусть будет по-вашему. Вы останетесь женщиной. Я постараюсь подыскать вам подходящее тело.

— О, профессор, я буду бесконечно благодарна вам. Можно это сделать сегодня? Представляю, какой я произведу эффект, когда вновь вернусь в «Ша-нуар»…

— Это так скоро не делается.

Брике продолжала болтать, но Керн уже отошёл от неё и обратился к Тома:

— Как дела, приятель?

Тома не слыхал разговора профессора с Брике.

Занятый своими мыслями, он угрюмо посмотрел на Керна и ничего не ответил.

С тех пор как профессор Керн обещал Брике дать новое тело, её настроение круто изменилось. Адские кошмары уже не преследовали её. Она больше не думала о загробном существовании. Все её мысли были поглощены заботами о предстоящей новой земной жизни. Глядя в зеркало, она беспокоилась о том, что её лицо стало худым, а кожа приобрела желтоватый оттенок. Она измучила Лоран, заставляя завивать себе волосы, делать причёску и наводить грим на лицо.

— Профессор, неужели я останусь такая худая и жёлтая? — с беспокойством спрашивала она Керна.

— Вы станете красивей, чем были, — успокаивал он её.

— Нет, красками здесь не поможешь, это самообман, — говорила она по уходе профессора. — Мадемуазель Лоран, мы будем делать холодные обмывания и массаж. У глаз и от носа к губам у меня появились новые морщинки. Я думаю, если хорошо массировать, они уничтожатся. Одна моя подруга… Ах да, я и забыла вас спросить, нашли ли вы серого шёлку на платье? Серый цвет очень идёт ко мне. А модные журналы

принесли? Отлично! Как жалко, что ещё нельзя делать примерки. Я не знаю, какое у меня будет тело. Хорошо, чтобы он достал повыше ростом, с узкими бёдрами… Разверните журнал.

И она углубилась в тайны красоты женских нарядов.

Лоран не забывала о голове профессора Доуэля. Она по-прежнему ухаживала за головой и по утрам занималась чтением, но на разговоры не оставалось времени, а Лоран ещё о многом хотела переговорить с Доуэлем. Она всё более переутомлялась и нервничала. Голова Брике не давала ей ни минуты покоя. Иногда Лоран прерывала чтение и принуждена была бежать на крик Брике только для того, чтобы поправить спустившийся локон или ответить, была ли Лоран в бельевом магазине.

— Но ведь вы же не знаете размеров вашего тела, — сдерживая раздражение, говорила Лоран, наскоро поправляла локон на голове Брике и спешила к голове Доуэля.

Мысль о производстве смелой операции захватила Керна.

Керн усиленно работал, подготовляясь к этой сложной операции. Он надолго запирался с головой профессора Доуэля и беседовал с ней. Без

совета Доуэля Керн при всём желании обойтись не мог. Доуэль указывал ему на целый ряд затруднений, о которых Керн не подумал и которые могли повлиять на исход опыта, советовал проделать несколько предварительных опытов на животных и руководил этими опытами. И, — такова была сила интеллекта Доуэля, — он сам чрезвычайно заинтересовался предстоящим опытом. Голова Доуэля как будто даже посвежела. Мысль его работала с необычайной ясностью.

Керн был доволен и недоволен столь широкой помощью Доуэля. Чем дальше подвигалась работа, тем больше убеждался Керн, что без Доуэля он с нею не справился бы. И ему оставалось тешить своё самолюбие только тем, что осуществление этого нового опыта будет произведено им.

— Вы достойный преемник покойного профессора Доуэля, — как-то сказала ему голова Доуэля с едва заметной иронической улыбкой. — Ах, если бы я мог принять более активное участие в этой работе!

Это не было ни просьбой, ни намёком. Голова Доуэля слишком хорошо знала, что Керн не захочет, не решится дать ей новое тело.

Керн нахмурился, но сделал вид, что не слыхал этого восклицания.

— Итак, опыты с животными увенчались успехом, — сказал он. — Я оперировал двух собак. Обезглавив их, пришил голову одной к туловищу другой. Обе здравствуют, швы на шее срастаются.

— Питание? — спросила голова.

— Пока ещё искусственное. Через рот даю только дезинфицирующий раствор с йодом. Но скоро перейду на нормальное питание.

Через несколько дней Керн объявил:

— Собаки питаются, нормально. Перевязки сняты, и, я думаю, через день-два они смогут бегать.

— Подождите с недельку, — посоветовала голова. — Молодые собаки делают резкие движения головой, и швы могут разойтись. Не форсируйте. — «Успеете пожать лавры», — хотела добавить голова, но удержалась. — И ещё одно: держите собак в разных помещениях. Вдвоём они будут поднимать возню и могут повредить себе.

Наконец настал день, когда профессор Керн с торжественным видом ввёл в комнату головы Доуэля собаку с чёрной головой и белым туловищем. Собака, видимо, чувствовала себя хорошо. Глаза её были живы, она весело помахивала хвостом. Увидев голову профессора Доуэля, собака вдруг взъерошила шерсть, заворчала и залаяла

диким голосом. Необычайное зрелище, видимо, поразило и испугало её.

— Проведите собаку по комнате, — сказала голова.

Керн прошёлся по комнате, ведя за собой собаку. От намётанного, зоркого глаза Доуэля ничего не ускользало.

— А это что? — спросил Доуэль. — Собака немного припадает на заднюю левую ногу. И голосок не в порядке.

Керн смутился.

— Собака хромала и до операции, — сказал он, — нога перешиблена.

— На глаз деформации не видно, а прощупать, увы, я не могу. Вы не могли найти пару здоровых собак? — с сомнением в голосе спросила голова. — Я думаю, со мной можно быть вполне откровенным, уважаемый коллега. Наверно, с операцией оживления долго возились и слишком задержали «смертную паузу» остановки сердечной деятельности и дыхания, а это, как вам должно быть известно из моих опытов, нередко ведёт к расстройству функций нервной системы. Но успокойтесь, такие явления могут исчезнуть. Постарайтесь только, чтобы ваша Брике не захромала на обе ноги.

Керн был взбешён, но старался не подавать виду. Он узнал в голове прежнего профессора Доуэля — прямого, требовательного и самоуверенного.

«Возмутительно! — думал Керн. — Эта шипящая, как проколотая шина, голова продолжает учить меня и издеваться над моими ошибками, и я принуждён, точно школьник, выслушивать её поучения… Поворот крана, и дух вылетит из этой гнилой тыквы…» Однако вместо этого Керн, ничем не выдавая своего настроения, с вниманием выслушал ещё несколько советов.

— Благодарю за ваши указания, — сказал Керн и, кивнув головой, вышел из комнаты.

За дверями он опять повеселел.

«Нет, — утешал себя Керн, — работа проведена отлично. Угодить Доуэлю не так-то легко. Припадающая нога и дикий голос собаки — пустяки в сравнении с тем, что сделано».

Проходя через комнату, где помещалась голова Брике, он остановился и, показывая на собаку, сказал:

— Мадемуазель Брике, ваше желание скоро исполнится. Видите эту собачку? Она так же, как и вы, была головой без тела, и, посмотрите, она живёт и бегает как ни в чём не бывало.

— Я не собачка, — обиженно ответила голова

Брике.

— Но ведь это же необходимый опыт. Если ожила собачки в новом теле, то оживёте и вы.

— Не понимаю, при чём тут собачка, — упрямо твердила Брике. — Мне нет никакого дела до собачки. Вы лучше скажите, когда я буду оживлена. Вместо того чтобы скорее оживить меня, вы возитесь с какими-то собаками.

Керн безнадёжно махнул рукой и, продолжая весело улыбаться, сказал:

— Теперь скоро. Надо только найти подходящий труп… то есть тело, и вы будете в полной форме, как говорится.

Отведя собаку. Керн вернулся с сантиметром в руках и тщательно измерил окружность шеи головы Брике.

— Тридцать шесть сантиметров, — сказал он.

— Боже, неужели я так похудела? — воскликнула голова Брике. — У меня было тридцать восемь. А размер туфель я ношу…

Но Керн, не слушая её, быстро ушёл к себе. Не успел он усесться за свой стол в кабинете, как в дверь постучались.

— Войдите.

Дверь открылась. Вошла Лоран. Она старалась держаться спокойно, но лицо её было взволно-

ванно.

ПОРОК И ДОБРОДЕТЕЛЬ

— В чём дело? С головами что-нибудь случилось? — спросил Керн, поднимая голову от бумаг.

— Нет… но я хотела поговорить с вами, господин профессор.

Керн откинулся на спинку кресла.

— Я вас слушаю, мадемуазель Лоран.

— Скажите, вы серьёзно предполагаете дать голове Брике тело или только утешаете её?

— Совершенно серьёзно.

— И вы надеетесь на успех этой операции?

— Вполне. Вы же видели собаку?

— А Тома вы не предполагаете… поставить на ноги? — издалека начала Лоран.

— Почему бы нет? Он уже просил меня об этом. Не всех сразу.

— А Доуэля… — Лоран вдруг заговорила быстро и взволнованно. — Конечно, каждый имеет право на жизнь, на нормальную человеческую жизнь, и Тома, и Брике. Но вы, разумеется, понимаете, что ценность головы профессора Доуэля гораздо выше, чем остальных ваших голов… И если вы

хотите вернуть к нормальному существованию Тома и Брике, то насколько важнее вернуть к той же нормальной жизни голову профессора Доуэля.

Керн нахмурился. Всё выражение его лица сделалось насторожённым и жёстким.

— Профессор Доуэль, вернее его профессорская голова, нашёл прекрасного защитника в вашем лице, — сказал он, иронически улыбаясь. — Но в таком защитнике, пожалуй, нет и необходимости, и вы напрасно горячитесь и волнуетесь. Разумеется, я думал и об оживлении головы Доуэля.

— Но почему вы не начнёте опыта с него?

— Да именно потому, что голова Доуэля дороже тысячи других человеческих голов. Я начал с собаки, прежде чем наделить телом голову Брике. Голова Брике настолько дороже головы собаки, насколько голова Доуэля дороже головы Брике.

— Жизнь человека и собаки несравнима, профессор…

— Так же, как и головы Доуэля и Брике. Вы ничего больше не имеете сказать?

— Ничего, господин профессор, — ответила Лоран, направляясь к двери.

— В таком случае, мадемуазель, я имею к вам кое-какие вопросы. Подождите, мадемуазель.

Лоран остановилась у двери, вопросительно глядя на Керна.

— Прошу вас, подойдите к столу, присядьте.

Лоран со смутной тревогой опустилась в глубокое кресло. Лицо Керна не обещало ничего хорошего. Керн откинулся на спинку кресла и долго испытующе смотрел в глаза Лоран, пока она не опустила их. Потом он быстро поднялся во весь свой высокий рост, крепко упёрся кулаками в стол, наклонил голову к Лоран и спросил тихо и внушительно:

— Скажите, вы не пускали в действие воздушный кран головы Доуэля? Вы не разговаривали с ним?

Лоран почувствовала, что кончики пальцев её похолодели. Мысли вихрем закружились в её голове. Гнев, который возбуждал в ней Керн, клокотал и готов был прорваться наружу.

«Сказать или не сказать ему правду?» — колебалась Лоран. О, какое наслаждение бросить в лицо этому человеку слово «убийца», но такой открытый выпад мог бы испортить всё.

Лоран не верила в то, что Керн даст голове Доуэля новое тело. Она уже слишком много знала, чтобы верить такой возможности. И она мечтала только об одном, чтобы развенчать Кер-

на, присвоившего себе плоды трудов Доуэля, в глазах общества и раскрыть его преступление. Она знала, что Керн не остановится ни перед чем, и, объявляя себя открытым его врагом, она подвергала свою жизнь опасности. Но не чувство самосохранения останавливало её. Она не хотела погибнуть, прежде чем преступление Керна не будет раскрыто. И для этого надо было лгать. Но лгать не позволяла ей совесть, всё её воспитание. Ещё никогда в жизни она не лгала и теперь переживала ужасное волнение.

Керн не спускал глаз с её лица.

— Не лгите, — сказал он насмешливо, — не отягощайте свою совесть грехом лжи. Вы разговаривали с головой, не отпирайтесь, я знаю это. Джон подслушал всё…

Лоран, склонив голову, молчала.

— Мне интересно только знать, о чём вы разговаривали с головой.

Лоран почувствовала, как отхлынувшая кровь прилила к щекам. Она подняла голову и посмотрела прямо в глаза Керна.

— Обо всём.

— Так, — сказал Керн, не снимая рук со стола. — Так я и думал; Обо всём.

Наступила пауза. Лоран вновь опустила глаза

вниз и сидела теперь с видом человека, ждущего приговора.

Керн вдруг быстро направился к двери и запер её на ключ. Прошёлся несколько раз по мягкому ковру кабинета, заложив руки за спину. Потом бесшумно подошёл к Лоран и спросил:

— И что же вы думаете предпринять, милая девочка? Предать суду кровожадное чудовище Керна? Втоптать его имя в грязь? Разоблачить его преступление? Доуэль, наверное, просил вас об этом?

— Нет, нет, — забыв весь свой страх, горячо заговорила Лоран, — уверяю вас, что голова профессора Доуэля совершенно лишена чувства мести. О, это благородная душа! Он даже… отговаривал меня. Он не то что вы, нельзя судить по себе! — уже с вызовом закончила она, сверкнув глазами.

Керн усмехнулся и вновь зашагал по кабинету.

— Так, так, отлично. Значит, у вас всё-таки были разоблачительные намерения, и если бы не голова Доуэля, то профессор Керн уже сидел бы в тюрьме. Если добродетель не может торжествовать, то, по крайней мере, порок должен быть наказан. Так оканчивались все добродетельные романы, которые вы читали, не правда ли, милая,

девочка?

— И порок будет наказан! — воскликнула она, уже почти теряя волю над своими чувствами.

— О да, конечно, там, на небесах. — Керн посмотрел на потолок, облицованный крупными шашками из чёрного дуба. — Но здесь, на земле, да будет вам известно, наивное создание, торжествует порок и только порок! А добродетель… Добродетель стоит с протянутой рукой, вымаливая у порока гроши, или торчит вот там, — Керн указал в сторону комнаты, где находилась голова Доуэля, — как воронье пугало, размышляя о бренности всего земного.

И, подойдя к Лоран вплотную, он, понизив голос, сказал:

— Вы знаете, что и вас и голову Доуэля я могу, в буквальном смысле слова, превратить в пепел и ни одна душа не узнает об этом.

— Я знаю, что вы готовы на всякое…

— Преступление? И очень хорошо, что вы знаете это.

Керн вновь зашагал по комнате и уже обычным голосом продолжал говорить, как бы рассуждая вслух:

— Однако что вы прикажете с вами делать, прекрасная мстительница? Вы, к сожалению, из

той породы людей, которые не останавливаются ни перед чем и ради правды готовы принять мученический венец. Вы хрупкая, нервная, впечатлительная, но вас не запугаешь. Убить вас? Сегодня же, сейчас же? Мне удастся замести следы убийства, но всё же с этим придётся повозиться. А моё время дорого. Подкупить вас? Это труднее, чем запугать вас… Ну, говорите, что мне делать с вами?

— Оставьте всё так, как было… ведь я же не доносила на вас до сих пор.

— И не донесёте?

Лоран замедлила с ответом, потом ответила тихо, но твёрдо:

— Донесу.

Керн топнул ногой.

— У-у, упрямая девчонка! Так вот что я скажу вам. Садитесь сейчас же за мой письменный стол… Не бойтесь, я ещё не собираюсь ни душить, ни отравлять вас. Ну, садитесь же.

Лоран с недоумением посмотрела на него, подумала и пересела в кресло у письменного стола.

— В конце концов вы нужны мне. Если я сейчас убью вас, мне придётся нанимать заместительницу или заместителя. Я не гарантирован, что на вашем месте не окажется какой-нибудь шанта-

жист, который, открыв тайну головы Доуэля, не станет высасывать из меня деньги, чтобы в итоге всё же донести на меня. Вас я, по крайней мере, знаю. Итак, пишите. «Дорогая мамочка, — или как вы там называете свою мать? — состояние больных, за которыми я ухаживаю, требует моего неотлучного присутствия в доме профессора Керна…»

— Вы хотите лишить меня свободы? Задержать в вашем доме? — с негодованием спросила Лоран, не начиная писать.

— Вот именно, моя добродетельная помощница.

— Я не стану писать такое письмо, — решительно заявила Лоран.

— Довольно! — вдруг крикнул Керн так, что в часах загудела пружина. — Поймите же, что у меня нет другого выхода. Не будьте, наконец, глупой.

— Я не останусь у вас и не буду писать это письмо!

— Ах, так! Хорошо же. Можете идти на все четыре стороны. Но прежде чем вы уйдёте отсюда, вы будете свидетельницей того, как я отниму жизнь у головы Доуэля и растворю эту голову в химическом растворе. Идите и кричите тогда по

всему миру о том, что вы видели у меня голову Доуэля. Вам никто не поверит. Над вами будут смеяться. Но берегитесь! Я не оставлю ваш донос без возмездия. Идёмте же!

Керн схватил Лоран за руку и повлёк к двери. Она была слишком слаба физически, чтобы оказать сопротивление этому грубому натиску.

Керн отпер дверь, быстро прошёл через комнату Тома и Брике и вошёл в комнату, где находилась голова профессора Доуэля.

Голова Доуэля с недоумением смотрела на этот неожиданный визит. А Керн, не обращая внимания на голову, быстро подошёл к аппаратам и резко повернул кран от баллона, подающего кровь.

Глаза головы непонимающе, но спокойно повернулись в сторону крана, затем голова посмотрела на Керна и растерянную Лоран. Воздушный кран не был открыт, и голова не могла говорить. Она только шевелила губами, и Лоран, привыкшая к мимике головы, поняла: это был немой вопрос: «Конец?»

Затем глаза головы, устремлённые на Лоран, начали как будто тускнеть, и в то же время веки широко раскрылись, глазные яблоки выпучились, а лицо начало судорожно подёргиваться.

Голова переживала муки удушья.

Лоран истерически крикнула. Потом, шатаясь, подошла к Керну, уцепилась за его руку и, почти теряя сознание, заговорила прерывающимся, сдавленным спазмой голосом:

— Откройте, скорее откройте кран… Я согласна на всё!

С едва заметной усмешкой Керн открыл кран. Живительная струя потекла по трубке в голову Доуэля. Судорожные подёргивания лица прекратились, глаза приняли нормальное выражение, взгляд просветлел. Угасавшая жизнь вернулась в голову Доуэля. Вернулось и сознание, потому что Доуэль вновь посмотрел на Лоран с выражением недоумения и как будто даже разочарования.

Лоран шаталась от волнения.

— Позвольте вам предложить руку, — галантно сказал Керн, и странная пара удалилась.

Когда Лоран вновь уселась у стола. Керн как ни в чём не бывало сказал:

— Так на чём мы остановились? Да… «Состояние больных требует моего постоянного, — или нет, напишите: — неотлучного пребывания в доме профессора Керна. Профессор Керн был так добр, что предоставил в моё распоряжение прекрасную комнату с окном в сад. Кроме того, так

как мой рабочий день увеличился, то профессор Керн утроил моё жалованье».

Лоран с упрёком посмотрела на Керна.

— Это не ложь, — сказал он. — Необходимость заставляет меня лишить вас свободы, но я должен чем-нибудь вознаградить вас. Я действительно увеличиваю вам жалованье. Пишите дальше: «Уход здесь прекрасный, и хотя работы много, но я чувствую себя великолепно. Ко мне не приходи, — профессор никого не принимает у себя. Но не скучай, я тебе буду писать…» Так. Ну, и от себя прибавьте ещё каких-нибудь нежностей, которые вы обычно пишете, чтобы письмо не возбудило никаких подозрений.

И, уже как будто позабыв о Лоран, Керн начал размышлять вслух:

— Долго так, конечно, продолжаться не может. Но, надеюсь, я долго и не задержу вас. Наша работа приходит к концу, и тогда… То есть, я хотел сказать, что голова недолговечна. И когда она прикончит своё существование… Ну, что там, вы знаете всё. Проще сказать, когда мы кончим с Доуэлем работу, окончится и существование головы Доуэля. От головы не останется даже пепла, и тогда вы сможете вернуться к своей уважаемой матушке. Вы больше не будете опасны для меня.

И ещё раз: имейте в виду, если вы вздумаете болтать, у меня есть свидетели, которые в случае надобности покажут под присягой, что бренные останки профессора Доуэля вместе с головой, ногами и прочими профессорскими атрибутами сожжены мною после анатомического вскрытия в крематории. Для этих случаев крематорий — очень удобная вещь.

Керн позвонил. Вошёл Джон.

— Джон, ты отведёшь мадемуазель Лоран в белую комнату, выходящую окном в сад. Мадемуазель Лоран переселяется в мой дом, так как сейчас предстоит большая работа. Спроси у мадемуазель, что ей необходимо, чтобы устроиться поудобнее, и достань всё необходимое. Можешь заказать от моего имени по телефону в магазинах. Счета я оплачу. Не забудь заказать для мадемуазель обед.

И, откланявшись. Керн ушёл.

Джон проводил Лоран в отведённую ей комнату.

Керн не солгал: комната действительно была очень хороша — светлая, просторная и уютно обставленная. Огромное окно выходило в сад. Но самая мрачная тюрьма не могла навести на Лоран большей тоски, чем эта весёлая, нарядная

комната. Как тяжело больная, добралась Лоран до окна и посмотрела в сад.

«Второй этаж… высоко… отсюда не убежишь…» — подумала она. Да если бы и могла убежать, не убежала бы, так как её бегство было бы равносильно приговору для головы Доуэля.

Лоран в изнеможении опустилась на кушетку и погрузилась в тяжёлое раздумье. Она не могла определить, сколько времени находилась в этом состоянии.

— Кушать подано, — услышала она, как сквозь сон, голос Джона и подняла усталые веки.

— Благодарю вас, я не голодна, уберите со стола.

Вышколенный слуга беспрекословно исполнил приказание и удалился.

И она вновь погрузилась в свои думы. Когда в окне противоположного дома вспыхнули огни, она почувствовала такое одиночество, что решила немедля навестить головы. Особенно ей хотелось повидать голову Доуэля.

Неожиданный визит Лоран чрезвычайно обрадовал голову Брике.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Уже? Принесли?

— Что?

— Моё тело, — сказала Брике таким тоном, как будто вопрос шёл о новом платье.

— Нет, ещё не принесли, — невольно улыбаясь, ответила Лоран. — Но скоро принесут, теперь уж вам недолго ожидать.

— Ах, скорей бы!..

— А мне также пришьют другое тело? — спросил Тома.

— Да, разумеется, — успокоила его Лоран. — И вы будете такой же здоровый, сильный, как были. Вы соберёте денег, поедете к себе в деревню и женитесь на вашей Мари.

Лоран уже знала все затаённые желания головы.

Тома чмокнул губами.

— Скорее бы.

Лоран поспешила пройти в комнату головы Доуэля.

Как только воздушный кран был открыт, голова спросила Лоран:

— Что всё это значит?

Лоран рассказала голове о разговоре с Керном и своём заключении.

— Это возмутительно! — сказала голова. — Если бы я только мог помочь вам... И я, пожалуй, смогу, если только вы сами поможете мне...

В глазах головы были гнев и решимость.

— Всё очень просто. Закройте кран от питательных трубок, и я умру. Поверьте, что я был даже разочарован, когда Керн вновь открыл кран и оживил меня. Я умру, и Керн отпустит вас домой.

— Я никогда не вернусь домой такой ценой! — воскликнула Лоран.

— Я бы хотел иметь всё красноречие Цицерона, чтобы убедить вас сделать это.

Лоран отрицательно покачала головой.

— Даже Цицерон не убедил бы меня. Я никогда не решусь прекратить жизнь человека…

— Ну, разве я человек? — с грустной улыбкой спросила голова.

— Помните, вы сами повторили слова Декарта: «Я мыслю. Следовательно, я существую», — ответила Лоран.

— Положим, это так, но тогда вот что. Я перестану инструктировать Керна. И уже никакими пытками он не заставит меня помогать ему. И тогда он сам прикончит меня.

— Нет, нет, умоляю вас. — Лоран подошла к голове. — Послушайте меня. Я думала раньше о мести, теперь думаю об ином. Если Керну удастся приставить тело трупа к голове Брике и операция

пройдёт удачно, то есть надежда и вас вернуть к жизни… Не Керн, так другой.

— К сожалению, надежда эта очень слабая, — ответил Доуэль. — Едва ли опыт удастся даже у Керна. Он злой и преступный человек, тщеславный, как тысяча Геростратов. Но он талантливый хирург и, пожалуй, самый способный из всех ассистентов, которые были у меня. Если не сделает этого он, который пользовался моими советами до настоящего дня, то не сделает никто. Однако я сомневаюсь, чтобы и он сделал эту невиданную операцию.

— Но собаки…

— Собаки — дело иное. Обе собаки, живые и здоровые, лежали на одном столе, перед тем как совершить операцию пересадки голов. Всё это произошло очень быстро. Да и то Керну, по-видимому, удалось вернуть к жизни только одну собаку, иначе он привёл бы их обеих ко мне похвастать. А тело трупа может быть привезено только через несколько часов, когда, быть может, начались уже процессы гниения. О сложности самой операции вы сами можете судить как медик. Это не то что пришить полуотрезанный палец. Надо связать, тщательно сшить все артерии, вены и, главное, нервы и спинной мозг, иначе

получится калека; затем возобновить кровообращение... Нет, это бесконечно трудная задача, непосильная для современных хирургов.

— Неужели вы сами не сделали бы такой операции?

— Я обдумал всё, уже делал опыты с собаками и полагаю, что мне это удалось бы...

Дверь неожиданно открылась. На пороге стоял Керн.

— Совещание заговорщиков? Не буду вам мешать. — И он хлопнул дверью.

МЁРТВАЯ ДИАНА

Голове Брике казалось, что подобрать и пришить к голове человека новое тело так же легко, как примерить и сшить новое платье. Объём шеи снят, остаётся только подобрать такой же объём шеи у трупа.

Однако она скоро убедилась, что дело не так просто.

Утром в белых халатах к ней явились профессор Керн, Лоран и Джон. Керн распорядился, чтобы голова Брике была осторожно снята со стеклянной подставки и положена лицом вверх так, чтобы можно было видеть весь срез шеи. Питание головы кровью, насыщенной кислородом, не прекращалось. Керн углубился в изучение и промеры.

— При всём однообразии человеческой анатомии, — говорил Керн, — каждое тело человека имеет свои индивидуальные особенности. Иногда трудно бывает различить, предлежит ли, например, наружная или внутренняя сонная артерия. Не одинаковой бывает и толщина артерий, ширина дыхательного горла даже у людей

с одинаковым объёмом шеи. Немало придётся повозиться и с нервами.

— Но как же вы будете оперировать? — спросила Лоран. — Приставив срез шеи к срезу туловища, вы тем самым закроете сразу всю поверхность среза.

— В том-то и дело. Мы с Доуэлем проработали этот вопрос. Придётся делать целый ряд продольных сечений — идти от центра к периферии. Это очень сложная работа. Придётся сделать свежие сечения на шее головы и трупа, чтобы добраться до ещё не отмерших, жизнедеятельных клеток. Но главное затруднение всё же не в этом. Главное — как уничтожить в теле трупа продукты начавшегося гниения или места инфекционного заражения, как очистить кровеносные сосуды от свернувшейся крови, наполнить их свежей кровью и заставить заработать «мотор» организма — сердце… А спинной мозг? Малейшее прикосновение к нему вызывает сильнейшую реакцию, зачастую с самыми тяжёлыми последствиями.

— И как же вы предполагаете преодолеть все эти трудности?

— О, пока это мой секрет. Когда опыт удастся, я опубликую всю историю воскрешения из мёртвых. Ну, на сегодня довольно. Поставьте голову

на место. Пустите воздушную струю. Как вы себя чувствуете, мадемуазель? — спросил Керн, обращаясь к голове Брике.

— Благодарю вас, хорошо. Но послушайте, господин профессор, я очень обеспокоена… Вы тут говорили о разных непонятных вещах, но одно я поняла, что вы собираетесь кромсать мою шею вдоль и поперёк. Ведь это же будет сплошное безобразие. Куда я покажусь с такой шеей, которая будет похожа на котлету?

— Я постараюсь, чтобы рубцы были менее заметны. Но, разумеется, скрыть совершенно следы операции не удастся. Не делайте отчаянных глаз, мадемуазель, вы можете носить на шее бархатку или даже колье. Так и быть, я подарю его вам в день вашего «рождения». Да, вот ещё что. Сейчас ваша голова несколько усохла. Когда же вы заживёте нормальной жизнью, голова должна пополнеть. Чтобы узнать ваш нормальный объём шеи, придётся вас «раскормить» теперь же, иначе могут произойти неприятности.

— Но ведь я же не могу есть, — жалобно ответила голова.

— Мы вас раскормим по трубочке. Я приготовил особый состав, — обратился он к Лоран. — Кроме того, придётся усилить и подачу крови.

— Вы включаете в питательную жидкость жировые вещества?

Керн сделал неопределённый жест рукой.

— Если голова и не разжиреет, то «набухнет», а это нам и надо. Итак, — закончил он, — остаётся самое главное: молите бога, мадемуазель Брике, чтобы скорее погибла какая-нибудь красавица, которая одолжит вам после смерти своё прекрасное тело.

— Не говорите так, это ужасно! Человек должен умереть, чтобы я получила тело… И, доктор, я боюсь. Ведь это тело мертвеца. А вдруг она придёт и потребует отдать ей своё тело?

— Кто она?

— Мёртвая.

— Но ведь у неё не будет ног, чтобы прийти, — смеясь, отвечал Керн. — А если и придёт, то выскажете ей, что это вы дали её телу голову, а не она вам тело, и она, конечно, будет благодарна за этот подарок. Иду дежурить в морг. Пожелайте мне удачи!

Успех опыта во многом зависел от того, чтобы найти возможно свежий труп, и поэтому Керн бросил все дела и почти переселился в морг, поджидая счастливого случая.

С сигарой во рту он ходил по длинному зданию

так спокойно, как будто гулял по бульварам. Матовый свет падал с потолка на длинные ряды мраморных столов. На каждом столе лежал труп, уже обмытый струёй воды и раздетый.

Заложив руки в карманы пальто и попыхивая сигарой, Керн обходил длинные ряды столов, заглядывал в лица и от времени до времени поднимал кожаные покрывала, чтобы осмотреть тело.

Вместе с ним ходили и родственники или друзья погибших людей. Керн относился к ним недоброжелательно, опасаясь, как бы они не вырвали у него подходящий труп из-под рук. Получить труп для Керна было не так-то просто. До истечения трёхдневного срока на каждый труп могли предъявить права родственники, по истечении же трёх дней полуразложившийся труп не представлял для Керна никакого интереса. Ему был нужен совершенно свежий, по возможности даже неостывший труп.

Керн не поскупился на взятки, чтобы иметь возможность получить свежий труп немедленно. Номер трупа мог быть заменён, и какая-то неудачница в конце концов была бы зарегистрирована как «пропавшая без вести».

«Однако нелегко найти Диану по вкусу Бри-

ке», — думал Керн, разглядывая широкие ступни и мозолистые руки трупов. Большинство лежащих здесь принадлежало не к тем, кто ездит на автомобилях. Керн прошёл из конца в конец. За это время несколько трупов было опознано и унесено, а на их места уже тащили новые. Но и среди новичков Керн не мог найти подходящего для операции материала. Находились трупы без головы, но или неподходящей комплекции, или имеющие раны на теле, или же, наконец, начинавшие уже разлагаться. День был на исходе. Керн чувствовал приступы голода и с удовольствием представил себе куриные котлеты в дымящемся горошке.

«Неудачный день», — подумал Керн, вынимая часы. И он направился к выходу среди двигающейся у трупов толпы, полной отчаянья, тоски и ужаса. Навстречу ему служащие несли труп женщины без головы. Обмытое молодое тело блестело, как белый мрамор.

«О, это что-то подходящее», — подумал он и пошёл вслед за сторожами. Когда труп был положен. Керн бегло осмотрел его и ещё больше убедился в том, что он нашёл то, что нужно. Керн уже хотел шепнуть служащим, чтобы они унесли труп, как вдруг к трупу подошёл плохо одетый

старик с давно не бритыми усами и бородой.

— Вот она. Марта! — воскликнул он и вытер рукой со лба пот.

«Чёрт его принёс!» — выбранился Керн и, подойдя к старику, сказал:

— Вы опознали труп? Ведь он без головы.

Старик показал на большую родинку на левом плече.

— Приметная, — ответил он.

Керн удивился, что старик говорит так спокойно.

— Кто же она была? Ваша жена или дочь?

— Бог милостив, — ответил словоохотливый старик. — Племянницей она мне была, да и неродной. От моей кузины их трое осталось, — кузина умерла, а мне их на шею. У меня же своих четверо. Нужда. Но что сделаете, сударь? Ведь не котята, под забор не подкинешь. Так и жили. А тут случилось несчастье. Живём мы в старом доме, нас давно выселяли из него, но куда денешься? И вот дожили. Крыша обвалилась. Остальные дети ушибами отделались, а этой голову начисто срезало. Меня со старухой дома не было, мы с ней жареными каштанами торгуем. Я пришёл домой, а Марту в морг уже отвезли. И зачем в морг? Говорят, за компанию в других квартирах тоже

людей подавило, и некоторые из них одинокие были, вот всех их сюда. Я домой пришёл, фюить, и войти нельзя, словно землетрясение.

«Дело подходящее», — подумал Керн и, отведя старика в сторону, сказал ему:

— Что случилось, того не поправишь. Видите ли, я врач, и мне нужен труп. Буду говорить прямо. Хотите получить сто франков и можете отправляться домой.

— Потрошить будете? — Старик неодобрительно покачал головой и задумался. — Ей, конечно, всё равно пропадать… Мы люди бедные… А всё ж таки не чужая кровь…

— Двести.

— А нужда велика, детишки голодные… но всё-таки жалко… Хорошая девушка была, очень хорошая, очень добрая, и лицо как розан, не то что этот хлам… — Старик пренебрежительно махнул на столы с трупами.

«Ну и старик! Он, кажется, начинает расхваливать свой товар», — подумал Керн и решил изменить тактику.

— Впрочем, как хотите, — небрежно сказал он. — Трупов здесь не мало, и есть нисколько не хуже вашей племянницы, — И Керн отошёл от старика.

— Да нет, как же так, дайте подумать… — семенил за ним старик, явно склоняясь к сделке.

Керн уже торжествовал, но положение неожиданно изменилось ещё раз.

— Ты уже здесь? — послышался взволнованный старческий голос.

Керн обернулся и увидел быстро приближающуюся толстенькую старушку в чистеньком белом чепце. Старик при виде её невольно крякнул.

— Нашёл? — спросила старушка, дико озираясь по сторонам и шепча молитвы.

Старик молча показал рукой на труп.

— Голубка ты наша, мученица несчастная! — заголосила старуха, приближаясь к обезглавленному трупу.

Керн видел, что со старухой будет трудно сладить.

— Послушайте, мадам, — сказал он приветливо, обращаясь к старухе. — Я тут беседовал с вашим мужем и узнал, что вы очень нуждаетесь.

— Нуждаемся или нет, у других не просим, — отрезала не без гордости старушка.

— Да, но… видите ли, я член благотворительного похоронного общества. Я могу принять похороны вашей племянницы на счёт общества и

возьму все хлопоты на себя. Если хотите, можете поручить это мне, а сами идите к своим делам, вас ждут ваши дети и сироты.

— Ты что тут наболтал? — набросилась старушка на мужа. И, обернувшись к Керну, она сказала: — Благодарю вас, господин, но я должна всё выполнить как полагается. Как-нибудь справимся и без вашего благотворительного общества. Что глазами ворочаешь? — перешла она на обычный тон в разговоре с мужем. — Забирай покойницу. Поедем. Я и тачку привезла.

Всё это было сказано таким решительным тоном, что Керн сухо поклонился и отошёл.

«Досадно! Нет, решительно сегодня неудачный день».

Он отправился к выходу и, отведя привратника в сторону, тихо сказал ему:

— Так смотрите же, если будет что-нибудь подходящее, немедленно звоните мне по телефону.

— О, сударь, непременно, — закивал головой привратник, получивший от Керна хороший куш.

Керн плотно пообедал в ресторане и вернулся к себе.

Когда он зашёл в комнату Брике, она встретила его обычным в последнее время вопросом:

— Нашли?

— Нашёл, да неудачно, чёрт побери! — ответил он. — Потерпите.

— Но неужели так-таки ничего подходящего и не было? — не унималась Брике.

— Были этакие кривоногие каракатицы. Если хотите, то я…

— Ах нет, уж лучше я потерплю. Я не хочу быть каракатицей.

Керн решил лечь спать раньше обыкновенного, чтобы пораньше встать и вновь отправиться в морг. Но не успел он заснуть, как затрещал телефон у кровати. Керн выбранился и взял трубку.

— Алло! Я слушаю. Да, профессор Керн. Что такое? Крушение поезда у самого вокзала? Масса трупов? Ну да, конечно, немедленно. Благодарю вас.

Керн начал быстро одеваться, вызвал Джона и крикнул:

— Машину!

Через пятнадцать минут он уже мчался по ночным улицам, как на пожар.

Привратник не обманул. В эту ночь смерть собрала большой урожай. Трупы таскали беспрерывно. Все столы были завалены. Скоро пришлось класть их на пол. Керн был в восторге.

Он благословлял судьбу за то, что эта катастрофа не случилась днём. Весть о ней, вероятно, ещё не распространилась в городе. Посторонних в морге пока не было. Керн рассматривал ещё не раздетые и не обмытые трупы. Все они были совершенно свежие. Исключительно удачный случай. Одно плохо, что и этот благодетельный случай не очень считался со специальными требованиями Керна. Большинство тел было раздавлено или повреждено во многих местах. Но Керн не терял надежды, так как трупы всё прибывали.

— Покажите-ка мне вот эту, — обратился он к служащему, нёсшему труп девушки в сером костюме. Череп был разбит со стороны затылка. Волосы окровавлены, платье тоже. Но платье не измято. «Видимо, повреждения тела не велики… Идёт. Телосложение довольно плебейское, — вероятно, какая-нибудь камеристка, но лучше такое тело, чем ничего», — думал Керн. — А это? — Керн указал на другие носилки. — Да это целая находка! Сокровище! Чёрт возьми, досадно всё-таки, что погибла такая женщина!

На пол опустили труп молодой женщины с необычайно красивым аристократическим лицом, на котором застыло только одно глубокое удивление. У неё был пробит череп выше правого

уха. Очевидно, смерть наступила мгновенно. На белой шее виднелось жемчужное ожерелье. Изящное чёрное шёлковое платье было лишь немного изорвано внизу и от ворота до плеча. На обнажившемся плече виднелась родинка.

«Как у той, — подумал Керн. — Но это… какая красота! — Керн наскоро измерил шею. — Как по заказу».

Керн сорвал дорогое ожерелье из настоящих крупных жемчужин, бросил его служащим и сказал:

— Я беру вот этот труп. Но так как у меня нет времени произвести здесь тщательный осмотр трупов, то на всякий случай я беру и вот этот, — он указал на первый труп девушки. — Скорее, скорее. Оберните их холстом и выносите. Вы слышите? Толпа собирается. Вам придётся открыть морг, и через несколько минут здесь будет настоящее столпотворение.

Трупы были унесены, уложены на автомобиль и быстро доставлены в дом Керна.

Всё необходимое для операции было уже заранее приготовлено. День, — вернее, ночь воскресения Брике наступила. Керн не хотел терять ни одной минуты.

Оба трупа были обмыты и принесены в комна-

ту Брике завёрнутыми в простыни и уложены на операционный стол.

Голова Брике горела нетерпением посмотреть на своё новое тело, но Керн умышленно поставил стол так, чтобы голова не видела трупов, пока не будут закончены все приготовления.

Керн быстро произвёл сечение голов трупов. Эти головы были завёрнуты в холст и вынесены Джоном, края среза и стол вымыты, тела приведены в порядок.

Ещё раз критически осмотрев тела. Керн озабоченно покачал головой. Тело с родинкой на плече было безукоризненной красоты форм и особенно выигрывало по сравнению с телом «камеристки» — ширококостным, угловатым, неладно скроенным, но крепко сшитым. Брике, конечно, выберет тело этой аристократической Дианы. Однако при тщательном осмотре тела Керн заметил у Дианы, как называл он её, некоторый дефект: на ступне правой ноги была небольшая рана, причинённая каким-нибудь обрезком железа. Большой опасности это не представляло. Керн прижёг рану, заражения крови опасаться ещё не было оснований. Но всё же за успех операции с телом «камеристки» он был более спокоен.

— Поверните голову Брике, — сказал Керн, об-

ращаясь к Лоран. Чтобы Брике не мешала своей болтливостью во время подготовительных работ, у неё был заткнут рот, то есть выключен баллон со сжатым воздухом. — Теперь можно пустить воздушную струю.

Когда голова Брике увидала трупы, она вскрикнула так, как будто неожиданно обожглась. Глаза её расширились от ужаса. Один из этих трупов должен стать её собственным телом. Впервые остро, до боли почувствовала она всю необычайность этой операции и начала колебаться.

— Ну, что же вы? Как вам нравятся тру… эти тела?

— Я… боюсь… — прохрипела голова. — Нет, нет, я не думала, что это так страшно… я не хочу…

— Не хотите? В таком случае я пришью к трупу голову Тома. Тома сделается женщиной. Вы хотите, Тома, сейчас же получить тело?

— Нет, подождите, — испугалась голова Брике. — Я согласна. Я хочу иметь вот то тело… с родинкой на плече.

— А я вам советую выбрать вот это. Оно не так красиво, но зато без единой царапины.

— Я не прачка, а артисткам — гордо заметила голова Брике. — Я хочу иметь красивое тело. И родинка на плече… Это так нравится мужчинам.

— Пусть будет по-вашему, — ответил Керн. — Мадемуазель Лоран, перенесите голову мадемуазель Брике на операционный стол. Сделайте это осторожно, искусственное кровообращение головы должно продолжаться до последнего мгновения.

Лоран возилась с последними приготовлениями головы Брике. На лице Брике были написаны крайнее напряжение и волнение. Когда голова была перенесена на стол, Брике не выдержала и вдруг закричала так, как она ещё никогда не кричала:

— Не хочу! Не хочу! Не надо! Лучше убейте меня! Боюсь! А-а-а-а!..

Керн, не прерывая своей работы, резко крикнул Лора:

— Закройте скорее воздушный кран! Введите в питательный раствор гедонал, и она уснёт.

— Нет, нет, нет!

Кран закрылся, голова замолчала, но продолжала шевелить губами и смотреть с выражением ужаса и мольбы.

— Господин профессор, можем ли мы производить операцию против её воли? — спросила Лоран.

— Сейчас не время заниматься этическими

проблемами, — сухо ответил Керн. — Она потом сама нас благодарить будет. Делайте своё дело или уходите и не мешайте мне.

Но Лоран знала, что уйти она не может, — без её помощи исход операции оказался бы ещё более сомнительным. И она, пересилив себя, продолжала помогать Керну. Голова Брике так билась, что трубки едва не вышли из кровеносных сосудов. Джон пришёл на помощь и придержал голову руками. Постепенно подёргивания головы прекратились, глаза закрылись: гедонал производил своё действие.

Профессор Керн приступил к операции.

Тишина прерывалась только короткими приказаниями Керна, требовавшего тот или иной хирургический инструмент. От напряжения у Керна даже вздулись жилы на лбу. Он пустил в ход всю свою блестящую хирургическую технику, соединяя быстроту с необычайной тщательностью и осторожностью. При всей своей ненависти к Керну Лоран не могла в эту минуту не восхищаться им. Он работал как вдохновенный артист. Его ловкие чувствительные пальцы совершали чудеса.

Операция продолжалась час пятьдесят пять минут.

— Кончено, — наконец сказал Керн выпрямляясь, — отныне Брике перестала быть головой от тела. Остаётся только вдунуть ей жизнь: заставить забиться сердце, возбудить кровообращение. Но с этим я справлюсь один. Вы можете отдохнуть, мадемуазель Лоран.

— Я ещё могу работать, — ответила она.

Несмотря на усталость, ей очень хотелось посмотреть на последний акт этой необычайной операции. Но Керн, очевидно, не хотел посвящать её в тайну оживления. Он ещё раз настойчиво предложил ей отдохнуть, и Лоран повиновалась.

Керн вновь вызвал её через час. Он выглядел ещё более уставшим, но лицо его выражало глубокое самоудовлетворение.

— Попробуйте пульс, — предложил он Лоран.

Девушка не без внутреннего содрогания взяла за руку Брике; за ту руку, которая всего три часа тому назад принадлежала холодному трупу. Рука была уже тёплая, и прощупывалось биение пульса. Керн приложил к лицу Брике зеркало. Поверхность зеркала запотела.

— Дышит. Теперь нужно хорошо спеленать нашу новорождённую. Несколько дней ей придётся пролежать совершенно неподвижно.

Сверх бинтов Керн наложил на шею Брике

гипсовый лубок. Всё тело было спелёнато, а рот крепко завязан.

— Чтобы она не вздумала говорить, — пояснил Керн. — Первые сутки мы продержим её в сонном состоянии, если сердце позволит.

Брике перенесли в комнату, смежную с комнатой Лоран, бережно уложили в кровать и подвергли электронаркозу.

— Питать мы её будем искусственно, пока не произойдёт сращение швов. Вам уж придётся поухаживать за ней.

Только на третий день Керн позволил Брике «прийти в себя».

Было четыре часа дня. Косой луч солнца прорезал комнату и осветил лицо Брике. Она легко повела бровями и открыла глаза. Ещё смутно соображая, посмотрела на освещённое окно, потом перевела взгляд на Лоран и, наконец, опустила глаза вниз. Там уже не было пустоты. Она увидела слабо колыхавшуюся грудь и тело, — её тело, прикрытое простынёй. Слабая улыбка осветила её лицо.

— Не пытайтесь говорить и лежите тихо, — сказала Лоран. — Операция прошла очень хорошо, и теперь всё зависит от того, как вы будете вести себя. Чем спокойнее вы будете лежать, тем ско-

рее подниметесь на ноги. Пока мы будем с вами объясняться мимикой. Если вы опустите веки вниз, это будет означать «да», вверх — «нет». Чувствуете вы где-нибудь боль? Здесь. Шея и нога. Это пройдёт. Хотите вы пить? Есть? — Брике не ощущала голода, но хотела пить.

Лоран позвонила Керну. Он тотчас пришёл из своего кабинета.

— Ну, как себя чувствует новорождённая? — Он осмотрел её и остался доволен. — Всё благополучно. Терпение, мадемуазель, и вы скоро будете танцевать. — Он сделал несколько распоряжений и ушёл.

Дни «выздоровления» тянулись для Брике очень медленно. Она была примерной больной: сдерживала своё нетерпение, лежала спокойно и выполняла все приказания. Настал день, когда её, наконец, распеленали, но говорить ещё не разрешали.

— Чувствуете ли вы своё тело? — с некоторым волнением спросил Керн.

Брике опустила веки.

— Попробуйте очень осторожно пошевелить пальцами на ногах.

Брике, очевидно, попробовала, так как на лице её выразилось напряжение, но пальцы не дви-

гались.

— Очевидно, функции центральной нервной системы ещё не вполне восстановились, — авторитетно сказал Керн, — Но я надеюсь, что они скоро восстановятся, а вместе с ними восстановится и движение. — Про себя же подумал: «Как бы Брике не захромала, в самом деле, на обе ноги».

«Восстановится — как странно звучит это слово», — подумала Лоран, вспомнив о холодном трупе на операционном столе.

У Брике появилась новая забота. Теперь она часами занималась тем, что пыталась шевелить пальцами на ногах. Лоран едва ли не с меньшим интересом следила за этим.

И однажды Лоран радостно вскрикнула:

— Шевелится! Большой палец на левой ноге шевелится.

Дальше дело пошло быстрее. Зашевелились и другие пальцы на руках и ногах. Скоро Брике уже могла немного поднимать руки и ноги.

Лоран была поражена. На глазах её совершилось чудо.

«Как бы ни был преступен Керн, — думала она, — он необыкновенный человек. Правда, без головы Доуэля ему не удалось бы это двойное

воскрешение мёртвого. Но всё же и сам Керн талантливый человек, — ведь это утверждала и голова Доуэля. О, если бы Керн воскресил и его! Но нет, этого он не сделает».

Ещё через несколько дней Брике разрешили говорить. У неё оказался довольно приятный голос, но несколько ломающегося тембра.

— Выправится, — уверял Керн. — Ещё петь будете.

И Брике скоро попробовала петь. Лоран была очень поражена этим пением. Верхние ноты Брике брала довольно пискливым и не очень приятным голосом, в среднем регистре голос звучал очень тускло и даже хрипло. Но зато нижние ноты были очаровательны. Это было превосходное грудное контральто.

«Ведь горловые связки лежат выше места среза шеи и принадлежат Брике, — думала Лоран, — откуда же этот двойной голос, разные тембры верхнего и нижнего регистра? Физиологическая загадка. Не зависит ли это от процесса омоложения головы Брике, которая старше её нового тела? Или, быть может, это как-то связано с нарушением функций центральной нервной системы? Совершенно непонятно… Интересно знать, чьё это молодое, изящное тело, какой несчастной

голове оно принадлежало…»

Лоран, ничего не говоря Брике, начала просматривать номера газет, в которых печатались списки погибших при крушении поезда. Скоро ей попалась заметка о том, что известная итальянская артистка Анжелика Гай, следовавшая в поезде, потерпевшем крушение, исчезла бесследно. Труп её обнаружен не был, и над разрешением этой загадки изощрялись газетные корреспонденты. Лоран была почти уверена, что голова Брике получила тело погибшей артистки.

СБЕЖАВШИЙ ЭКСПОНАТ

Наконец в жизни Брике настал великий день. С неё были сняты последние бинты, и профессор Керн разрешил ей встать.

Она поднялась и, опираясь на руку Лоран, прошлась по комнате. Движения её были неуверенны и несколько порывисты. Иногда она делала странные жесты рукой: до известного предела её рука двигалась плавно, затем следовала задержка и как бы принуждённое движение, переходившее опять в плавное.

— Всё это пройдёт, — убеждённо говорил Керн.

Немного беспокоила его только небольшая ранка на ступне Брике. Ранка заживала медленно. Но со временем и она зажила настолько, что Брике не испытывала боли, даже наступая на больную ногу. А через несколько дней Брике уже пыталась танцевать.

— Не пойму, в чём дело, — говорила она, — некоторые движения мне даются свободно, а другие затруднены. Вероятно, я ещё не привыкла управлять своим новым телом… А оно великолепно! Посмотрите на ноги, мадемуазель Лоран.

И рост отличный. Вот только эти рубцы на шее… Придётся их закрывать. Но зато эта родинка на плече очаровательна, не правда ли? Я сошью платье такого фасона, чтобы она была видна… Нет, я решительно довольна своим телом.

«Своим телом! — думала Лоран. — Бедная Анжелика Гай!»

Всё, что так долго сдерживала в себе Брике, разом прорвалось наружу. Она забросала Лоран требованиями, заказами, просьбами о костюмах, белье, туфлях, шляпах, модных журналах, принадлежностях косметики.

В новом сером шёлковом платье она была представлена Керном голове профессора Доуэля. И так как это была мужская голова, Брике не могла не пококетничать. И была очень польщена, когда голова Доуэля прохрипела:

— Отлично! Вы отлично справились со своей задачей, коллега, поздравляю вас!

И Керн под руку с Брике, сияя, как новобрачный, вышел из комнаты.

— Садитесь, мадемуазель, — галантно сказал Керн, когда они пришли в его кабинет.

— Не знаю, как мне благодарить вас, господин профессор, — сказала она, томно опуская глаза и затем кокетливо взглянув на Керна. — Вы так

много сделали для меня… А я ничем не могу вознаградить вас.

— Это и не нужно. Я вознаграждён больше, чем вы думаете.

— Я очень рада. — И Брике окинула Керна ещё более лучистым взглядом. — А теперь разрешите мне уйти… выписаться из больницы.

— Как уйти? Из какой больницы? — Сразу даже не понял Керн.

— Уйти домой. Представляю, какой фурор произведёт моё появление среди подруг!

Она собирается уйти! Керн не допускал мысли об этом. Он проделал огромный труд, разрешил сложнейшую задачу, совершил невозможное вовсе не для того, чтобы Брике производила фурор среди своих легкомысленных подруг. Он сам хотел произвести фурор демонстрацией Брике перед учёным обществом. Впоследствии он, может быть, и даст ей некоторую свободу, но теперь об этом нечего и думать.

— К сожалению, я не могу отпустить вас, мадемуазель Брике. Вы должны ещё некоторое время остаться в моём доме, под моим наблюдением.

— Но зачем? Я чувствую себя великолепно, — возразила она, играя рукой.

— Да, но вам может стать хуже.

— Тогда я приду к вам.

— Позвольте мне лучше знать, когда вам можно будет уйти отсюда, — уже резко сказал Керн. — Не забывайте, чем бы вы были без меня.

— Я уже благодарила вас за это. Но я не девочка и не невольница и могу распоряжаться собой!

«Ого, да она с характером!» — с удивлением подумал Керн.

— Ну, мы ещё поговорим об этом, — сказал он. — А пока извольте идти в свою комнату. Джон, вероятно, уже принёс вам бульон.

Брике надула губы, поднялась и, не глядя на Керна, вышла.

Брике обедала вместе с Лоран в её комнате. Когда Брике вошла, Лоран уже сидела за столом. Брике опустилась на стул и сделала небрежный, изящный жест кистью правой руки. Лоран не раз замечала этот жест и размышляла над тем, кому он, собственно, принадлежит: телу Анжелики Гай или Брике? Но разве не мог остаться в теле Анжелики Гай автоматизм движений, как-то закрепившийся в двигательных нервах?..

Для Лоран все эти вопросы были слишком сложными.

«Ими, вероятно, заинтересуются физиологи», — подумала она.

— Опять бульон! Надоели мне эти больничные блюда, — капризно сказала Брике. — Я с удовольствием съела бы сейчас дюжину устриц и запила стаканом шабли. — Она отпила несколько глотков бульона из чашки и продолжала: — Профессор Керн заявил мне сейчас, что он не отпустит меня из дому ещё несколько дней. Как бы не так! Я не из породы домашних птиц. Здесь можно умереть с тоски. Нет, я люблю так жить, чтобы всё вертелось колесом. Огни, музыка, цветы, шампанское.

Непрерывно тараторя, Брике наскоро пообедала, поднялась со стула и, подойдя к окну, внимательно взглянула вниз.

— Спокойной ночи, мадемуазель Лоран, — сказала она, обернувшись. — Я сегодня рано лягу спать. Пожалуйста, не будите меня завтра утром. В этом доме сон — лучшее препровождение времени.

И, кивнув головой, она ушла в свою комнату.

А Лоран уселась писать письмо своей матери.

Все письма контролировались Керном. Лоран знала, как строго он следит за ней, и потому даже не пыталась переслать какое-нибудь письмо без его цензуры.

Впрочем, чтобы не волновать свою мать, она

решила, — если бы и могла переслать письмо без цензуры Керна, — не писать ей правды о своём невольном заточении.

В эту ночь Лоран спала особенно плохо. Она долго ворочалась в кровати, думая о будущем. Жизнь её находилась в опасности. Что предпримет Керн, чтобы «обезвредить» её?

Не спалось, видно, и Брике. Из её комнаты доносился какой-то шорох.

«Примеряет новые платья», — подумала Лоран. Потом всё стихло. Смутно, сквозь сон Лоран услышала как будто заглушённый крик и проснулась. «Однако мои нервы никуда не годятся», — подумала она и вновь уснула крепким предутренним сном.

Проснулась она, как всегда, в семь часов утра. В комнате Брике всё ещё было тихо. Лоран решила не беспокоить её и прошла в комнату головы Тома. Голова Тома по-прежнему была мрачна. После того как Керн «пришил тело» голове Брике, тоска Тома усилилась. Он просил, умолял, требовал, чтобы ему также скорее дали новое тело, наконец грубо бранился. Лоран стоило больших трудов успокоить его. Она с облегчением вздохнула, окончив утренний туалет головы Тома, и направилась в комнату головы Доуэля, который

встретил Лоран приветливой улыбкой.

— Странная это вещь — жизнь! — сказала голова Доуэля. — Ещё недавно я хотел умереть. Но мой мозг продолжает работать, и не далее как третьего дня мне пришла в голову необычайно смелая и оригинальная идея. Если бы мне удалось осуществить мою мысль, это произвело бы целый переворот в медицине. Я сообщил свою идею Керну, и надо было видеть, как загорелись его глаза. Ему, вероятно, мерещился прижизненный памятник, поставленный благодарными современниками… И вот я должен жить для него, для идеи, а значит, и для себя. Право, это какая-то ловушка.

— И в чём же эта идея?

— Я как-нибудь расскажу вам, когда всё это более оформится в моём мозгу…

В девять часов Лоран решила постучать Брике, но ответа не получила. Обеспокоенная Лоран попыталась открыть дверь, но она оказалась запертой изнутри. Лоран ничего больше не оставалось, как сообщить обо всём этом профессору Керну.

Керн, как всегда, действовал быстро и решительно.

— Ломайте дверь! — приказал он Джону.

Негр ударил плечом. Тяжёлая дверь треснула и сорвалась с петель. Керн, Лоран и Джон вошли в комнату.

Измятая постель Брике была пуста. Керн подбежал к окну. От ручки рамы вниз спускалась вязка из разорванной простыни и двух полотенец. Клумба под окном была измята.

— Это ваша проделка! — крикнул Керн, поворачивая грозное лицо к Лоран.

— Уверяю вас, что я не принимала никакого участия в побеге мадемуазель Брике, — твёрдо сказала Лоран.

— Ну, с вами мы ещё поговорим, — ответил Керн, хотя решительный ответ Лоран сразу убедил его в том, что Брике действовала без сообщников. — Теперь надо позаботиться о том, чтобы поймать беглянку.

Керн прошёл в свой кабинет и в волнении зашагал от камина к столу. Первой его мыслью было вызвать полицию. Но он тотчас оставил эту мысль. Полицию менее всего следовало вмешивать в это дело. Придётся обратиться к частным сыскным агентствам.

«Чёрт возьми, я сам виноват… Надо было принять меры охраны! Но кто бы мог подумать. Вчерашний труп сбежал! — Керн злобно рассме-

ялся. — И теперь, чего доброго, она разболтает обо всём, что произошло с нею… Ведь она говорила о фуроре, который произведёт её появление… Эта история дойдёт до газетных корреспондентов, и тогда… Не следовало показывать её голове Доуэля… Наделала хлопот. Отблагодарила!»

Керн вызвал по телефону агента частной сыскной конторы, вручил ему крупную сумму на расходы, обещая ещё большую в случае успешных розысков, и дал подробное описание пропавшей.

Агент осмотрел место побега и следы, ведшие к железной ограде сада. Ограда была высокая и оканчивалась острыми прутьями. Агент покачал головой: «Молодец девчонка!» На одном пруте он заметил кусок серого шёлка, снял его и бережно уложил в бумажник.

— В это платье она была одета в день побега. Будем искать женщину в сером.

И, уверив Керна, что «женщина в сером» будет им разыскана не позже чем через сутки, агент удалился.

Сыщик был опытным в своём деле человеком. Он разузнал адрес последней квартиры Брике и адреса нескольких прежних её подруг, завёл с ними знакомство, у одной из подруг нашёл фотографическую карточку Брике, узнал, в каких

кабаре Брике выступала. Несколько агентов было разослано по этим кабаре на поиски беглянки.

— Птичка далеко не улетит, — уверенно говорил сыщик.

Однако на этот раз он ошибся. Прошло два дня, а на след Брике не удалось напасть. Лишь на третий день поисков завсегдатай одного кабачка на Монмартре сообщил агенту, что в ночь побега там была «воскресшая» Брике. Но куда она затем исчезла, никто не знал.

Керн волновался всё более. Теперь он опасался не только того, что Брике разболтает о его тайнах. Он боялся навсегда потерять ценный «экспонат». Правда, он мог сделать второй — из головы Тома, но на это требовалось время, колоссальная затрата сил. Да и новый опыт мог закончиться не столь блестяще. Демонстрирование же оживлённой собаки, разумеется, не произвело бы такого эффекта. Нет, Брике должна быть найдена во что бы то ни стало. И он удваивал, утраивал премиальную сумму на розыск «сбежавшего экспоната».

Каждый день агенты доносили ему о результатах поисков, но эти результаты были неутешительны. Брике точно провалилась сквозь землю.

ДОПЕТАЯ ПЕСНЯ

После того как Брике при помощи своего нового ловкого, гибкого и сильного тела перебралась через ограду и вышла на улицу, она подозвала такси и дала странный адрес.

— Кладбище Пер-Лашез.

Но, не доезжая до площади Бастилии, она сменила такси и направилась к Монмартру. На первые расходы она захватила с собой сумочку Лоран, где лежало несколько десятков франков. «Одним грехом больше, одним меньше, и притом это необходимо», — успокаивала она себя. Покаяние в содеянных прегрешениях было отложено на долгий срок. Она опять ощущала себя цельным, живым, здоровым человеком, притом даже моложе, чем была. До операции, по её женскому счёту, ей было близко к тридцати. Новое же тело имело едва ли больше двадцати лет. Железы этого тела омолодили голову Брике: морщинки на лице исчезли, цвет его улучшился. «Теперь только и пожить», — думала Брике, мечтательно глядя в маленькое зеркальце, оказавшееся в сумочке.

— Остановитесь здесь, — приказала она шофё-

ру и, расплатившись с ним, отправилась дальше пешком.

Было около четырёх часов утра. Она подошла к знакомому кабаре «Ша-нуар», где выступала в ту роковую ночь, когда шальная пуля прекратила на полуслове весёленькую шансонетку, которую она пела. Окна кабаре ещё горели яркими огнями.

Не без волнения вошла Брике в знакомый вестибюль. Утомлённый швейцар, очевидно, не узнал её. Она быстро прошла в боковую дверь и через коридор вошла в помещение для артистов, примыкавшее к сцене. Первой встретила её Рыжая Марта. Испуганно вскрикнув. Марта скрылась в своей уборной. Брике рассмеялась и постучала в дверь, но Рыжая Марта не открывала.

— О, Ласточка! — услышала Брике мужской голос. Под этим именем она была известна в кабаре за своё пристрастие к коньяку с ласточкой на этикетке. — Так ты жива? А мы тебя давно считали мёртвой!

Брике обернулась и увидела красивого, элегантно одетого мужчину с очень бледным бритым лицом. Такие бледные лица бывают у людей, которые редко видят солнце. Это был Жан, муж Рыжей Марты. Он не любил говорить о своей

профессии. Его же друзья и собутыльники не считали тактичным спрашивать об источнике его существования. Достаточно было того, что у Жана частенько водились деньги и что он был «душа парень». В те ночи, когда у Жана оттопыривался карман, и вино лилось рекой, и Жан платил за всех.

— Откуда прилетела. Ласточка?

— Из больницы, — ответила Брике.

Боясь, чтобы у неё не отняли новое тело родственники или друзья той, которой оно принадлежало, Брике решила никому не говорить о необычайной операции.

— Моё положение было очень серьёзно, — продолжала она сочинять. — Меня сочли умершей и даже отправили в морг. Но там один студент, осматривавший труп, взял меня за руку и прощупал слабый пульс. Я была ещё жива. Пуля прошла возле самого сердца, не задев его. Меня тотчас отправили в больницу, и всё обошлось благополучно.

— Великолепна! — воскликнул Жан. — Наши все будут ужасно удивлены. Надо спрыснуть твоё воскрешение.

Дверной замок щёлкнул. Рыжая Марта, подслушивавшая из-за дверей этот разговор, убедилась

в том, что Брике не привидение, и открыла дверь. Подруги обнялись и крепко поцеловались.

— Ты как будто стала тоньше, выше и изящнее. Ласточка, — сказала Рыжая Марта, с любопытством и некоторым удивлением рассматривая фигуру так неожиданно явившейся подруги.

Брике слегка смутилась под этим пытливым женским взглядом.

— Разумеется, я похудела, — отвечала она. — Меня кормили только бульоном. А рост? Я купила себе туфли с очень высокими каблуками. Ну и фасон платья…

— Но отчего так поздно ты явилась сюда?

— О, это целая история… Ты уже выступала? Можешь посидеть со мной минутку?

Марта утвердительно кивнула головой. Подруги уселись около столика с большим зеркалом, уставленного коробками с гримировальными карандашами и красками, флаконами духов, пудреницами, всевозможными коробочками со шпильками и булавками.

Жан примостился рядом, куря египетскую папиросу.

— Я сбежала из больницы. Форменным образом, — сообщила Брике.

— Но почему?

— Надоели бульоны. Понимаешь, бульон, бульон и бульон… Я прямо боялась захлебнуться в бульоне. А доктор не хотел меня отпускать. Он должен был ещё показать меня студентам. Боюсь, что меня будет разыскивать полиция… Я не могу вернуться к себе и хотела бы остаться у тебя. А ещё лучше — совсем уехать из Парижа на несколько дней… Но у меня так мало денег.

Рыжая Марта даже всплеснула руками — так это было интересно.

— Ну, конечно, ты у меня остановишься, — сказала она.

— Боюсь, что меня тоже будет искать поли-

ция, — задумчиво произнёс Жан, пуская колечко дыма. — Мне тоже на несколько дней следовало бы скрыться с горизонта.

Ласточка была своя, и Жан не скрывал от неё своей профессии. Ласточка знала, что Жан — птица «большого полёта». Его специальностью был взлом сейфов.

— Летим, Ласточка, с нами на юг. Ты, я и Марта. На Ривьеру, подышать морским воздухом. Засиделся, надо проветриться. Веришь ли, я больше двух месяцев не видел солнца и уж начинаю забывать, как оно выглядит.

— Вот и прекрасно, — захлопала в ладоши Рыжая Марта.

Жан посмотрел на дорогие золотые часы-браслет:

— Но у нас есть ещё час времени. Чёрт возьми, ты должна нам допеть свою песенку… А потом летим, и пускай тебя ищут.

Брике с удовольствием приняла это предложение.

Её выступление произвело фурор, как она того и ожидала.

Жан вышел на эстраду в роли конферансье, вспомнил трагическую историю, происшедшую здесь с Брике несколько месяцев тому назад, и затем заявил, что мадемуазель Брике по желанию публики ожила после того, как он, Жан, влил ей в горло рюмочку коньяку «Ласточка».

— Ласточка! Ласточка! — заревела публика.

Жан сделал знак рукой и, когда крики смолкли, продолжал:

— Ласточка споёт шансонетку с того самого места, на котором её так неожиданно прервали. Оркестр, «Кошечку»!

Оркестр заиграл, и с половины куплета под бурные аплодисменты Брике допела свою песенку. Правда, шум стоял такой, что она сама не слыхала своего голоса, но этого и не нужно было. Она чувствовала себя счастливой, как никогда, и упивалась тем, что её не забыли и встретили так тепло. Что эта теплота была сильно подогрета винными парами, её не смущало.

Окончив пение, она сделала неожиданно изящный жест кистью правой руки. Это было ново. Публика зааплодировала ещё громче.

«Откуда у неё это? Какие красивые манеры. Надо перенять этот жест...» — подумала Рыжая Марта.

Брике сошла с эстрады в зал. Подруги целовали её, знакомые протягивали бокалы и чокались. Брике раскраснелась, глаза блестели. Успех и вино вскружили ей голову. Она, забыв об опасности преследования, готова была просидеть здесь всю ночь. Но Жан, пивший не меньше других, не терял контроля над собой.

От времени до времени он поглядывал на часы и, наконец, подошёл к Брике и тронул её за руку:

— Пора!

— Но я не хочу. Вы можете уезжать одни. Я не поеду, — ответила Брике, томно закатывая глаза.

Тогда Жан молча поднял её и понёс к выходу.

Публика подняла ропот.

— Сеанс окончен! — крикнул Жан уже у двери. — До следующего воскресенья!

Он вынес отбивавшуюся от него Брике на улицу и усадил в автомобиль. Вскоре пришла и Марта с небольшими чемоданчиками.

— На площадь Республики, — сказал Жан шофёру, не желая указывать конечного пункта. Он привык ездить с пересадками.

ЖЕНЩИНА-ЗАГАДКА

Волны Средиземного моря ритмично набегали на песчаный пляж. Лёгкий ветер едва надувал паруса белых яхт и рыбачьих судов. Над головой, в синей воздушной глубине, ласково ворчали серые гидропланы, совершавшие короткие увеселительные рейсы между Ниццей и Ментоной.

Молодой человек в белом теннисном костюме сидел в плетёном кресле и читал газету. Возле кресла лежали в чехле теннисная ракетка и несколько свежих английских научных журналов.

Рядом с ним, под огромным белым зонтом, у мольберта возился его друг художник Арман Ларе.

Артур Доуэль, сын покойного профессора Доуэля, и Арман Ларе были неразлучными друзьями, и эта дружба лучше всего доказывала правдивость пословицы о том, что крайности сходятся.

Артур Доуэль был несколько молчалив и холоден. Он любил порядок, умел усидчиво и систематически заниматься. Ему оставался всего один год до окончания университета, и его уже оставляли

в университете при кафедре биологии.

Ларе, как истый француз-южанин, был чрезвычайно увлекающейся натурой, сумбурный, взбалмошный. Он забрасывал кисти и краски на целые недели, чтобы потом вновь приняться за работу запоем, и тогда никакие силы не могли оторвать его от мольберта.

Только в одном друзья были похожи друг на друга: оба они были талантливы и умели добиваться раз поставленной цели, хотя и шли к этой цели разными путями: один — большими скачками, другой — размеренным шагом.

Биологические работы Артура Доуэля привлекали внимание крупнейших специалистов, и ему сулили блестящую научную карьеру. А картины Ларе вызывали много толков на выставках, и некоторые из них уже были приобретены известнейшими музеями разных стран.

Артур Доуэль бросил на песок газету, прислонился головой к спинке кресла, прикрыл глаза и сказал:

— Тело Анжелики Гай так и не найдено.

Ларе безутешно тряхнул головой и тяжко вздохнул.

— Ты до сих пор не можешь забыть о ней? — спросил Доуэль.

Ларе повернулся с такой быстротой к Артуру, что тот невольно улыбнулся. Перед ним был уже не пылкий художник, а рыцарь, вооружённый щитом-палитрой, с копьём-муштабелем в левой руке и мечом-кистью в правой, — оскорблённый рыцарь, готовый уничтожить того, кто нанёс ему смертельное оскорбление.

— Забыть Анжелику!.. — закричал Ларе, потрясая своим оружием. — Забыть ту, которая…

Внезапно подкравшаяся волна, шипя, окатила его ноги почти до колен, и он меланхолически закончил:

— Разве можно забыть Анжелику? Мир стал скучнее с тех пор, как замолкли её песни…

Впервые Ларе узнал о гибели, вернее, о бесследном исчезновении Анжелики Гай в Лондоне, куда он приехал, чтобы писать «симфонию лондонского тумана». Ларе был не только поклонником таланта певицы, но и её другом, её рыцарем. Недаром он родился в Южном Провансе, среди развалин средневековых замков.

Узнав о случившемся с Гай несчастье, он был так потрясён, что единственный раз в жизни прервал свой «живописный запой» в самом разгаре творчества.

Артур, приехавший в Лондон из Кембриджа,

желая отвлечь своего друга от мрачных мыслей, придумал это путешествие на побережье Средиземного моря.

Но и здесь Ларе не находил себе места. Вернувшись с пляжа в отель, он переоделся и, сев на поезд, отправился в самое людное место — игорный дом Монте-Карло. Ему хотелось забыться.

Несмотря на сравнительно ранний час, возле приземистого здания уже толпилась публика. Ларе вошёл в первый зал. Публики было мало.

— Делайте вашу игру, — приглашал крупье, вооружённый лопаточкой для загребания денег.

Ларе, не останавливаясь, прошёл в следующий зал, стены которого были расписаны картинами, изображающими полуобнажённых женщин, занимающихся охотой, скачками, фехтованием, — словом, всем тем, что возбуждает азарт. От картин веяло напряжением страстной борьбы, азарта, алчности, но ещё больше и резче эти чувства были написаны на лицах живых людей, собравшихся вокруг игорного стола.

Вот толстый коммерсант с бледным лицом протягивает деньги трясущимися пухлыми веснушчатыми руками, покрытыми рыжеватым пушком. Он дышит тяжело, как астматик. Глаза его напряжённо следят за вертящимся шариком.

Ларе безошибочно определяет, что толстяк уже крупно проигрался и теперь ставит последние деньги в надежде отыграться. А если нет — этот рыхлый человек, быть может, отправится в аллею самоубийц, и там произойдёт последний расчёт с жизнью…

За толстяком стоит плохо одетый бритый старик с всклокоченными седыми волосами и маниакальными глазами. В руках его записная книжка и карандаш. Он записывает выигрыш и выходящие номера, делает какие-то подсчёты… Он давно уже проиграл всё своё состояние и сделался рабом рулетки. Администрация игорного дома выдаёт ему небольшое ежемесячное пособие — на жизнь и игру: своеобразная реклама. Теперь он строит свою «теорию вероятностей», изучает капризный характер фортуны. Когда он ошибается в своих предположениях, то сердито бьёт карандашом по записной книжке, подскакивает на одной ноге, что-то бормочет и вновь углубляется в подсчёты. Если же его предположения оправдываются, лицо его сияет, и он поворачивает голову к соседям, как бы желая сказать: вот видите, наконец-то мне удалось открыть законы случая.

Два лакея вводят под руки и усаживают в крес-

ло у стола старуху в чёрном шёлковом платье, с бриллиантовым ожерельем на морщинистой шее. Лицо её набелено так, что уже не может побледнеть. При виде таинственного шарика, распределяющего горе и радость, её ввалившиеся глаза загораются огнём алчности и тонкие пальцы, унизанные кольцами, начинают дрожать.

Молодая, красивая, стройная женщина, одетая в изящный тёмно-зелёный костюм, проходя мимо стола, бросает небрежным жестом тысячефранковый билет, проигрывает, беспечно усмехается и проходит в следующую комнату.

Ларе поставил на красное сто франков и выиграл.

«Я сегодня должен выиграть», — подумал он, ставя тысячу, — и проиграл. Но его не покидала уверенность, что в конце концов он выиграет. Его уже охватил азарт.

К столу рулетки подошли трое: мужчина, высокий и статный, с очень бледным лицом, и две женщины, одна рыжеволосая, а другая в сером костюме… Мельком взглянув на неё. Ларе почувствовал какую-то тревогу. Ещё не понимая, что его волнует, художник начал следить за женщиной в сером и был поражён одним жестом правой руки, который сделала она. «Что-то знакомое! О,

такой жест делала Анжелика Гай!» Эта мысль так поразила его, что он уже не мог играть. А когда трое неизвестных, смеясь, отошли, наконец, от стола. Ларе, забыв взять со стола выигранные деньги, пошёл следом за ними.

В четыре часа утра кто-то сильно постучал в дверь Артура Доуэля. Сердито накинув на себя халат, Доуэль открыл.

В комнату шатающейся походкой вошёл Ларе и, устало опустившись в кресло, сказал:

— Я, кажется, схожу с ума.

— В чём дело, старина? — воскликнул Доуэль.

— Дело в том, что… я не знаю, как вам и сказать… Я играл со вчерашнего дня до двух часов ночи. Выигрыш сменялся проигрышем. И вдруг я увидел женщину, и один жест её поразил меня до того, что я бросил игру и последовал за ней в ресторан. Я сел за столик и спросил чашку крепкого чёрного кофе. Кофе мне всегда помогает, когда нервы слишком расшалятся… Незнакомка сидела за соседним столиком. С нею были молодой человек, прилично одетый, но не внушающий особого доверия, и довольно вульгарная рыжеволосая женщина. Мои соседи пили вино и весело болтали. Незнакомка в сером начала напевать шансонетку. У неё оказался пискливый голосок

довольно неприятного тембра. Но неожиданно она взяла несколько низких грудных нот… — Ларе сжал свою голову. — Доуэль! Это был голос Анжелики Гай. Я из тысячи голосов узнал бы его.

«Несчастный! До чего он дошёл», — подумал Доуэль и, ласково положив руку на плечо Ларе, сказал:

— Вам померещилось. Ларе. Возьмите себя в руки. Случайное сходство…

— Нет, нет! Уверяю вас, — горячо возразил Ларе. — Я начал внимательно присматриваться к певице. Она довольно красива, чёткий профиль и милые лукавые глаза. Но её фигура, её тело! Доуэль, пусть черти растерзают меня зубами, если фигура певицы не похожа как две капли воды на фигуру Анжелики Гай.

— Вот что. Ларе, выпейте брому, примите холодный душ и ложитесь спать. Завтра, вернее сегодня, когда вы проснётесь…

Ларе укоризненно посмотрел на Доуэля:

— Вы думаете, что я с ума сошёл?.. Не торопитесь делать окончательное заключение. Выслушайте меня до конца. Это ещё не всё. Когда певичка спела свою песенку, она сделала кистью руки вот такой жест. Это любимый жест Анжелики, жест совершенно индивидуальный, неповторимый.

— Но что же вы хотите сказать? Не думаете же вы, что неизвестная певица обладает телом Анжелики?

Ларе потёр лоб:

— Не знаю… от этого действительно с ума сойти можно… Но слушайте дальше. На шее певица носит замысловатое колье, вернее даже не колье, а целый приставной воротничок, украшенный мелким жемчугом, шириной по крайней мере в четыре сантиметра. А на её груди довольно широкий вырез. Вырез открывает на плече родинку — родинку Анжелики Гай. Колье выглядит как бинт. Выше колье — неизвестная мне голова женщины, ниже — знакомое, изученное мною до мельчайших деталей, линий и форм тело Анжелики Гай. Не забывайте, ведь я художник, Доуэль. Я умею запоминать неповторимые линии и индивидуальные особенности человеческого тела… Я делал столько набросков и эскизов с Анжелики, столько написал её портретов, что не могу ошибиться.

— Нет, это невозможно! — воскликнул Доуэль. — Ведь Анжелика по…

— Погибла? В том-то и дело, что это никому не известно. Она сама или её труп бесследно исчез. И вот теперь…

— Вы встречаете оживший труп Анжелики?

— О-о!.. — Ларе простонал. — Я думал именно об этом.

Доуэль поднялся и заходил по комнате. Очевидно, сегодня уже не удастся лечь спать.

— Будем рассуждать хладнокровно, — сказал он. — Вы говорите, что ваша неизвестная певичка имеет как бы два голоса: один свой, более чем посредственный, и другой — Анжелики Гай?

— Низкий регистр — её неповторимое контральто, — ответил Ларе, утвердительно кивнув головой.

— Но ведь это же физиологически невозможно. Не предполагаете же вы, что человек высокие ноты извлекает из своего горла верхними концами связок, а нижние — нижними? Высота звука зависит от большего или меньшего напряжения голосовых связок на всём протяжении. Ведь это как на струне: при большем натяжении вибрирующая струна даёт больше колебаний и более высокий звук, и обратно. Притом если бы проделать такую операцию, то голосовые связки были бы укорочены, значит, голос стал бы очень высоким. Да и едва ли человек мог бы петь после такой операции: рубцы должны были бы мешать правильной вибрации связок, и голос в лучшем

случае был бы очень хриплым… Нет, это решительно невозможно. Наконец, чтобы «оживить» тело Анжелики, надо бы иметь голову, чью-то голову без тела.

Доуэль неожиданно замолк, так как вспомнил о том, что в известной степени подкрепляло предположение Ларе.

Артур сам присутствовал при некоторых опытах своего отца. Профессор Доуэль вливал в сосуды погибшей собаки нагретую до тридцати семи градусов Цельсия питательную жидкость с адреналином — веществом, раздражающим и заставляющим их сокращаться. Когда эта жидкость под некоторым давлением попадала в сердце, она восстанавливала его деятельность, и сердце начинало прогонять кровь по сосудам. Мало-помалу восстанавливалось кровообращение, и животное оживало.

«Самой важной причиной гибели организма, — сказал тогда отец Артура, — является прекращение снабжения органов кровью и содержащимся в ней кислородом».

«Значит, так можно оживить и человека?» — спросил Артур.

«Да, — весело ответил его отец, — я берусь совершить воскрешение и когда-нибудь произведу

это „чудо“. К этому я и веду свои опыты».

Оживление трупа, следовательно, возможно. Но возможно ли оживить труп, в котором тело принадлежало одному человеку, а голова — другому? Возможна ли такая операция? В этом Артур сомневался. Правда, он видел, как отец его делал необычайно смелые и удачные операции пересадки тканей и костей. Но всё это было не так сложно, и это делал его отец.

«Если бы мой отец был жив, я, пожалуй, поверил бы, что догадка Ларе о чужой голове на теле Анжелики Гай правдоподобна. Только отец мог осмелиться совершить такую сложную и необычайную операцию. Может быть, эти опыты продолжали его ассистенты? — подумал Доуэль. — Но одно дело оживить голову или даже целый труп, а другое — пришить голову одного человека к трупу другого».

— Что же вы хотите делать дальше? — спросил Доуэль.

— Я хочу разыскать эту женщину в сером, познакомиться с ней и раскрыть тайну. Вы поможете мне в этом?

— Разумеется, — ответил Доуэль.

Ларе крепко пожал ему руку, и они начали обсуждать план действий.

ВЕСЁЛАЯ ПРОГУЛКА

Через несколько дней Ларе был уже знаком с Брике, её подругой и Жаном. Он предложил им совершить прогулку на яхте, и предложение было принято.

В то время как Жан и Рыжая Марта беседовали на палубе с Доуэлем, Ларе предложил Брике пройти вниз осмотреть каюты. Их было всего две, очень небольшие, и в одной из них стояло пианино.

— О, здесь даже есть инструмент! — воскликнула Брике.

Она уселась у пианино и заиграла фокстрот. Яхта мерно покачивалась на волнах. Ларе стоял возле пианино, внимательно смотрел на Брике и обдумывал, с чего начать своё следствие.

— Спойте что-нибудь, — сказал он.

Брике не заставила себя упрашивать. Она запела, кокетливо поглядывая на Ларе. Он ей нравился.

— Какой у вас… странный голос, — сказал Ларе, испытующе глядя в её лицо. — В вашем горле как будто заключены два голоса: голоса двух

женщин…

Брике смутилась, но, быстро овладев собой, принуждённо рассмеялась…

— О да!.. Это у меня с детства. Один профессор пения нашёл у меня контральто, а другой — меццо-сопрано. Каждый ставил голос по-своему, и вышло… притом я недавно простудилась…

«Не слишком ли много объяснений для одного факта? — подумал Ларе. — И почему она так смутилась? Мои предположения оправдываются. Тут что-то есть».

— Когда вы поёте на низких нотах, — с грустью заговорил он, — я будто слышу голос одной моей хорошей знакомой… Она была известная певица. Бедняжка погибла при железнодорожном крушении. Ко всеобщему удивлению, её тело не было найдено… Её фигура чрезвычайно напоминает вашу, как две капли воды… Можно подумать, что это её тело.

Брике посмотрела на Ларе уже с нескрываемым страхом. Она поняла, что этот разговор ведётся Ларе неспроста.

— Бывают люди, очень похожие друг на друга… — сказала она дрогнувшим голосом.

— Да, но такого сходства я не встречал. И потом… ваши жесты… вот этот жест кистью руки…

И ещё… вы сейчас взялись руками за голову, как бы поправляя пышные пряди волос. Такие волосы были у Анжелики Гай. И так она поправляла капризный локон у виска… Но у вас нет длинных локонов. У вас короткие, остриженные по последней моде волосы.

— У меня раньше были тоже длинные волосы, — сказала Брике, поднимаясь. Её лицо побледнело, кончики пальцев заметно дрожали. — Здесь душно… Пойдёмте наверх…

— Погодите, — остановил её Ларе, также волнуясь. — Мне необходимо поговорить с вами.

Он насильно усадил её в кресло у иллюминатора.

— Мне дурно… Я не привыкла к качке! — воскликнула Брике, порываясь уйти. Но Ларе как бы

нечаянно коснулся руками её шеи, отвернув при этом край колье. Он увидел розовевшие рубцы.

Брике пошатнулась. Ларе едва успел подхватить её: она была в обмороке.

Художник, не зная, что делать, брызнул ей в лицо прямо из стоявшего графина. Она скоро пришла в себя. Непередаваемый ужас засветился в её глазах. Несколько долгих мгновений они молча смотрели друг на друга. Брике казалось, что наступил час возмездия. Страшный час расплаты за то, что она присвоила чужое тело. Губы Брике дрогнули, и она чуть слышно прошептала:

— Не губите меня!.. Пожалейте…

— Успокойтесь, я не собираюсь губить вас… но я должен узнать эту тайну. — Ларе поднял висевшую как плеть руку Брике и сильно сдавил её. — Признайтесь, это не ваше тело? Откуда оно у вас? Скажите мне всю правду!

— Жан! — попыталась крикнуть Брике, но Ларе зажал ей рот ладонью, прошипев в самое ухо:

— Если вы ещё раз крикнете, вы не выйдете из этой каюты.

Потом, оставив Брике, он быстро запер дверь каюты на ключ и плотно прикрыл раму иллюминатора.

Брике заплакала, как ребёнок. Но Ларе был

неумолим.

— Слёзы вам не помогут! Говорите скорее, пока я не потерял терпения.

— Я не виновата ни в чём, — заговорила Брике, всхлипывая. — Меня убили… Но потом я ожила… Одна моя голова на стеклянной подставке… Это было так ужасно!.. И голова Тома стояла там же… Я не знаю, как это случилось… Профессор Керн — это он оживил меня… Я просила его, чтобы он вернул мне тело. Он обещал… И привёз откуда-то вот это тело… — Она почти с ужасом посмотрела на свои плечи и руки. — Но когда я увидела мёртвое тело, то отказалась… Мне было так страшно… Я не хотела, умоляла не приставлять моей головы к трупу… Это может подтвердить Лоран: она ухаживала за нами, но Керн не послушал. Он усыпил меня, и я проснулась вот такой. Я не хотела оставаться у Керна и убежала в Париж, а потом сюда… Я знала, что Керн будет преследовать меня… Умоляю вас, не убивайте меня и не говорите никому… Теперь я не хочу остаться без тела, оно стало моим… Я никогда не чувствовала такой лёгкости движений. Только болит нога… Но это пройдёт… я не хочу возвращаться к Керну!

Слушая эту бессвязную речь. Ларе думал: «Брике, кажется, действительно не виновата. Но этот

Керн… Как мог он достать тело Гай и использовать его для такого ужасного эксперимента? Керн! Я слышал об этом имени от Артура. Керн, кажется, был ассистентом его отца. Эта тайна должна быть раскрыта».

— Перестаньте плакать и внимательно выслушайте меня, — строго сказал Ларе. — Я помогу вам, но при одном условии, если и вы никому не скажете о том, что произошло с вами вплоть до настоящего момента. Никому, кроме одного человека, который сейчас придёт сюда. Это Артур Доуэль — вы уже знаете его. Вы должны повиноваться мне во всём. Если только вы ослушаетесь, вас постигнет страшная кара. Вы совершили преступление, которое карается смертной казнью. И вам нигде не удастся спрятать вашу голову и присвоенное вами чужое тело. Вас найдут и гильотинируют. Слушайте же меня. Во-первых, успокойтесь. Во-вторых, садитесь за пианино и пойте. Пойте как можно громче, чтобы было слышно там, наверху. Вам очень весело, и вы не собираетесь подниматься на палубу.

Брике подошла к пианино, уселась и запела, аккомпанируя себе едва повинующимися пальцами.

— Громче, веселее, — командовал Ларе, откры-

вая иллюминатор и дверь.

Это было очень странное пение — крик отчаяния и ужаса, переложенный на мажорный лад.

— Громче барабаньте по клавишам! Так! Играйте и ждите. Вы поедете в Париж вместе с нами. Не вздумайте бежать. В Париже вы будете вне опасности, мы сумеем скрыть вас.

С весёлым лицом Ларе поднялся на палубу.

Яхта, наклонившись на правый борт, быстро скользила по лёгкой волне. Влажный морской ветер освежил Ларе. Он подошёл к Артуру Доуэлю и, незаметно отведя его в сторону, сказал:

— Пойдите — вниз в каюту и заставьте мадемуазель Брике повторить вам всё, что она сказала мне. А я займу гостей.

— Ну, как вам нравится яхта, мадам? — обратился он к Рыжей Марте и начал вести с нею непринуждённый разговор.

Жан, развалясь в плетёном кресле, блаженствовал вдали от полиции и сыщиков. Он не хотел больше ни думать, ни наблюдать, он хотел забыть о вечной насторожённости. Медленно потягивая из маленькой рюмки превосходный коньяк, он ещё больше погружался в созерцательное, полусонное состояние. Это было как нельзя более на руку Ларе.

Рыжая Марта также чувствовала себя великолепно. Слыша из каюты пение подруги, она сама в перерывах между фразами присоединяла свой голос к доносившемуся игривому напеву.

Успокоила ли Брике игра, или Артур показался ей менее опасным собеседником, но на этот раз она более связно и толково рассказала ему историю своей смерти и воскрешения.

— Вот и всё. Ну, разве я виновата? — Уже с улыбкой спросила она и спела коротенькую шансонетку «Виновата ли я», повторённую на палубе Мартой.

— Опишите мне третью голову, которая жила у профессора Керна, — сказал Доуэль.

— Тома?

— Нет, ту, которой вас показал профессор Керн! Впрочем…

Артур Доуэль торопливо вынул из бокового кармана бумажник, порылся в нём, достал оттуда фотографическую карточку и показал её Брике.

— Скажите, похож изображённый здесь мужчина на голову моего… знакомого, которую вы видели у Керна?

— Да это совершенно он! — воскликнула Брике. Она даже бросила играть. — Удивительно! И с плечами. Голова с телом. Неужели и ему уже

успели пришить тело? Что с вами, мой дорогой? — участливо и испуганно спросила она.

Доуэль пошатнулся. Лицо его побледнело. Он, с трудом владея собой, сделал несколько шагов, тяжело опустился в кресло и закрыл лицо руками.

— Что с вами? — ещё раз спросила его Брике.

Но он ничего не отвечал. Потом губы его прошептали: «Бедный отец», но Брике не расслышала этих слов.

Артур Доуэль очень быстро овладел собой. Когда он поднял голову, его лицо было почти спокойно.

— Простите, я, кажется, напугал вас, — сказал он. — У меня иногда бывают такие лёгкие припадки на сердечной почве. Вот всё уже и прошло.

— Но кто этот человек? Он так похож на… Ваш брат? — заинтересовалась Брике.

— Кто бы он ни был, вы должны помочь нам разыскать эту голову. Вы поедете с нами. Мы устроим вас в таком укромном уголке, где вас никто не найдёт. Когда вы можете ехать?

— Хоть сегодня, — ответила Брике. — А вы… не отнимете у меня моё тело?

Доуэль сразу не понял, потом улыбнулся и ответил:

— Конечно, нет… если только вы будете слу-

шать нас и помогать нам. Идёмте на палубу.

— Ну, как ваше плавание? — весело спросил он, поднявшись на палубу. Затем посмотрел на горизонт с видом опытного моряка и, озабоченно покачав головой, сказал: — Море мне не нравится… Видите эту темноватую полосу у горизонта?.. Если мы вовремя не вернёмся, то…

— О, скорее назад! Я не хочу утонуть, — полушутя, полусерьёзно воскликнула Брике.

Никакой бури не предвиделось. Просто Доуэль решил напугать своих сухопутных гостей, для того чтобы скорее вернуться на берег.

Ларе условился с Брике встретиться на теннисной площадке после обеда, «если не будет бури». Они расставались всего на несколько часов.

— Послушайте, Ларе, мы неожиданно напали на след больших тайн, — сказал Доуэль, когда они вернулись в отель. — Знаете ли вы, чья голова находилась у Керна? Голова моего отца, профессора Доуэля!

Ларе, уже усевшийся на стуле, подскочил, как мяч.

— Голова? Живая голова вашего отца! Но возможно ли это? И это всё Керн! Он… я растерзаю его! Мы найдём голову вашего отца.

— Боюсь, что мы не застанем её в живых, —

печально ответил Артур. — Отец сам доказал возможность оживления голов, отсечённых от тела, но головы эти жили не более полутора часов, затем они умирали, потому что кровь свёртывалась, искусственные же питательные растворы могли поддержать жизнь ещё меньшее время.

Артур Доуэль не знал, что его отец незадолго до смерти изобрёл препарат, названный им «Доуэль 217» и переименованный Керном в «Керн 217». Введённый в кровь, этот препарат совершенно устраняет свёртывание крови и потому делает возможным более длительное существование головы.

— Но живою или мёртвою мы должны разыскать голову отца. Скорее в Париж!

Ларе бросился в свой номер собирать вещи.

В ПАРИЖ!

Наскоро пообедав, Ларе побежал на теннисную площадку.

Несколько запоздавшая Брике была очень обрадована, увидев, что он уже ждёт её. Несмотря на весь страх, который внушил ей этот человек, Брике продолжала находить его очень интересным мужчиной.

— А где же ваша ракетка? — разочарованно спросила она его. — Разве вы сегодня не будете учить меня?

Ларе уже в продолжение нескольких дней учил Брике играть в теннис. Она оказалась очень способной ученицей. Но Ларе знал тайну этой способности больше, чем сама Брике: она обладала тренированным телом Анжелики, которая была прекрасной теннисисткой. Когда-то она сама учила Ларе некоторым ударам. И теперь Ларе оставалось только привести в соответствие уже тренированное тело Гай с ещё не тренированным мозгом Брике — закрепить в её мозгу привычные движения тела. Иногда движения Брике были неуверенные, угловатые. Но часто неожиданно

для себя она делала необычайно ловкие движения. Она, например, чрезвычайно удивила Ларе, когда стала подавать «резаные мячи», — её никто не учил этому. А этот ловкий и трудный приём был своего рода гордостью Анжелики. И, глядя на движения Брике, Ларе иногда забывал, что играет не с Анжеликой. Именно во время игры в теннис у Ларе возникло нежное чувство к «возрождённой Анжелике», как иногда называл он Брике. Правда, это чувство было далеко от того обожания и преклонения, которых он был преисполнен к Анжелике.

Брике стояла возле Ларе, заслонившись ракеткой от заходящего солнца, — один из жестов Анжелики.

— Сегодня мы не будем играть.

— Как жалко! А я бы не прочь поиграть, хотя у меня сильней, чем обычно, болит нога, — сказала Брике.

— Идёмте со мной. Мы едем в Париж.

— Сейчас?

— Немедленно.

— Но мне же необходимо хоть переодеться и захватить кое-какие вещи.

— Хорошо. Даю вам на сборы сорок минут, и ни минуты больше. Мы заедем за вами в автомоби-

ле. Идите же скорее укладываться.

«Она действительно прихрамывает», — подумал Ларе, глядя вслед удаляющейся Брике.

По пути в Париж нога у Брике разболелась не на шутку. Брике лежала в своём купе и тихо стонала. Ларе успокаивал её как умел. Это путешествие ещё больше сблизило их. Правда, он ухаживал с такой заботливостью, как ему казалось, не за Брике, а за Анжеликой Гай. Но Брике относила заботы Ларе целиком к себе. Это внимание очень трогало её.

— Вы такой добрый, — сказала она сентиментально. — Там, на яхте, вы напугали меня. Но теперь я не боюсь вас. — И она улыбалась так очаровательно, что Ларе не мог не улыбнуться в ответ. Эта ответная улыбка уже всецело принадлежала голове: ведь улыбалась голова Брике. Она делала успехи, сама не замечая того.

А недалеко от Парижа случилось маленькое событие, ещё больше обрадовавшее Брике и удивившее самого виновника этого события. Во время особенно сильного приступа боли Брике протянула руку и сказала:

— Если бы вы знали, как я страдаю…

Ларе невольно взял протянутую руку и поцеловал её. Брике покраснела, а Ларе смутился.

«Чёрт возьми, — думал он, — я, кажется, поцеловал её. Но ведь это была только рука — рука Анжелики. Однако ведь боль чувствует голова, значит, поцеловав руку, я пожалел голову. Но голова чувствует боль потому, что болит нога Анжелики, но боль Анжелики чувствует голова Брике…» Он совсем запутался и смутился ещё больше.

— Чем вы объяснили ваш внезапный отъезд вашей подруге? — спросил Ларе, чтобы скорее покончить с неловкостью.

— Ничем. Она привыкла к моим неожиданным поступкам. Впрочем, она с мужем тоже скоро приедет в Париж… Я хочу её видеть… Вы, пожалуйста, пригласите её ко мне. — И Брике дала адрес Рыжей Марты.

Ларе и Артур Доуэль решили поместить Брике в небольшом пустующем доме, принадлежащем отцу Ларе, в конце авеню до Мэн.

— Рядом с кладбищем! — суеверно воскликнула Брике, когда автомобиль провозил её мимо кладбища Монпарнас.

— Значит, долго жить будете, — успокоил её Ларе.

— Разве есть такая примета? — спросила суеверная Брике.

— Вернейшая.

И Брике успокоилась.

Больную уложили в довольно уютной комнате на огромной старинной кровати под балдахином.

Брике вздохнула, откидываясь на горку подушек.

— Вам необходимо пригласить врача и сиделку, — сказал Ларе. Но Брике решительно возражала. Она боялась, что новые люди донесут на неё.

С большим трудом Ларе уговорил её показать ногу своему другу, молодому врачу, и пригласить в сиделки дочь консьержа.

— Этот консьерж служит у нас двадцать лет. На него и на его дочь вполне можно положиться.

Приглашённый врач осмотрел распухшую и сильно покрасневшую ногу, предписал делать компрессы, успокоил Брике и вышел с Ларе в другую комнату.

— Ну, как? — спросил не без волнения Ларе.

— Пока серьёзного ничего нет, но следить надо. Я буду навещать её через день. Больная должна соблюдать абсолютный покой.

Ларе каждое утро навещал Брике. Однажды он тихо вошёл в комнату. Сиделки не было. Бри-

ке дремала или лежала с закрытыми глазами. Странное дело, её лицо, казалось, всё более молодело. Теперь Брике можно было дать не более двадцати лет. Черты лица как-то смягчились, стали нежнее.

Ларе на цыпочках подошёл к кровати, нагнулся, долго смотрел на это лицо и… вдруг нежно поцеловал в лоб. На этот раз Ларе не анализировал, целует ли он «останки» Анжелики, голову Брике или всю Брике.

Брике медленно подняла веки и посмотрела на Ларе, бледная улыбка мелькнула на её губах.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Ларе. — Я не разбудил вас?

— Нет, я не спала. Благодарю вас, я чувствую себя хорошо. Если бы не эта боль…

— Доктор говорит, что ничего серьёзного. Лежите спокойно, и скоро вы поправитесь…

Вошла сиделка. Ларе кивнул головой и вышел. Брике проводила его нежным взглядом. В жизнь её вошло что-то новое. Она хотела скорее поправиться. Кабаре, танцы, шансонетки, весёлые пьяные посетители «Ша-нуар» — всё это ушло куда-то далеко, потеряло смысл и цену. В сердце её рождались новые мечты о счастье. Быть может, это было самое большое чудо «перевоплощения»,

о котором не подозревала она сама, не подозревал и Ларе! Чистое, девственное тело Анжелики Гай не только омолодило голову Брике, но и изменило ход её мыслей. Развязная певица из кабаре превращалась в скромную девушку.

ЖЕРТВА КЕРНА

В то время как Ларе был всецело поглощён заботами о Брике, Артур Доуэль собирал сведения о доме Керна. От времени до времени друзья совещались с Брике, которая сообщила им всё, что знала о доме и людях, населявших его.

Артур Доуэль решил действовать очень осторожно. С момента исчезновения Брике Керн должен быть настороже. Застать его врасплох едва ли удастся. Необходимо вести дело так, чтобы до последнего момента Керн не подозревал, что на него уже ведётся атака.

— Мы будем действовать как можно хитрей, — сказал он Ларе. — Прежде всего нужно узнать, где живёт мадемуазель Лоран. Если она не заодно с Керном, то во многом нам поможет, — гораздо больше, чем Брике.

Разузнать адрес Лоран не представляло большого труда. Но когда Доуэль посетил квартиру, его ждало разочарование. Вместо Лоран он застал только её мать, чистенько одетую благообразную старушку, заплаканную, недоверчивую, убитую горем.

— Могу я видеть мадемуазель Лоран? — спросил он.

Старуха с недоумением посмотрела на него:

— Мою дочь? Разве вы её знаете?.. А с кем я имею честь говорить и зачем вам нужна моя дочь?

— Если разрешите…

— Прошу вас. — И мать Лоран впустила посетителя в маленькую гостиную, уставленную мягкой старинной мебелью в белых чехлах с кружевными накидками на спинках. На стене большой портрет. «Интересная девушка», — подумал Артур.

— Моя фамилия Радье, — сказал он. — Я медик из провинции, вчера только приехал из Тулона. Когда-то я был знаком с одной из подруг мадемуазель Лоран по университету. Уже здесь, в Париже, я случайно встретил эту подругу и узнал от неё, что мадемуазель Лоран работает у профессора Керна.

— А как фамилия университетской подруги моей дочери?

— Фамилия? Риш!

— Риш! Риш!.. Не слыхала такой, — заметила Лоран и уже с явным недоверием спросила: — А вы не от Керна?

— Нет, я не от Керна, — с улыбкой ответил Ар-

тур. — Но очень хотел бы познакомиться с ним. Дело в том, что он работает в той области, которой я очень интересуюсь. Мне известно, что ряд опытов, и самых интересных, он производит на дому. Но он очень замкнутый человек и никого не желает пускать в своё святая святых.

Старушка Лоран решила, что это похоже на правду: поступив на работу к профессору Керну, дочь говорила, что он живёт очень замкнуто и никого не принимает. «Чем же он занимается?» — спросила она у дочери и получила неопределённый ответ: «Всякими научными опытами».

— И вот, — продолжал Доуэль, — я решил познакомиться сначала с мадемуазель Лоран и посоветоваться с нею, как мне вернее достигнуть цели. Она могла бы подготовить почву, предварительно поговорить с профессором Керном, познакомить меня с ним и ввести в дом.

Вид молодого человека располагал к доверию, но всё, что было связано с именем Керна, возбуждало в душе мадам Лоран такое беспокойство и тревогу, что она не знала, как вести дальше разговор. Она тяжело вздохнула и, сдерживая себя, чтобы не заплакать, сказала:

— Моей дочери нет дома. Она в больнице.

— В больнице? В какой больнице?

Мадам Лоран не стерпела. Она слишком долго оставалась одна со своим горем и теперь, забыв о всякой осторожности, рассказала своему гостю всё: как её дочь неожиданно прислала письмо о том, что работа заставляет её остаться некоторое время в доме Керна для ухода за тяжелобольными; как она, мать, делала бесплодные попытки повидаться с дочерью в доме Керна; как волновалась; как, наконец Керн сообщил ей, что её дочь заболела нервным расстройством и отвезена в больницу для душевнобольных.

— Я ненавижу этого Керна, — говорила старушка, вытирая платком слёзы. — Это он довёл мою дочь до сумасшествия. Я не знаю, что она видела в доме Керна и чем занималась, — об этом она даже мне не говорила, — но я знаю одно, что как только Мари поступила на эту работу, так и начала нервничать. Я не узнавала её. Она приходила бледная, взволнованная, она лишилась аппетита и сна. По ночам её душили кошмары. Она вскакивала и говорила сквозь сон, что голова какого-то профессора Доуэля и Керн преследуют её… Керн присылает мне по почте заработанную плату дочери, довольно значительную сумму, присылает до сих пор. Но я не прикасаюсь к деньгам. Здоровья не приобретёшь ни за какие деньги… Я

потеряла дочь… — И старушка залилась слезами.

«Нет, в этом доме не может быть сообщников Керна», — подумал Артур Доуэль. Он решил больше не скрывать истинной цели своего прихода.

— Сударыня, — сказал он, — я теперь откровенно признаюсь, что имею не меньше оснований ненавидеть Керна. Мне нужна была ваша дочь, чтобы свести с Керном кое-какие счёты и… обнаружить его преступления.

Мадам Лоран вскрикнула.

— О, не беспокойтесь, ваша дочь не замешана в этих преступлениях.

— Моя дочь скорее умрёт, чем совершит преступление, — гордо ответила Лоран.

— Я хотел воспользоваться услугами мадемуазель Лоран, но теперь вижу, что ей самой необходимо оказать услугу. Я имею основания предполагать, что ваша дочь не сошла с ума, а заключена в сумасшедший дом профессором Керном.

— Но почему? За что?

— Именно потому, что ваша дочь скорее умрёт, чем совершит преступление, как изволили вы сказать. Очевидно, она была опасна для Керна.

— Но о каких преступлениях вы говорите?

Артур Доуэль ещё недостаточно знал Лоран и

опасался её старушечьей болтливости, а потому решил не раскрывать всего.

— Керн делал незаконные операции. Будьте добры сказать, в какую больницу отправлена Керном ваша дочь?

Взволнованная Лоран едва собралась с силами, чтобы продолжать связно говорить. Прерывая свои слова рыданиями, она ответила:

— Керн долго не хотел мне этого сообщить. К себе в дом он не пускал меня. Приходилось писать ему письма. Он отвечал уклончиво, старался успокоить меня и уверить, что моя дочь поправляется и скоро вернётся ко мне. Когда моё терпение истощилось, я написала ему, что напишу на него жалобу, если он сейчас же не ответит, где моя дочь. И тогда он сообщил адрес больницы. Она находится в окрестностях Парижа, в Ско. Больница принадлежит частному врачу Равино. Ох, я ездила туда! Но меня даже не пустили во двор. Это настоящая тюрьма, обнесённая каменной стеной… «У нас такие порядки, — ответил мне привратник, — что родных мы никого не пускаем, хотя бы и родную мать». Я вызвала дежурного врача, но он ответил мне то же. «Сударыня, — сказал он, — посещение родственниками больных всегда волнует и ухудшает их

душевное состояние. Могу вам только сообщить, что вашей дочери лучше». И он захлопнул передо мной ворота.

— Я всё же постараюсь повидаться с вашей дочерью. Может быть, мне удастся и освободить её.

Артур тщательно записал адрес и откланялся.

— Я сделаю всё, что только будет возможно. Поверьте мне, что я заинтересован в этом так же, как если бы мадемуазель Лоран была моей сестрой.

И, напутствуемый всяческими советами и добрыми пожеланиями, Доуэль вышел из комнаты.

Артур решил немедленно повидаться с Ларе, его друг целые дни проводил с Брике, и Доуэль направился на авеню дю Мен. Возле домика стоял автомобиль Ларе.

Доуэль быстро поднялся на второй этаж и вошёл в гостиную.

— Артур, какое несчастье, — встретил его Ларе. Он был чрезвычайно расстроен, метался по комнате и ерошил свои чёрные курчавые волосы.

— В чём дело. Ларе?

— О!.. — простонал его друг. — Она бежала…

— Кто?

— Мадемуазель Брике, конечно!

— Бежала? Но почему? Говорите же, наконец,

толком!

Но нелегко было заставить Ларе говорить. Он продолжал метаться, вздыхать, стонать и охать. Прошло не менее десяти минут, пока Ларе заговорил:

— Вчера мадемуазель Брике с утра жаловалась на усиливающиеся боли в ноге. Нога очень опухла и посинела. Я вызвал врача. Он осмотрел ногу и сказал, что положение резко ухудшилось. Началась гангрена. Необходима операция. Врач не брался оперировать на дому и настаивал на том, чтобы больную немедленно перевезли в больницу. Но мадемуазель Брике ни за что не соглашалась. Она боялась, что в больнице обратят внимание на шрамы на её шее. Она плакала и говорила, что должна вернуться к Керну. Керн предупреждал её, что ей необходимо остаться у него до полного «выздоровления». Она не послушалась его и теперь жестоко наказана. И она верит Керну как хирургу. «Если он сумел воскресить меня из мёртвых и дать новое тело, то может вылечить и мою ногу. Для него это пустяк». Все мои уговоры не приводили ни к чему. Я не хотел отпускать её к Керну. И я решил применить хитрость. Я сказал, что сам отправлю её к Керну, предполагая перевезти в больницу. Но мне необ-

ходимо было принять меры к тому, чтобы тайна «воскрешения» Брике в самом деле не раскрылась ранее времени, — я не забывал о вас, Артур. И я уехал на час, не более, чтобы сговориться со знакомыми врачами. Я хотел перехитрить Брике, но она перехитрила меня и сиделку. Когда я приехал, её уже не было. Всё, что от неё осталось, — вот эта записка, лежавшая на столике возле её кровати. Вот, посмотрите. — И Ларе подал Артуру листок бумаги, на котором карандашом наспех было написано несколько слов:

«Ларе, простите меня, я не могу поступить иначе. Я возвращусь к Керну. Не навещайте меня. Керн поставит меня на ноги, как уже сделал это раз. До скорого свидания, — эта мысль утешает меня».

— Даже подписи нет.

— Обратите внимание, — сказал Ларе, — на почерк. Это почерк Анжелики, хотя несколько изменённый. Так могла бы написать Анжелика, если бы она писала в сумерки или у неё болела рука: более крупно, более размашисто.

— Но всё-таки как это произошло? Как она могла бежать?

— Увы, она бежала от Керна, чтобы теперь бежать от меня к Керну. Когда я приехал сюда

и увидел, что клетка опустела, я едва не убил сиделку. Но она объяснила, что сама была введена в заблуждение. Брике, с трудом поднявшись, подошла к телефону и вызвала меня. Это была хитрость. Меня она не вызывала. Поговорив по телефону, Брике заявила сиделке, что я как будто всё устроил и прошу её немедленно ехать в больницу. И Брике попросила сиделку вызвать автомобиль, затем с её помощью добралась до автомобиля и укатила, отказавшись от услуг сиделки. «Это недалеко, а там меня снимут санитары», — сказала она. И сиделка была в полной уверенности, что всё делается по моему распоряжению и с моего ведома. Артур! — вдруг крикнул Ларе, вновь приходя в волнение. — Я еду к Керну немедленно. Я не могу её оставить там. Я уже вызвал по телефону мой автомобиль. Едем со мною, Артур!

Артур прошёлся по комнате. Какое неожиданное осложнение! Положим, Брике уже сообщила всё, что знала о доме Керна. Но всё же её советы были бы необходимы в дальнейшем, не говоря о том, что она сама являлась уликой против Керна. И этот обезумевший Ларе. Теперь он плохой помощник.

— Послушайте, мой друг, — сказал Артур, опу-

стив руки на плечи художника. — Сейчас больше чем когда-либо нам необходимо крепко взять себя в руки и воздержаться от опрометчивых поступков. Дело сделано. Брике у Керна. Следует ли нам тревожить прежде времени зверя в его берлоге? Как вы полагаете, расскажет ли Брике Керну обо всём, что произошло с нею с тех пор, как она бежала от него, о нашем знакомстве с нею и о том, что мы многое узнали о Керне?

— Могу поручиться, что она ничего не скажет, — убеждённо ответил Ларе. — Она дала мне слово там, на яхте, и неоднократно повторяла, что сохранит тайну. Теперь она выполнит это не только под влиянием страха, но и... по другим мотивам.

Артуру были понятны эти мотивы. Он уже давно заметил, что Ларе проявлял всё большее внимание к Брике.

«Несчастный романтик, — подумал Доуэль, — везёт ему на трагическую любовь. На этот раз он теряет не только Анжелику, но и вновь зарождающуюся любовь. Однако ещё не всё потеряно».

— Будьте терпеливы. Ларе, — сказал он. — Наши цели сходятся. Соединим наши усилия и будем вести осторожную игру. У нас два пути: или нанести Керну немедленный удар, или же

постараться сначала окольными путями узнать о судьбе головы моего отца и о Брике. После того как Брике убежала от него, Керн должен держаться настороже. Если он ещё не уничтожил голову моего отца, то, вероятно, хорошо скрыл её. Уничтожить же голову можно в несколько минут. Если только полиция начнёт стучаться в его дверь, он уничтожит все следы преступления прежде, чем откроет дверь. И мы ничего не найдём. Не забудьте. Ларе, что Брике тоже «следы преступления». Керн совершал незаконные операции. Мало этого: он незаконно похитил тело Анжелики. А Керн — человек, который не остановится ни перед чем. Ведь осмелился же он тайно от всех оживить голову моего отца. Я знаю, что отец разрешил в завещании анатомировать его тело, но я никогда не слыхал, чтобы он соглашался на опыт с оживлением своей головы. Почему Керн скрывает от всех, даже от меня, существование головы? Для чего она нужна ему? И для чего нужна ему Брике? Быть может, он занимается вивисекцией над людьми и Брике для него сыграла роль кролика?

— Тем более её надо скорее спасти, — горячо возразил Ларе.

— Да, спасти, но не ускорить её смерть. А наш

визит к Керну может ускорить этот роковой конец.

— Но что же делать?

— Идти втроём, более медленным путём. Постараемся, чтобы и этот путь был возможно короче. Мари Лоран нам может дать гораздо более полезные сведения, чем Брике. Лоран знает расположение дома, она ухаживала за головами. Быть может, она говорила с моим отцом… то есть с его головой.

— Так давайте скорее Лоран.

— Увы, её тоже необходимо сначала освободить.

— Она у Керна?

— В больнице. Очевидно, в одной из тех больниц, где за хорошие деньги держат взаперти таких же больных людей, как мы с вами. Нам придётся немало поработать, Ларе. — И Доуэль рассказал своему другу о своём свидании с матерью Лоран.

— Проклятый Керн! Он сеет вокруг себя несчастье и ужасы. Попадись он мне…

— Постараемся, чтобы он попался. И первый шаг к этому — нам надо повидаться с Лоран.

— Я немедленно еду туда.

— Это было бы неосторожно. Нам лично нужно

показываться только в тех случаях, когда ничего другого не остаётся. Пока будем пользоваться услугами других людей. Мы с вами должны представлять своего рода тайный комитет, который руководит действиями надёжных людей, но остаётся неизвестным врагу. Надо найти верного человека, который отправился бы в Ско, завёл знакомство с санитарами, сиделками, поварами, привратниками — с кем окажется возможным. Если удастся подкупить хоть одного, дело будет наполовину сделано.

Ларе, не терпелось. Ему самому хотелось немедленно приступить к действиям, но он подчинялся более рассудительному Артуру и в конце концов примирился с политикой осторожных действий.

— Но кого же мы пригласим? О, Шауб! Молодой художник, недавно приехавший из Австралии. Мой приятель, прекрасный человек, отличный спортсмен. Для него поручение будет тоже своего рода спортом. Чёрт возьми, — выбранился Ларе, — почему я сам не могу взяться за это?

— Это так романтично? — с улыбкой спросил Доуэль.

ЛЕЧЕБНИЦА РАВИНО

Шауб, молодой человек двадцати трёх лет, розоволицый блондин атлетического сложения, принял предложение «заговорщиков» с восторгом. Его не посвящали пока во все подробности, но сообщили, что он может оказать друзьям огромную услугу. И он весело кивнул головой, не спросив даже Ларе, нет ли во всей этой истории чего-нибудь предосудительного: он верил в честность Ларе и его Друга.

— Великолепно! — воскликнул Шауб. — Я еду в Ско немедленно. Этюдный ящик послужит прекрасным оправданием появления нового человека в маленьком городишке. Я буду писать портреты санитаров и сиделок. Если они будут не очень безобразны, я даже немножко поухаживаю за ними.

— Если потребуется, предлагайте руку и сердце, — сказал Ларе с воодушевлением.

— Для этого я недостаточно красив, — скромно заметил молодой человек. — Но свои бицепсы я охотно пущу в дело, если будет необходимо.

Новый союзник отправился в путь.

— Помните же, действуйте с возможной скоростью и предельной осторожностью, — дал ему Доуэль последний совет.

Шауб обещал приехать через три дня. Но уже на другой день вечером он, очень расстроенный, явился к Ларе.

— Невозможно, — сказал он. — Не больница, а тюрьма, обнесённая каменной стеной. И за эту стену не выходит никто из служащих. Все продукты доставляются подрядчиками, которых не пускают даже во двор. К воротам выходит заведующий хозяйством и принимает всё, что ему нужно… Я ходил вокруг этой тюрьмы, как волк вокруг овчарни. Но мне не удалось даже одним глазом заглянуть за каменную ограду.

Ларе был разочарован и раздосадован.

— Я надеялся, — сказал он с плохо скрытым раздражением, — что вы проявите большую изобретательность и находчивость, Шауб.

— Не угодно ли вам самим проявить эту изобретательность, — ответил не менее раздражённо Шауб. — Я не оставил бы своих попыток так скоро. Но мне случайно удалось познакомиться с одним местным художником, который хорошо знает город и обычаи лечебницы. Он сказал мне, что это совершенно особая лечебница. Много пре-

ступлений и тайн хранит она за своими стенами. Наследники помещают туда своих богатых родственников, которые слишком долго зажились и не думают умирать, объявляют их душевнобольными и устанавливают над ними опеку. Опекуны несовершеннолетних отправляют туда же своих опекаемых перед наступлением их совершеннолетия, чтобы продолжать «опекать», свободно распоряжаясь их капиталами. Это тюрьма для богатых людей, пожизненное заключение для несчастных жён, мужей, престарелых родителей и опекаемых. Владелец лечебницы, он же главный врач, получает колоссальные доходы от заинтересованных лиц. Весь штат хорошо оплачивается. Здесь бессилен даже закон, от вторжения которого охраняет уже не каменная стена, а золото. Здесь всё держится на подкупе.

Согласитесь, что при таких условиях я мог просидеть в Ско целый год и ни на один сантиметр не продвинуться в больницу.

— Надо было не сидеть, а действовать, — сухо заметил Ларе.

Шауб демонстративно поднял свою ногу и указал на порванные внизу брюки.

— Действовал, как видите, — с горькой иронией сказал он. — Прошлую ночь попытался перелезть через стену. Для меня это нетрудное дело. Но не успел я спрыгнуть по ту сторону стены, как на меня набросились огромные доги, — и вот результат... Не обладай я обезьяньим проворством и ловкостью, меня разорвали бы на куски. Тотчас по всему огромному саду послышалась

перекличка сторожей, замелькали зажжённые электрические фонари. Но этого мало. Когда я уже перебрался обратно, тюремщики выпустили своих собак за ворота. Животные выдрессированы точно так же, как дрессировали в своё время собак на южноамериканских плантациях для поимки беглых негров… Ларе, вы знаете, сколько призов я взял в состязаниях на быстроту бега. Если бы я всегда бегал так, как улепётывал минувшей ночью, спасаясь от проклятущих псов, я был бы чемпионом мира. Довольно вам сказать, что я без особого труда вскочил на подножку попутного автомобиля, мчавшегося по дороге со скоростью по крайней мере тридцать километров в час, и только это спасло меня!

— Проклятие! Что же теперь делать? — воскликнул Ларе, ероша волосы. — Придётся вызвать Артура. — И он устремился к телефону.

Через несколько минут Артур уже пожимал руки своих друзей.

— Этого надо было ожидать, — сказал он, узнав о неудаче. — Керн умеет хоронить свои жертвы в надёжных местах. Что же нам делать? — повторил он вопрос Ларе. — Идти напролом, действовать тем же оружием, что и Керн, — подкупить главного врача и…

— Я не пожалею отдать всё моё состояние! — воскликнул Ларе.

— Боюсь, что его будет недостаточно. Дело в том, что коммерческое предприятие почтенного доктора Равино зиждется на огромных кушах, которые он получает от своих клиентов, с одной стороны, и на том доверии, которое питают к нему его клиенты, вполне уверенные, что уж если Равино получил хорошую взятку, то ни при каких условиях он не продаст их интересов. Равино не захочет подорвать своё реноме и тем самым пошатнуть все основы своего предприятия. Вернее, он сделал бы это, если бы мог сразу получить такую сумму, которая равнялась бы всем его будущим доходам лет на двадцать вперёд. А на это, боюсь, не хватит средств, если бы мы сложили наши капиталы. Равино имеет дело с миллионерами, не забывайте этого. Гораздо проще и дешевле было бы подкупить кого-нибудь из его служащих помельче. Но всё несчастье в том, что Равино следит за своими служащими не меньше, чем за заключёнными. Шауб прав. Я сам наводил кое-какие справки о лечебнице Равино. Легче постороннему человеку проникнуть в каторжную тюрьму и устроить побег, чем проделать то же в тюрьме Равино. Он принимает к себе на службу

с большим разбором, в большинстве случаев людей, не имеющих родных. Не брезгует он и теми, кто не поладил с законом и желает скрыться от бдительного ока полиции. Он платит хорошо, но берёт обязательство, что никто из служащих не будет выходить за пределы лечебницы во время службы, а время это определяется в десять и двадцать лет, не меньше.

— Но где же он найдёт таких людей, которые решились бы на такое почти пожизненное лишение свободы? — спросил Ларе.

— Находит. Многих соблазняет мысль обеспечить себя на старости. Большинство загоняет нужда. Но, конечно, выдерживают не все. У Равино случаются, хотя и очень редко — раз в несколько лет, — побеги служащих. Не так давно один служащий, истосковавшийся по свободной жизни, бежал. В тот же день его труп нашли в окрестностях Ско. Полиция Ско на откупе у Равино. Был составлен протокол о том, что служащий покончил жизнь самоубийством. Равино взял труп и перенёс к себе в лечебницу. Об остальном можно догадаться. Равино, вероятно, показал труп своим служащим и произнёс соответствующую речь, намекая на то, что такая же судьба ждёт всякого нарушителя договора. Вот и всё.

Ларе был ошеломлён.

— Откуда у вас такая информация?

Артур Доуэль самодовольно улыбнулся.

— Ну вот, видите, — сказал повеселевший Шауб. — Я же говорил вам, что я не виноват.

— Представляю, как весело живёт в этом проклятом месте Лоран. Но что же нам предпринять, Артур? Взорвать стены динамитом? Делать подкоп?

Артур уселся в кресло и задумался. Друзья молчали, поглядывая на него.

— Эврика! — вдруг вскрикнул Доуэль.

«СУМАСШЕДШИЕ»

Небольшая комната с окном в сад. Серые стены. Серая кровать, застланная светло-серым пушистым одеялом. Белый столик и два белых стула.

Лоран сидит у окна и рассеянно смотрит в сад. Луч солнца золотит её русые волосы. Она очень похудела и побледнела. Из окна видна аллея, по которой гуляют группы больных. Между ними мелькают белые с чёрной каймой халаты сестёр.

— Сумасшедшие… — тихо говорит Лоран, глядя на гуляющих больных. — И я сумасшедшая… Какая нелепость! Вот всё, чего я достигла…

Она сжала руки, хрустнув пальцами.

Как это произошло?..

Керн вызвал её в кабинет и сказал:

— Мне нужно поговорить с вами, мадемуазель Лоран. Вы помните наш первый разговор, когда вы пришли сюда, желая получить работу?

Она кивнула головой.

— Вы обещали молчать обо всём, что увидите и услышите в этом доме, не так ли?

— Да.

— Повторите ж сейчас это обещание и можете

идти навестить свою мамашу. Видите, как я доверяю вашему слову.

Керн удачно нашёл струну, на которой играл. Лоран была чрезвычайно смущена. Несколько минут она молчала. Лоран привыкла исполнять данное слово, но после того, что она узнала здесь… Керн видел её колебания и с тревогой следил за исходом её внутренней борьбы.

— Да, я дала вам обещание молчать, — сказала она наконец тихо. — Но вы обманули меня. Вы многое скрыли от меня. Если бы вы сразу сказали всю правду, я не дала бы вам такого обещания.

— Значит, вы считаете себя свободной от этого обещания?

— Да.

— Благодарю за откровенность. С вами хорошо иметь дело уже потому, что вы по крайней мере не лукавите. Вы имеете гражданское мужество говорить правду.

Керн говорил это не только для того, чтобы польстить Лоран. Несмотря на то что честность Керн считал глупостью, в эту минуту он действительно уважал её за мужественность характера и моральную стойкость. «Чёрт возьми, будет досадно, если придётся убрать с дороги эту девочку. Но что же поделать с нею?»

— Итак, мадемуазель Лоран, при первой же возможности вы пойдёте и донесёте на меня? Вам должно быть известно, какие это будет иметь для меня последствия. Меня казнят. Больше того, моё имя будет опозорено.

— Об этом вам нужно было подумать раньше, — ответила Лоран.

— Послушайте, мадемуазель, — продолжал Керн, как бы не расслышав её слов. — Отрешитесь вы от своей узкой моральной точки зрения. Поймите, если бы не я, профессор Доуэль давно сгнил бы в земле или сгорел в крематории. Стала бы его работа. То, что сейчас делает голова, ведь это, в сущности, посмертное творчество. И это создал я. Согласитесь, что при таком положении я имею некоторые права на «продукцию» головы Доуэля. Больше того, без меня Доуэль — его голова — не смог бы осуществить свои открытия. Вы знаете, что мозг не поддаётся оперированию и сращиванию. И тем не менее операция «сращения» головы Брике с телом удалась прекрасно. Спинной мозг, проходящий через шейные позвонки, сросся. Над разрешением этой задачи работали голова Доуэля и руки Керна. А эти руки, — Керн протянул руки, глядя на них, — тоже чего-нибудь стоят. Они спасли не одну сотню человеческих

жизней и спасут ещё много сотен, если только вы не занесёте над моей головой меч возмездия. Но и это ещё не всё. Последние наши работы должны произвести переворот не только в медицине, но и в жизни всего человечества. Отныне медицина может восстановить угасшую жизнь человека. Сколько великих людей можно будет воскресить после их смерти, продлить им жизнь на благо человечества! Я удлиню жизнь гения, верну детям отца, жене — мужа. Впоследствии такие операции будет совершать рядовой хирург. Сумма человеческого горя уменьшится…

— За счёт других несчастных.

— Пусть так, но там, где плакали двое, будет плакать один. Там, где было два мертвеца, будет один. Разве это не великие перспективы? И что в сравнении с этим представляют мои личные дела, пусть даже преступления? Какое дело больному до того, что на душе хирурга, спасающего его жизнь, лежит преступление? Вы убьёте не только меня, вы убьёте тысячи жизней, которые в будущем я мог бы спасти. Подумали ли вы об этом? Вы совершите преступление в тысячу раз большее, чем совершил я, если только я совершил его. Подумайте же ещё раз и скажите мне ваш ответ. Теперь идите. Я не буду торопить вас.

— Я уже дала вам ответ. — И Лоран вышла из кабинета.

Она пришла в комнату головы профессора Доуэля и передала ему содержание разговора с Керном. Голова Доуэля задумалась.

— Не лучше ли было скрыть ваши намерения или по крайней мере дать неопределённый ответ? — наконец прошептала голова.

— Я не умею лгать, — ответила Лоран.

— Это делает вам честь, но… ведь вы обрекли себя. Вы можете погибнуть, и ваша жертва не принесёт никому пользы.

— Я… иначе я не могу, — сказала Лоран и, грустно кивнув голове, удалилась…

— Жребий брошен, — повторяла она одну и ту же фразу, сидя у окна своей комнаты.

«Бедная мама, — неожиданно мелькнуло у неё в голове. — Но она поступила бы так же», — сама себе ответила Лоран. Ей хотелось написать матери письмо и в нём изложить всё, что произошло с нею. Последнее письмо. Но не было никакой возможности переслать его. Лоран не сомневалась, что должна погибнуть. Она была готова спокойно встретить смерть. Её огорчали только заботы о матери и мысли о том, что преступление Керна останется неотомщённым. Однако она

верила, что рано или поздно всё же возмездие не минует его.

То, чего она ждала, случилось скорее, чем она предполагала.

Лоран погасила свет и улеглась в кровать. Нервы её были напряжены. Она услышала какой-то шорох за шкафом, стоящим у стены. Этот шорох больше удивил, чем испугал её. Дверь в её комнату была заперта на замок. К ней не могли войти так, чтобы она не услышала. «Что же это за шорох? Быть может, мыши?»

Дальнейшее произошло с необычайной быстротой.

Вслед за шорохом послышался скрип. Чьи-то шаги быстро приблизились к кровати. Лоран испуганно приподнялась на локтях, но в то же мгновение чьи-то сильные руки придавили её к подушке и прижали к лицу маску с хлороформом.

«Смерть!..» — мелькнуло в её мозгу, и, затрепетав всем телом, она инстинктивно рванулась.

— Спокойнее, — услышала она голос Керна, совсем такой же, как во время обычных операций, а затем потеряла сознание.

Пришла в себя она уже в лечебнице.

Профессор Керн привёл в исполнение угрозу

о «чрезвычайно тяжёлых для неё последствиях», если она не сохранит тайну. От Керна она ожидала всего. Он отомстил, а сам не получил возмездия. Мари Лоран принесла в жертву себя, но её жертва была бесплодной. Сознание этого ещё больше нарушало её душевное равновесие.

Она была близка к отчаянию. Даже здесь она чувствовала влияние Керна.

Первые две недели Лоран не разрешали даже выходить в большой тенистый сад, где гуляли «тихие» больные.

Тихие — это были те, которые не протестовали против заключения, не доказывали врачам, что они совершенно здоровы, не грозили разоблачениями и не делали попыток к бегству. Во всей лечебнице было не больше десятка процентов действительно душевнобольных, да и тех свели с ума уже в больнице. Для этой цели у Равино была выработана сложная система «психического отравления».

«ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ В ПРАКТИКЕ»

Для доктора Равино Мари Лоран была «трудным случаем в практике». Правда, за время её работы у Керна нервная система Лоран была сильно истощена, но воля не поколеблена. За это дело и взялся Равино.

Пока он не принимался за «обработку психики» Лоран вплотную, а только издали внимательно изучал её. Профессор Керн ещё не дал доктору Равино определённых директив относительно Лоран: отправить её преждевременно в могилу или свести с ума. Последнего, во всяком случае, в большей или меньшей степени требовала сама система психиатрической «лечебницы» Равино.

Лоран в волнении ожидала того момента, когда её судьба окончательно будет решена. Смерть или сумасшествие — другого пути здесь для неё, как и для других, не было. И она собирала все душевные силы, чтобы противоборствовать по крайней мере сумасшествию. Она была очень кротка, послушна и даже внешне спокойна. Но этим трудно было обмануть доктора Равино, обладавшего большим опытом и недюжинными

способностями психиатра. Эта покорность Лоран возбуждала в нём лишь ещё большее беспокойство и подозрительность.

«Трудный случай», — думал он, разговаривая с Лоран во время обычного утреннего обхода.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивал он.

— Благодарю вас, хорошо, — отвечала Лоран.

— Мы делаем всё возможное для наших пациентов, но всё же непривычная обстановка и относительное лишение свободы действуют на некоторых больных угнетающе. Чувство одиночества, тоска.

— Я привыкла к одиночеству.

«Её не так-то легко вызвать на откровенность», — подумал Равино и продолжал:

— У вас, в сущности говоря, всё в полном порядке. Нервы немного расшатаны, и только. Профессор Керн говорил мне, что вам приходилось принимать участие в научных опытах, которые должны производить довольно тяжёлое впечатление на свежего человека. Вы так юны. Переутомление и небольшая неврастения… И профессор Керн, который очень ценит вас, решил предоставить вам отдых…

— Я очень благодарна профессору Керну.

«Скрытная натура, — злился Равино. — Надо

свести её с другими больными. Тогда она, может быть, больше раскроет себя, и таким образом можно будет скорее изучить её характер».

— Вы засиделись, — сказал он. — Почему бы вам не пройти в сад? У нас чудесный сад, даже не сад, а настоящий парк в десяток гектаров.

— Мне не разрешили гулять.

— Неужели? — удивлённо воскликнул Равино. — Это недосмотр моего ассистента. Вы не из тех больных, которым прогулки могут принести вред. Пожалуйста, гуляйте. Познакомьтесь с нашими больными, среди них есть интересные люди.

— Благодарю вас, я воспользуюсь вашим разрешением.

И когда Равино ушёл, Лоран вышла из своей комнаты и направилась по длинному коридору, окрашенному в мрачный серый тон с чёрной каймой, к выходу. Из-за запертых дверей комнат доносились безумные завывания, крики, истерический смех, бормотание…

— О… о… о… — слышалось слева.

— У-у-у… Ха-ха-ха-ха, — откликались справа.

«Будто в зверинце», — думала Лоран, стараясь не поддаваться этой гнетущей обстановке. Но она несколько ускорила шаги и поспешила выйти из

дома. Перед нею расстилалась ровная дорожка, ведущая в глубь сада, и Лоран пошла по ней.

«Система» доктора Равино чувствовалась даже здесь. На всём лежал мрачный оттенок. Деревья только хвойные, с тёмной зеленью. Деревянные скамьи без спинок окрашены в тёмно-серый цвет. Но особенно поразили Лоран цветники. Клумбы были сделаны наподобие могил, а среди цветов преобладали тёмно-синие, почти чёрные, анютины глазки, окаймлённые по краям, как белой траурной лентой, ромашками. Тёмные туи дополняли картину.

«Настоящее кладбище. Здесь невольно должны рождаться мысли о смерти. Но меня не проведёте, господин Равино, я отгадала ваши секреты, и ваши „эффекты“ не застанут меня врасплох», — подбадривала себя Лоран и, быстро миновав «кладбищенский цветник», вошла в сосновую аллею. Высокие стволы, как колонны храма, тянулись вверх, прикрытые тёмно-зелёными куполами. Вершины сосен шумели ровным, однообразным сухим шумом.

В разных местах парка виднелись серые халаты больных. «Кто из них сумасшедший и кто нормальный?» Это довольно безошибочно можно было определить, даже недолго наблюдая за ни-

ми. Те, кто ещё не был безнадёжен, с интересом смотрели на «новенькую» — Лоран. Больные же с померкнувшим сознанием были углублены в себя, отрезаны от внешнего мира, на который смотрели невидящими глазами.

К Лоран приближался высокий сухой старик с длинной седой бородой. Старик высоко поднял свои пушистые брови, увидал Лоран и сказал, как бы продолжая говорить вслух сам с собой:

— Одиннадцать лет я считал, потом счёт потерял. Здесь нет календарей, и время стало. И я не знаю, сколько пробродил я по этой аллее. Может быть, двадцать, а может быть, тысячу лет. Перед лицом бога день один — как тысяча лет. Трудно определить время. И вы, вы тоже будете ходить здесь тысячу лет туда, до каменной стены, и тысячу лет обратно. Отсюда нет выхода. Оставь всякую надежду входящий сюда, как сказал господин Данте. Ха-ха-ха! Не ожидали? Вы думаете, я сумасшедший? Я хитёр. Здесь только сумасшедшие имеют право жить. Но вы не выйдете отсюда, как и я. Мы с вами… — И, увидев приближающегося санитара, на обязанности которого было подслушивать разговоры больных, старик, не изменяя тона, продолжал, хитро подмигнув глазом: — Я Наполеон Бонапарт, и мои сто дней

ещё не наступили. Вы меня поняли? — спросил он, когда санитар прошёл дальше.

«Несчастный, — подумала Лорана — неужели он притворяется сумасшедшим, чтобы избегнуть смертного приговора? Не я одна, оказывается, принуждена прибегать к спасительной маскировке».

Ещё один больной подошёл к Лоран, молодой человек с чёрной козлиной бородкой, и начал лепетать какую-то несуразицу об извлечении квадратного корня из квадратуры круга. Но на этот раз санитар не приближался к Лоран, — очевидно, молодой человек был вне подозрения у администрации. Он подходил к Лоран и говорил всё быстрее и настойчивее, брызгая слюной:

— Круг — это бесконечность. Квадратура круга — квадратура бесконечности. Слушайте внимательно. Извлечь квадратный корень из квадратуры круга — значит извлечь квадратный корень из бесконечности. Это будет часть бесконечности, возведённая в энную степень, таким образом можно будет определить и квадратуру… Но вы не слушаете меня, — вдруг разозлился молодой человек и схватил Лоран за руку. Она вырвалась и почти побежала по направлению к корпусу, в котором жила. Недалеко от двери

она встретила доктора Равино. Он сдерживал довольную улыбку.

Едва Лоран вбежала к себе в комнату, как в дверь постучали. Она охотно закрылась бы на ключ, но внутренних запоров у двери не было. Она решила не отвечать. Однако дверь открылась, и на пороге показался доктор Равино.

Его голова по обыкновению была откинута назад, выпуклые глаза, несколько расширенные, круглые и внимательные, смотрели сквозь стёкла пенсне, чёрные усы и эспаньолка шевелились вместе с губами.

— Простите, что вошёл без разрешения. Мои врачебные обязанности дают некоторые права…

Доктор Равино нашёл, что наступил удобный момент начать «разрушение моральных ценностей» Лоран. В его арсенале имелись самые разнообразные средства воздействия — от подкупающей искренности, вежливости и обаятельной внимательности до грубости и циничной откровенности. Он решил во что бы то ни стало вывести Лоран из равновесия и потому взял вдруг тон бесцеремонный и насмешливый.

— Почему же вы не говорите: «Войдите, пожалуйста, простите, что я не пригласила вас. Я задумалась и не слыхала вашего стука…» — или

что-нибудь в этом роде?

— Нет, я слыхала ваш стук, но не отвечала потому, что мне хотелось остаться одной.

— Правдиво, как всегда! — иронически сказал он.

— Правдивость — плохой объект для иронии, — с некоторым раздражением заметила Лоран.

«Клюёт», — весело подумал Равино. Он бесцеремонно уселся против Лоран и уставил на неё свои рачьи немигающие глаза. Лоран старалась выдержать этот взгляд, в конце концов ей стало неприятно, она опустила веки, слегка покраснев от досады на себя.

— Вы полагаете, — произнёс Равино тем же ироническим тоном, — что правдивость плохой объект для иронии. А я думаю, что самый подходящий. Если бы вы были такой правдивой, вы бы выгнали меня вон, потому что вы ненавидите меня, а между тем стараетесь сохранить любезную улыбку гостеприимной хозяйки.

— Это… только вежливость, привитая воспитанием, — сухо ответила Лоран.

— А если бы не вежливость, то выгнали бы? — И Равино вдруг засмеялся неожиданно высоким, лающим смехом. — Отлично! Очень хорошо! Вежливость не в ладу с правдивостью. Из вежливости, стало быть, можно поступаться правдивостью. Это раз. — И он загнул один палец. — Сегодня я спросил вас, как вы себя чувствуете, и получил ответ «прекрасно», хотя по вашим глазам видел, что вам впору удавиться. Следовательно, вы и тогда солгали. Из вежливости?

Лоран не знала, что сказать. Она должна была или ещё раз солгать, или же сознаться в том, что решила скрывать свои чувства. И она молчала.

— Я помогу вам, мадемуазель Лоран, — продолжал Равино. — Это была, если так можно выразиться, маскировка самосохранения. Да или нет?

— Да, — вызывающе ответила Лоран.

— Итак, вы лжёте во имя приличия — раз, вы лжёте во имя самосохранения — два. Если продолжать этот разговор, боюсь, что у меня не хватит пальцев. Вы лжёте ещё из жалости. Разве вы не писали успокоительные письма матери?

Лоран была поражена. Неужели Равино известно всё? Да, ему действительно было всё известно. Это также входило в его систему. Он требовал от своих клиентов, поставляющих ему мнимых больных, полных сведений как о причинах их помещения в его больницу, так и обо всём, что касалось самих пациентов. Клиенты знали, что это необходимо в их же интересах, и не скрывали от Равино самых ужасных тайн.

— Вы лгали профессору Керну во имя поруганной справедливости и желая наказать порок. Вы лгали во имя правды. Горький парадокс! И если подсчитать, то окажется, что ваша правда всё время питалась ложью.

Равино метко бил в цель. Лоран была подавлена. Ей самой как-то не приходило в голову, что ложь играла такую огромную роль в её жизни.

— Вот и подумайте, моя праведница, на досуге о том, сколько вы нагрешили. И чего вы добились своей правдой? Я скажу вам: вы добились вот

этого самого пожизненного заключения. И никакие силы не выведут вас отсюда — ни земные, ни небесные. А ложь? Если уважаемого профессора Керна считать исчадием ада и отцом лжи, то он ведь продолжает прекрасно существовать.

Равино, не спускающий глаз с Лоран, внезапно замолчал. «На первый раз довольно, заряд дан хороший», — с удовлетворением подумал он и, не прощаясь, вышел.

Лоран даже не заметила его ухода. Она сидела, закрыв лицо руками.

С этого вечера Равино каждый вечер являлся к ней, чтобы продолжать свои иезуитские беседы. Расшатать моральные устои, а вместе с тем и психику Лоран сделалось для Равино вопросом профессионального самолюбия.

Лоран страдала искренне и глубоко. На четвёртый день она не выдержала, поднявшись с пылающим лицом, крикнула:

— Уходите отсюда! Вы не человек, вы демон!

Эта сцена доставила Равино истинное удовольствие.

— Вы делаете успехи, — ухмыльнулся он, не двигаясь с места, — Вы становитесь правдивее, чем раньше.

— Уйдите! — задыхаясь, проговорила Лоран.

«Великолепно, скоро драться будет», — подумал доктор и вышел, весело насвистывая.

Лоран, правда, ещё не дралась и, вероятно, способна была бы драться только при полном помрачении сознания, но её психическое здоровье подвергалось огромной опасности. Оставаясь наедине с собой, она с ужасом сознавала, что надолго её не хватит.

А Равино не упускал ничего, что могло бы ускорить развязку. По вечерам Лоран начали преследовать звуки жалобной песни, исполняемой на неизвестном ей инструменте. Как будто где-то рыдала виолончель, иногда звуки поднимались до верхних регистров скрипки, потом вдруг, без перерыва, изменялась не только высота, но и тембр, и звучал уже как бы человеческий голос, чистый, прекрасный, но бесконечно печальный. Ноющая мелодия совершала своеобразный круг, повторялась без конца.

Когда Лоран услыхала эту музыку впервые, мелодия даже понравилась ей. Причём музыка была так нежна и тиха, что Лоран начала сомневаться, действительно ли где-то играет музыка, или же у неё развивается слуховая галлюцинация. Минуты шли за минутами, а музыка продолжала вращаться в своём заколдованном круге. Виолон-

чель сменялась скрипкой, скрипка — рыдающим человеческим голосом… Тоскливо звучала одна нота в аккомпанементе. Через час Лоран была убеждена, что этой музыки не существует в действительности, что она звучит только в её голове. От унылой мелодии некуда было деваться. Лоран закрыла уши, но ей казалось, что она продолжает слушать музыку — виолончель, скрипка, голос… виолончель, скрипка, голос…

— От этого с ума сойти можно, — шептала Лоран. Она начала напевать сама, старалась говорить с собой вслух, чтобы заглушить музыку, но ничего не помогало. Даже во сне эта музыка преследовала её.

«Люди не могут играть и петь беспрерывно. Это, вероятно, механическая музыка… Наваждение какое-то», — думала она, лёжа без сна с открытыми глазами и слушая бесконечный круг: виолончель, скрипка, голос… виолончель, скрипка, голос…

Она не могла дождаться утра и спешила убежать в парк, но мелодия уже превратилась в навязчивую идею. Лоран действительно начинала слышать незвучавшую музыку. И только крики, стоны и смех гуляющих в парке умалишённых несколько заглушали её.

НОВЕНЬКИЙ

Постепенно Мари Лоран дошла до такого расстройства нервов, что впервые в своей жизни стала помышлять о самоубийстве. На одной из прогулок она начала обдумывать способ покончить с собой и так углубилась в эти мысли, что не заметила сумасшедшего, который подошёл близко к ней и, преграждая дорогу, сказал:

— Те хороши, которые не знают о неведомом. Всё это, конечно, сентиментальность.

Лоран вздрогнула от неожиданности и посмотрела на больного. Он был одет, как все, в серый халат. Шатен, высокого роста, с красивым, породистым лицом, он сразу привлёк её внимание.

«По-видимому, новенький, — подумала она. — Брился в последний раз не более пяти дней тому назад. Но почему его лицо напоминает мне кого-то?..»

И вдруг молодой человек быстро прошептал:

— Я знаю вас, вы мадемуазель Лоран. Я видел ваш портрет у вашей матери.

— Откуда вы знаете меня? Кто вы? — спросила удивлённо Лоран.

— В мире — очень мало. Я брат моего брата. А брат мой — я? — громко крикнул молодой человек.

Мимо прошёл санитар, незаметно, но внимательно поглядывая на него.

Когда санитар прошёл, молодой человек быстро прошептал:

— Я Артур Доуэль, сын профессора Доуэля. Я не безумный и представился безумным только для того, чтобы…

Санитар опять приблизился к ним.

Артур вдруг отбежал от Лоран с криком:

— Вот мой покойный брат! Ты — я, я — ты. Ты вошёл в меня после смерти. Мы были двойниками, но умер ты, а не я.

И Доуэль погнался за каким-то меланхоликом, испуганным этим неожиданным нападением. Санитар кинулся вслед за ними, желая защитить маленького хилого меланхолика от буйного больного. Когда они добежали до конца парка, Доуэль, оставив жертву, повернул обратно к Лоран. Он бежал быстрее санитара. Минуя Лоран, Доуэль замедлил бег и докончил фразу.

— Я явился сюда, чтобы спасти вас. Будьте готовы сегодня ночью к побегу, — И, отскочив в сторону, заплясал вокруг какой-то ненормаль-

ной старушки, которая не обращала на него ни малейшего внимания. Потом он сел на скамью, опустил голову и задумался.

Он так хорошо разыграл свою роль, что Лоран недоумевала, действительно ли Доуэль только симулирует сумасшествие. Но надежда уже закралась в её душу. Что молодой человек был сыном профессора Доуэля, она не сомневалась. Сходство с его отцом бросалось теперь в глаза, хотя серый больничный халат и небритое лицо значительно «обезличивали» Доуэля. И потом он узнал её по портрету. Очевидно, он был у её матери. Всё это было похоже на правду. Так или иначе Лоран решила в эту ночь не раздеваться и ожидать своего неожиданного спасителя.

Надежда на спасение окрылила её, придала ей новые силы. Она вдруг как будто проснулась после страшного кошмара. Даже назойливая песня стала звучать тише, уходить вдаль, растворяться в воздухе. Лоран глубоко вздохнула, как человек, выпущенный на свежий воздух из мрачного подземелья. Жажда жизни вдруг вспыхнула в ней с небывалой силой. Она хотела смеяться от радости. Но теперь, более чем когда-либо, ей необходимо было соблюдать осторожность.

Когда гонг прозвонил к завтраку, она постара-

лась сделать унылое лицо — обычное выражение в последнее время — и направилась к дому.

Возле входной двери, как всегда, стоял доктор Равино. Он следил за больными, как тюремщик за арестантами, возвращающимися с прогулки в свои камеры. От его взгляда не ускользала ни одна мелочь: ни камень, припрятанный под халатом, ни разорванный халат, ни царапины на руках и лице больных. Но с особой внимательностью он следил за выражением их лиц.

Лоран, проходя мимо него, старалась не смотреть на него и опустила глаза. Она хотела скорее проскользнуть, но он на минуту задержал её и ещё внимательнее посмотрел в лицо.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Как всегда, — отвечала она.

— Это какая по счёту ложь и во имя чего? — иронически спросил он и, пропустив её, прибавил вслед: — Мы ещё поговорим с вами вечерком.

«Я ждал меланхолии. Неужели она впадает в состояние экстаза? Очевидно, я что-то просмотрел в ходе её мыслей и настроений. Надо будет доискаться…» — подумал он.

И вечером он пришёл доискиваться. Лоран очень боялась этого свидания. Если она выдержит, оно может быть последним. Если не

выдержит, она погибла. Теперь она в душе называла доктора Равино «великий инквизитор». И действительно, живи он несколько столетий тому назад, он мог бы с честью носить это звание. Она боялась его софизмов, его допроса с пристрастием, неожиданных вопросов-ловушек, поразительного знания психологии, его дьявольского анализа. Он был поистине «великий логик», современный Мефистофель, который может разрушить все моральные ценности и убить сомнениями самые непреложные истины.

И, чтобы не выдать себя, чтобы не погибнуть, она решила, собрав всю силу воли, молчать, молчать, что бы он ни говорил. Это был тоже опасный шаг. Это было объявление открытой войны, последний бунт самосохранения, который должен был вызвать усиление атаки. Но выбора не было.

И когда Равино пришёл, уставился по обыкновению своими круглыми глазами на неё и спросил: «Итак, во имя чего вы солгали?» — Лоран не произнесла ни звука. Губы её были плотно сжаты, а глаза опущены. Равино начал свой инквизиторский допрос. Лоран то бледнела, то краснела, но продолжала молчать. Равино, — что с ним случалось очень редко — начал терять терпение и злиться.

— Молчание — золото, — сказал он насмешливо. — Растеряв все свои ценности, вы хотите сохранить хоть эту добродетель безгласных животных и круглых идиотов, но вам это не удастся. За молчанием последует взрыв. Вы лопнете от злости, если не откроете предохранительного клапана обличительного красноречия. И какой смысл молчать? Как будто я не могу читать ваши мысли? «Ты хочешь свести меня с ума, — думаете вы сейчас, — но это тебе не удастся». Будем говорить откровенно. Нет, удастся, милая барышня. Испортить человеческую душонку для меня не труднее, чем повредить механизм карманных часов. Все винтики этой несложной машины я знаю наперечёт. Чем больше вы будете сопротивляться, тем безнадёжнее и глубже будет ваше падение во мрак безумия.

«Две тысячи четыреста шестьдесят один, две тысячи четыреста шестьдесят два…» — продолжала Лоран считать, чтобы не слышать того, что говорит ей Равино.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта пытка, если бы в дверь тихо не постучалась сиделка.

— Войдите, — недовольно сказал Равино.

— В седьмой палате больная, кажется, кончает-

ся, — сказала сиделка.

Равино неохотно поднялся.

— Кончается, тем лучше, — тихо проворчал он. — Завтра мы докончим наш интересный разговор, — сказал он и, приподняв голову Лоран за подбородок, насмешливо фыркнул и ушёл.

Лоран тяжело вздохнула и почти без сил склонилась над столом.

А за стеной уже играла рыдающая музыка безнадёжной тоски. И власть этой колдовской музыки была так велика, что Лоран невольно поддалась этому настроению. Ей уже казалось, что встреча с Артуром Доуэлем — только бред её больного воображения, что всякая борьба бесполезна. Смерть, только смерть избавит её от мук. Она огляделась вокруг… Но самоубийства больных не входили в систему доктора Равино. Здесь не на чём было даже повеситься. Лоран вздрогнула. Неожиданно ей представилось лицо матери.

«Нет, нет, я не сделаю этого, ради неё не сделаю… хотя бы эту последнюю ночь… Я буду ждать Доуэля. Если он не придёт…» — Она не додумала мысли, но чувствовала всем существом то, что случится с нею, если он не выполнит данного ей обещания.

ПОБЕГ

Это была самая томительная ночь из всех проведённых Лоран в больнице доктора Равино. Минуты тянулись бесконечно и нудно, как доносившаяся в комнату знакомая музыка.

Лоран нервно прохаживалась от окна к двери. Из коридора послышались крадущиеся шаги. У неё забилось сердце. Забилось и замерло, — она узнала шаги дежурной сиделки, которая подходила к двери, чтобы заглянуть в волчок. Двухсотсвечовая лампа не гасла в комнате всю ночь. «Это помогает бессоннице», — решил доктор Равино. Лоран поспешно, не раздеваясь, легла в кровать, прикрывшись одеялом и притворилась спящей. И с ней случилось необычное: она, не спавшая в продолжение многих ночей, сразу уснула, утомлённая до последней степени всем пережитым. Она спала всего несколько минут, но ей показалось, что прошла целая ночь. Испуганно вскочив, она подбежала к двери и вдруг столкнулась с входящим Артуром Доуэлем. Он не обманул. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Скорей, — шептал он. — Сиделка в западном коридоре. Идём.

Он схватил её за руку и осторожно повёл за собой. Их шаги заглушались стонами и криками больных, страдающих бессонницей. Бесконечный коридор кончился. Вот, наконец, и выход из дома.

— В парке дежурят сторожа, но мы прокрадёмся мимо них… — быстро шептал Доуэль, увлекая Лоран в глубину парка.

— Но собаки…

— Я всё время кормил их остатками от обеда, и они знают меня. Я здесь уже несколько дней, но избегал вас, чтобы не навлечь подозрения.

Парк тонул во мраке. Но у каменной стены на некотором расстоянии друг от друга, как вокруг тюрьмы, были расставлены горящие фонари.

— Вот там есть заросли… Туда.

Внезапно Доуэль лёг на траву и дёрнул за руку Лоран. Она последовала его примеру. Один из сторожей близко прошёл мимо беглецов. Когда сторож удалился, они начали пробираться к стене.

Где-то заворчала собака, подбежала к ним и завиляла хвостом, увидев Доуэля. Он бросил ей кусок хлеба.

— Вот видите, — прошептал Артур, — самое главное сделано. Теперь нам осталось перебраться через стену. Я помогу вам.

— А вы? — спросила с тревогой Лоран.

— Не беспокойтесь, я за вами, — ответил Доуэль.

— Но что же я буду делать за стеной?

— Там нас ждут мои друзья. Всё приготовлено. Ну, прошу вас, немного гимнастики.

Доуэль прислонился к стене и одной рукой помог Лоран взобраться на гребень.

Но в этот момент один из сторожей увидел её и поднял тревогу. Внезапно весь сад осветился фонарями. Сторожа, сзывая друг друга и собак, приближались к беглецам.

— Прыгайте! — приказал Доуэль.

— А вы? — испуганно воскликнула Лоран.

— Да прыгайте же! — уже закричал он, и Лоран прыгнула. Чьи-то руки подхватили её.

Артур Доуэль подпрыгнул, уцепился руками за верх стены и начал подтягиваться. Но два санитара схватили его за ноги. Доуэль был так силён, что почти приподнял их на мускулах рук. Однако рука соскользнули, и он упал вниз, подмяв под себя санитаров.

За стеной послышался шум заведённого авто-

мобильного мотора. Друзья, очевидно, ожидали Доуэля.

— Уезжайте скорее. Полный ход! — крикнул он, борясь с санитарами.

Автомобиль ответно прогудел, и слышно было, как он умчался.

— Пустите меня, я сам пойду, — сказал Доуэль, перестав сопротивляться.

Однако санитары не отпустили его. Крепко сжав ему руки, они вели его к дому. У дверей стоял доктор Равино в халате, попыхивая папироской.

— В изоляционную камеру. Смирительную рубашку! — сказал он санитарам.

Доуэля привели в небольшую комнату без окон, все стены и пол которой были обиты матрацами. Сюда помещали во время припадков буйных больных. Санитары бросили Доуэля на пол. Вслед за ними в камеру вошёл Равино. Он уже не курил. С руками, заложенными в карманы халата, он наклонился над Доуэлем и начал рассматривать его в упор своими круглыми глазами. Доуэль выдержал этот взгляд. Потом Равино кивнул головой санитарам, и они вышли.

— Вы неплохой симулянт, — обратился Равино к Доуэлю, — но меня трудно обмануть. Я разгадал вас в первый же день вашего появления здесь и

следил за вами, но, признаюсь, не угадал ваших намерений. Вы и Лоран дорого поплатитесь за эту проделку.

— Не дороже, чем вы, — ответил Доуэль.

Равино зашевелил своими тараканьими усами:

— Угроза?

— На угрозу, — лаконически бросил Доуэль.

— Со мною трудно бороться, — сказал Равино. — Я ломал не таких молокососов, как вы. Жаловаться властям? Не поможет, мой друг. Притом вы можете исчезнуть прежде, чем нагрянут власти. От вас не останется следа. Кстати, как ваша настоящая фамилия? Дюбарри — ведь это выдумка.

— Артур Доуэль, сын профессора Доуэля.

Равино был явно удивлён.

— Очень приятно познакомиться, — сказал он, желая скрыть за насмешкой своё смущение. — Я имел честь быть знакомым с вашим почтенным папашей.

— Благодарите бога, что у меня связаны руки, — отвечал Доуэль, — иначе вам плохо пришлось бы. И не смейте упоминать о моём отце… негодяй!

— Очень благодарю бога за то, что вы крепко связаны и надолго, мой дорогой гость!

Равино круто повернулся и вышел. Звонко щёлкнул замок. Доуэль остался один.

Он не очень беспокоился о себе. Друзья не оставят его и вырвут из этой темницы. Но всё же он сознавал опасность своего положения. Равино должен был прекрасно понимать, что от исхода борьбы между ним и Доуэлем может зависеть судьба всего его предприятия. Недаром Равино оборвал разговор и неожиданно ушёл из камеры. Хороший психолог, он сразу разгадал, с кем имеет дело, и даже не пытался применять свои инквизиторские таланты. С Артуром Доуэлем приходилось бороться не психологией, не словами, а только решительными действиями.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Артур ослабил узлы, связывавшие его. Это ему удалось, потому что, когда его связывали смирительной рубашкой, он умышленно напружинил свои мышцы. Медленно начал он освобождаться из своих пелёнок. Но за ним следили. И едва он сделал попытку вынуть руку, замок щёлкнул, дверь открылась, вошли два санитара и перевязали его заново, на этот раз наложив поверх смирительной рубашки ещё несколько ремней. Санитары грубо обращались с ним и угрожали побить, если он возобновит попытки освободиться. Доуэль не отвечал. Туго перевязав его, санитары ушли.

Так как в камере окон не было и освещалась она электрической лампочкой на потолке, Доуэль не знал, наступило ли утро. Часы тянулись медленно. Равино пока ничего не предпринимал и не являлся. Доуэлю хотелось пить. Скоро он почувствовал приступы голода. Но никто не входил в его камеру и не приносил еды и питья.

«Неужели он хочет уморить меня голодом?» — подумал Доуэль. Голод мучил его всё больше,

но он не просил есть. Если Равино решил уморить его голодом, то незачем унижать себя просьбой.

Доуэль не знал, что Равино испытывает силу его характера. И, к неудовольствию Равино, Доуэль выдержал этот экзамен.

Несмотря на голод и жажду, Доуэль, долгое время проведший без сна, незаметно для себя уснул. Он спал безмятежно и крепко, не подозревая, что этим самым доставит Равино новую неприятность. Ни яркий свет лампы, ни музыкальные эксперименты Равино не производили на Доуэля никакого впечатления. Тогда Равино прибегнул к более сильным средствам воздействия, которые он применял к крепким натурам. В соседней комнате санитары начали бить деревянными молотами по железным листам и трещать на особых трещотках. При этом адском грохоте обычно просыпались самые крепкие люди и в ужасе осматривались по сторонам. Но Доуэль, очевидно, был крепче крепких. Он спал как младенец. Этот необычайный случай поразил даже Равино.

«Поразительно, — удивлялся Равино, — и ведь этот человек знает, что жизнь его висит на волоске. Его не разбудят и трубы архангелов».

— Довольно! — крикнул он санитарам, и адская музыка прекратилась.

Равино не знал, что невероятный грохот пробудил Доуэля. Но, как человек большой воли, он овладел собой при первых проблесках сознания и ни одним вздохом, ни одним движением не обнаружил, что он уже не спит.

«Доуэля можно уничтожить только физически» — таков был приговор Равино.

А Доуэль, когда грохот прекратился, вновь уснул по-настоящему и проспал до вечера. Проснулся он свежим и бодрым. Голод уже меньше мучил его. Он лежал с открытыми глазами и, улыбаясь, смотрел на волчок двери. Там виднелся чей-то круглый глаз, внимательно наблюдавший за ним.

Артур, чтобы подразнить своего врага, начал напевать весёлую песенку. Это было слишком даже для Равино. Первый раз в жизни он почувствовал, что не в состоянии овладеть чужой волей. Связанный, беспомощно лежащий на полу человек издевался над ним. За дверью раздалось какое-то шипение. Глаз исчез.

Доуэль продолжал петь всё громче, но вдруг поперхнулся. Что-то раздражало его горло. Доуэль потянул носом и почувствовал запах. В горле и носоглотке щекотало, скоро присоединилась к этому режущая боль в глазах. Запах усиливался.

Доуэль похолодел. Он понял, что настал его смертный час. Равино отравил его хлором. Доуэль знал, что он не в силах вырваться из туго связывавших его ремней и смирительной рубашки. Но в этот раз инстинкт самосохранения был сильнее доводов разума. Доуэль начал делать невероятные попытки освободиться. Он извивался всем телом, как червяк, выгибался, скручивался, катался от стены к стене. Но он не кричал, не молил о помощи, он молчал, крепко стиснув зубы. Омрачённое сознание уже не управляло телом, и оно защищалось инстинктивно.

Затем свет погас, и Доуэль словно куда-то провалился. Очнулся он от свежего ветра, который трепал его волосы. Необычайным усилием воли он постарался раскрыть глаза: на мгновение перед ним мелькнуло чьё-то знакомое лицо, как будто Ларе, но в полицейском костюме. До слуха дошёл шум автомобильного мотора. Голова трещала от боли. «Бред, но я, значит, ещё жив», — подумал Доуэль. Веки его опять сомкнулись, но тотчас открылись вновь. В глаза больно ударил дневной свет. Артур прищурился и вдруг услышал женский голос:

— Как вы себя чувствуете?

По воспалённым векам Доуэля провели влаж-

ным куском ваты. Окончательно открыв глаза, Артур увидел склонившуюся над ним Лоран. Он улыбнулся ей и, осмотревшись, увидел, что лежит в той самой спальне, в которой некогда лежала Брике.

— Значит, я не умер? — тихо спросил Доуэль.

— К счастью, не умерли, но вы были на волоске от смерти, — сказала Лоран.

В соседней комнате послышались быстрые шаги, и Артур увидел Ларе. Он размахивал руками и кричал:

— Слышу разговор! Значит, ожил. Здравствуйте, мой друг! Как себя чувствуете?

— Благодарю вас, — ответил Доуэль и, почувствовав боль в груди, сказал: — Голова болит… и грудь…

— Много не говорите, — предупредил его Ларе, — вам вредно. Этот висельник Равино едва не отравил вас газом, как крысу в трюме корабля. Но, Доуэль, как мы великолепно провели его!

И Ларе начал смеяться так, что Лоран посмотрела на него с укоризной, опасаясь, как бы его слишком шумная радость не потревожила больного.

— Не буду, не буду, — ответил он, поймав её взгляд. — Я сейчас расскажу вам всё по порядку.

Похитив мадемуазель Лоран и немного подождав, мы поняли, что вам не удалось последовать за нею…

— Вы… слышали мой крик? — спросил Артур.

— Слышали. Молчите! И поспешили укатить, прежде чем Равино вышлет погоню. Возня с вами задержала его свору, и этим вы очень помогли нам скрыться незамеченными. Мы прекрасно знали, что вам там не поздоровится. Игра в открытую. Мы, то есть я и Шауб, хотели возможно скорее прийти к вам на помощь. Однако необходимо было сначала устроить мадемуазель Лоран, а уж затем придумать и привести в исполнение план вашего спасения. Ведь ваше пленение было непредвиденным… Теперь и нам надо было во что бы то ни стало проникнуть за каменную ограду, а это, вы сами знаете, не лёгкое дело. Тогда мы решили поступить так: я и Шауб достали себе полицейские костюмы, подъехали на автомобиле и заявили, что мы явились для санитарного осмотра. Шауб изобразил даже мандат со всеми печатями. На наше счастье, у ворот стоял не постоянный привратник, а простой санитар, который, очевидно, не был знаком с инструкцией Равино, требовавшей при впуске кого бы то ни было предварительно созвониться с ним по теле-

фону. Мы держали себя на высоте положения и…

— Значит, это был не бред… — перебил Артур. — Я вспоминаю, что видел вас в форме полицейского и слышал шум автомобиля.

— Да, да, на автомобиле вас обдул свежий ветер, и вы пришли в себя, но потом впали в беспамятство. Так слушайте дальше. Санитар открыл нам ворота, мы вошли. Остальное сделать было нетрудно, хотя и не так легко, как мы предполагали. Я потребовал, чтобы нас провели в кабинет Равино. Но второй санитар, к которому мы обратились, был, очевидно, опытный человек. Он подозрительно оглядел нас, сказал, что доложит, и вошёл в дом. Через несколько минут к нам вышел какой-то горбоносый человек в белом халате, с черепаховыми очками на носу…

— Ассистент Равино, доктор Буш.

Ларе кивнул головою и продолжал:

— Он объявил нам, что доктор Равино занят и что мы можем переговорить с ним, Бушем. Я настаивал на том, что нам необходимо видеть самого Равино. Буш повторял, что сейчас это невозможно, так как Равино находится у тяжелобольного. Тогда Шауб, не долго думая, взял Буша за руку вот так, — Ларе правой рукой взял за запястье своей левой руки, — и повернул вот этак.

Буш вскрикнул от боли, а мы прошли мимо него и вошли в дом. Чёрт возьми, мы не знали, где находится Равино, и были в большом затруднении. По счастью, он сам в это время шёл по коридору. Я узнал его, так как виделся с ним, когда привозил вас в качестве моего душевнобольного друга. «Что вам угодно?» — резко спросил Равино. Мы поняли, что нам нечего больше разыгрывать комедию, и, приблизившись к Равино, быстро вынули револьверы и направили их ему в лоб. Но в это время носатый Буш, — кто бы мог ожидать от этой развалины такой прыти! — ударил по руке Шауба, причём так сильно и неожиданно, что выбил револьвер, а Равино схватил меня за руку. Тут началась потеха, о которой, пожалуй, трудно и рассказать связно. На помощь к Равино и Бушу уже бежали со всех сторон санитары. Их было много, и они, конечно, быстро справились бы с нами. Но, на наше счастье, многих смутила полицейская форма. Они знали о тяжёлом наказании за сопротивление полиции, а тем более, если оно сопряжено с насильственными действиями над представителями власти. Как Равино ни кричал, что наши полицейские костюмы — маскарад, большинство санитаров предпочитало роль наблюдателей, и только немногие осмелились

положить руки на священный и неприкосновенный полицейский мундир. Вторым нашим козырем было огнестрельное оружие, которого не было у санитаров. Ну и, пожалуй, не меньшим козырем была наша сила, ловкость и отчаянность. Это и уравняло силы. Один санитар насел на Шауба, наклонившегося, чтобы поднять упавший револьвер. Шауб оказался большим мастером по части всяческих приёмов борьбы. Он стряхнул с себя врага и, нанося ловкие удары, отбросил ногою револьвер, за которым уже протянулась чья-то рука. Надо отдать ему справедливость, он боролся с чрезвычайным хладнокровием и самообладанием. На моих плечах тоже повисли два санитара. И неизвестно, чем окончилось бы это сражение, если б не Шауб. Он оказался молодцом. Ему удалось-таки поднять револьвер, и, не долго думая, он пустил его в ход. Несколько выстрелов сразу охладили пыл санитаров. После того как один из них заорал, хватаясь за своё окровавленное плечо, остальные мигом ретировались. Но Равино не сдавался. Несмотря на то что мы приставили к обоим его вискам револьверы, он крикнул: «У меня тоже найдётся оружие. Я прикажу своим людям стрелять в вас, если вы сейчас не уйдёте отсюда!» Тогда Шауб, не говоря

лишнего слова, стал выворачивать Равино руку. Этот приём вызывает такую чертовскую боль, что даже здоровенные бандиты ревут, как бегемоты, и становятся кроткими и послушными. У Равино кости хрустели, на глазах появились слёзы, но он всё ещё не сдавался. «Что же вы смотрите? — кричал он стоявшим в отдалении санитарам. — К оружию!» Несколько санитаров побежали, вероятно, за оружием, другие снова подступили к нам. Я отвёл на мгновение револьвер от головы Равино и сделал пару выстрелов. Слуги опять окаменели, кроме одного, который упал на пол с глухим стоном…

Ларе передохнул и продолжал:

— Да, горячее было дело. Нестерпимая боль всё более обессиливала Равино, а Шауб продолжал выкручивать его руку. Наконец Равино, корчась от боли, прохрипел: «Чего вы хотите?» — «Немедленной выдачи Артура Доуэля», — сказал я. «Разумеется, — скрипнув зубами, ответил Равино, — я узнал ваше лицо. Да отпустите же руку, чёрт возьми! Я проведу вас к нему…» Шауб отпустил руку ровно настолько, чтобы привести его в себя: он уже терял сознание. Равино провёл нас к камере, в которой вы были заключены, и указал глазами на ключ. Я отпер двери и вошёл в

камеру в сопровождении Равино и Шауба. Глазам нашим представилось невесёлое зрелище: спелёнатый, как младенец, вы корчились в последних судорогах, подобно полураздавленному червю. В камере стоял удушливый запах хлора. Шауб, чтобы не возиться больше с Равино, нанёс ему лёгонький удар снизу в челюсть, от которого доктор покатился на пол, как куль. Мы сами, задыхаясь, вытащили вас из камеры и захлопнули дверь.

— А Равино? Он…

— Если задохнётся, то беда не велика, решили мы. Но его, вероятно, освободили и привели в чувство после нашего ухода… Выбрались мы из этого осиного гнезда довольно благополучно, если не считать, что нам пришлось расстрелять оставшиеся патроны в собак… И вот вы здесь.

— Долго я пролежал без сознания?

— Десять часов. Врач только недавно ушёл, когда ваш пульс и дыхание восстановились и он убедился, что вы вне опасности. Да, дорогой мой, — потирая руки, продолжал Ларе, — предстоят громкие процессы. Равино сядет на скамью подсудимых вместе с профессором Керном. Я этого дела не оставлю.

— Но прежде надо найти — живую или мёртвую — голову моего отца, — тихо произнёс Артур.

ОПЯТЬ БЕЗ ТЕЛА

Профессор Керн был так обрадован неожиданным возвращением Брике, что даже забыл побранить её. Впрочем, было и не до того. Джону пришлось внести Брике на руках, причём она стонала от боли.

— Доктор, простите меня, — сказала она, увидав Керна. — Я не послушалась вас…

— И сами себя наказали, — ответил Керн, помогая Джону укладывать беглянку на кровать.

— Боже, я не сняла даже пальто.

— Позвольте, я помогу вам сделать это.

Керн начал осторожно снимать с Брике пальто, в то же время наблюдая за ней опытным глазом. Лицо её необычайно помолодело и посвежело. От морщинок не осталось следа. «Работа желез внутренней секреции, — подумал он. — Молодое тело Анжелики Гай омолодило голову Брике».

Профессор Керн уже давно знал, чьё тело похитил он в морге. Он внимательно следил за газетами и иронически посмеивался, читая о поисках «безвестно пропавшей» Анжелики Гай.

— Осторожнее… Нога болит, — поморщилась

Брике, когда Керн повернул её на другой бок.

— Допрыгались! Ведь я предупреждал вас.

Вошла сиделка, пожилая женщина с туповатым выражением лица.

— Разденьте её, — кивнул Керн на Брике.

— А где же мадемуазель Лоран? — удивилась Брике.

— Её здесь нет. Она больна.

Керн отвернулся, побарабанил пальцами по спинке кровати и вышел из комнаты.

— Вы давно служите у профессора Керна? — спросила Брике новую сиделку.

Та промычала что-то непонятное, показывая на свой рот.

«Немая, — догадалась Брике, — И поговорить не с кем будет…»

Сиделка молча убрала пальто и ушла. Вновь появился Керн.

— Покажите вашу ногу.

— Я много танцевала, — начала Брике свою покаянную исповедь. — Скоро открылась ранка на подошве ноги. Я не обратила внимания…

— И продолжали танцевать?

— Нет, танцевать было больно. Но несколько дней я ещё играла в теннис. Это такая очаровательная игра!

Керн, слушая болтовню Брике, внимательно осматривал ногу и всё более хмурился. Нога распухла до колена и почернела. Он нажал в нескольких местах.

— О, больно!.. — вскрикнула Брике.

— Лихорадит?

Да, со вчерашнего вечера.

— Так… — Керн вынул сигару и закурил. — Положение очень серьёзное. Вот до чего доводит непослушание. С кем это вы изволили играть в теннис?

Брике смутилась:

— С одним… знакомым молодым человеком.

— Не расскажете ли вы мне, что вообще произошло с вами с тех пор, как вы убежали от меня?

— Я была у своей подруги. Она очень удивилась, увидав меня живою. Я сказала ей, что рана моя оказалась не смертельной и что меня вылечили в больнице.

— Про меня и… головы вы ничего не говорили?

— Разумеется, нет, — убеждённо ответила Брике, — Странно было бы говорить. Меня сочли бы сумасшедшей.

Керн вздохнул с облегчением. «Всё обошлось лучше, чем я мог предполагать», — подумал он.

— Но что же с моей ногой, профессор?

— Боюсь, что её придётся отрезать.

Глаза Брике засветились ужасом.

— Отрезать ногу! Мою ногу? Сделать меня калекой?

Керну самому не хотелось уродовать тело, добытое и оживлённое с таким трудом. Да и эффект демонстрации много потеряет, если придётся показывать калеку. Хорошо было бы обойтись без ампутации ноги, но едва ли это возможно.

— Может быть, мне можно будет приделать новую ногу?

— Не волнуйтесь, подождём до завтра. Я ещё навещу вас, — сказал Керн и вышел.

На смену ему вновь пришла безмолвная сиделка. Она принесла чашку с бульоном и гренки. У Брике не было аппетита. Её лихорадило, и она, несмотря на настойчивые мимические уговаривания сиделки, не смогла съесть больше двух ложек.

— Унесите, я не могу.

Сиделка вышла.

— Надо было измерить сначала температуру, — услышала Брике голос Керна, доносившийся из другой комнаты. — Неужели вы не знаете таких простых вещей? Я же говорил вам.

Вновь вошла сиделка и протянула Брике термометр.

Больная безропотно поставила термометр. И когда вынула его и взглянула, он показывал тридцать девять.

Сиделка записала температуру и уселась возле больной.

Брике, чтобы не видеть тупого и безучастного лица сиделки, повернула голову к стене. Даже этот незначительный поворот вызвал боль в ноге и внизу живота. Брике глухо застонала и закрыла глаза. Она подумала о Ларе: «Милый, когда я увижу его?..»

В девять часов вечера лихорадка усилилась, начался бред. Брике казалось, что она находится в каюте яхты. Волнение усиливается, яхту качает, и от этого в груди поднимается тошнотворный клубок и подступает к горлу… Ларе бросается на неё и душит. Она вскрикивает, мечется по кровати… Что-то влажное и холодное прикасается к её лбу и сердцу. Кошмары исчезают.

Она видит себя на теннисной площадке вместе с Ларе. Сквозь лёгкую заградительную сетку синеет море. Солнце палит немилосердно, голова болит и кружится. «Если бы не так болела голова… Это ужасное солнце!.. Я не могу пропустить

мяч…» — И она с напряжением следит за движениями Ларе, поднимающего ракетку для удара.

«Плей!» — кричит Ларе, сверкая зубами на ярком солнце, и, прежде чем она успела ответить, бросает мяч. «Аут», — громко отвечает Брике, радуясь ошибке Ларе…

— Продолжаете играть в теннис? — слышит она чей-то неприятный голос и открывает глаза. Перед нею, наклонившись, стоит Керн и держит её за руку. Он считает пульс. Потом осматривает её ногу и неодобрительно качает головой.

— Который час? — спрашивает Брике, с трудом ворочая языком.

— Второй час ночи. Вот что, милая попрыгунья, вам придётся ампутировать ногу.

— Что это значит?

— Отрезать.

— Когда?

— Сейчас. Медлить больше нельзя ни одного часа, иначе начнётся общее заражение.

Мысли Брике путаются. Она слышит голос Керна как во сне и с трудом понимает его слова.

— И высоко отрезать? — говорит она почти безучастно.

— Вот так. — Керн быстро проводит ребром ладони внизу живота. От этого жеста у Брике

холодеет живот. Сознание её всё больше проясняется.

— Нет, нет, нет, — с ужасом говорит она. — Я не позволю! Я не хочу!

— Вы хотите умереть? — спокойно спрашивает Керн.

— Нет.

— Тогда выбирайте одно из двух.

— А как же Ларе? Ведь он меня любит… — лепечет Брике. — Я хочу жить и быть здоровой. А вы хотите отнять всё… Вы страшный, я боюсь вас! Спасите! Спасите меня!..

Она уже вновь бредила, кричала и порывалась встать. Сиделка с трудом удерживала её. Скоро на помощь был вызван Джон.

Тем временем Керн быстро работал в соседней комнате, приготовляясь к операции.

Ровно в два часа ночи Брике положили на операционный стол. Она пришла в себя и молча смотрела на Керна так, как смотрят на своего палача приговорённые к смерти.

— Пощадите, — наконец прошептала она. — Спасите…

Маска опустилась на её лицо. Сиделка взялась за пульс. Джон всё плотнее прижимал маску. Брике потеряла сознание.

Она пришла в себя в кровати. Голова кружилась. Её тошнило. Смутно вспомнила об операции и, несмотря на страшную слабость, приподняв голову, взглянула на ногу и тихо простонала. Нога была отрезана выше колена и туго забинтована. Керн сдержал слово: он сделал всё, чтобы возможно меньше изуродовать тело Брике. Он пошёл на риск и произвёл ампутацию с таким расчётом, чтобы можно было сделать протез.

Весь день после операции Брике чувствовала себя удовлетворительно, хотя лихорадка не прекращалась, что очень озабочивало Керна. Он заходил к ней каждый час и осматривал ногу.

— Что же я теперь буду делать без ноги? — спрашивала его Брике.

— Не беспокойтесь, я вам сделаю новую ногу, лучше прежней, — успокаивал её Керн. — Танцевать будете. — Но лицо его хмурилось: нога покраснела выше ампутированного места и опухла.

К вечеру жар усилился. Брике начала метаться, стонать и бредить.

В одиннадцать часов вечера температура поднялась до сорока и шести десятых.

Керн сердито выбранился: ему стало ясно, что началось общее заражение крови. Тогда, не думая

о спасении тела Брике, Керн решил отвоевать у смерти хотя бы часть экспоната. «Если промыть её кровеносные сосуды антисептическим, а затем физиологическим раствором и пустить свежую, здоровую кровь, голова будет жить».

И он приказал вновь перенести Брике на операционный стол.

Брике лежала без сознания и не почувствовала, как острый скальпель быстро сделал надрез на шее, выше красных швов, оставшихся от первой операции. Этот надрез отделял не только голову Брике от её прекрасного молодого тела. Он отсекал от Брике весь мир, все радости и надежды, которыми она жила.

ТОМА УМИРАЕТ ВО ВТОРОЙ РАЗ

Голова Тома хирела с каждым днём. Тома не был приспособлен для жизни одного сознания. Чтобы чувствовать себя хорошо, ему необходимо было работать, двигаться, поднимать тяжести, утомлять своё могучее тело, потом много есть и крепко спать.

Он часто закрывал глаза и представлял, что, напрягая свою спину, поднимает и носит тяжёлые мешки. Ему казалось, что он ощущает каждый напряжённый мускул. Ощущение было так реально, что он открывал глаза в надежде увидеть своё сильное тело. Но под ним по-прежнему виднелись только ножки стола.

Тома скрипел зубами и вновь закрывал глаза.

Чтобы развлечь себя, он начинал думать о деревне. Но тут же он вспоминал и о своей невесте, которая навсегда была потеряна для него. Не раз он просил Керна поскорее дать ему новое тело, а тот с усмешкой отговаривался:

— Всё ещё не находится подходящего, потерпи немного.

— Уж хоть какое-нибудь завалящее тельце, —

просил Тома: так велико было его желание вернуться к жизни.

— С завалящим телом ты пропадёшь. Тебе надо здоровое тело, — отвечал Керн.

Тома ждал, дни проходили за днями, а его голова всё ещё торчала на высоком столике.

Особенно были мучительны ночи без сна. Он начал галлюцинировать. Комната вертелась, расстилался туман, и из тумана показывалась голова лошади. Всходило солнце. На дворе бегала собака, куры поднимали возню… И вдруг откуда-то вылетал ревущий грузовой автомобиль и устремлялся на Тома. Эта картина повторялась без конца, и Тома умирал бесконечное количество раз.

Чтобы избавиться от кошмаров. Тома начинал шептать песни, — ему казалось, что он пел, — или считать.

Как-то его увлекла одна забава. Тома попробовал ртом задержать воздушную струю. Когда он затем внезапно открыл рот, воздух вырвался оттуда с забавным шумом.

Тома это понравилось, и он начал свою игру снова. Он задерживал воздух до тех пор, пока тот сам не прорывался через стиснутые губы. Тома стал поворачивать при этом язык: получались очень смешные звуки. А сколько секунд он мо-

жет держать струю воздуха? Тома начал считать. Пять, шесть, семь, восемь… «Ш-ш-ш», — воздух прорвался. Ещё… Надо довести до дюжины… Раз, два, три… шесть, семь… девять… одиннадцать, двенад…

Сжатый воздух вдруг ударил в нёбо с такой силой, что Тома почувствовал, как голова его приподнялась на своей подставке.

«Этак, пожалуй, слетишь, со своего шестка», — подумал Тома.

Он скосил глаза и увидел, что кровь разлилась по стеклянной поверхности подставки и капала на пол. Очевидно, воздушная струя, подняв его голову, ослабила трубки, вставленные в кровеносные сосуды шеи. Голова Тома пришла в ужас: неужели конец? И действительно, сознание начало мутиться. У Тома появилось такое чувство, будто ему не хватает воздуха; это кровь, питавшая его голову, уже не могла проникнуть в его мозг в достаточном количестве, принося живительный кислород. Он видел свою кровь, чувствовал своё медленное угасание. Он не хотел умирать! Сознание цеплялось за жизнь. Жить во что бы то ни стало! Дождаться нового тела, обещанного Керном…

Тома старался осадить свою голову вниз, со-

кращая мышцы шеи, пытался раскачиваться, но только ухудшал своё положение: стеклянные наконечники трубок ещё больше выходили из вен. С последними проблесками сознания Тома начал кричать, кричать так, как он не кричал никогда в жизни.

Но это уже не был крик. Это было предсмертное хрипение…

Когда чутко спавший Джон проснулся от этих незнакомых звуков и вбежал в комнату, голова Тома едва шевелила губами. Джон, как умел, установил голову на место, всадил трубки поглубже и тщательно вытер кровь, чтобы профессор Керн не увидел следов ночного происшествия.

Утром голова Брике, отделённая от тела, уже стояла на своём старом месте, на металлическом столике со стеклянной доской, и Керн приводил её в сознание.

Когда он «промыл» голову от остатков испорченной крови и пустил струю нагретой до тридцати семи градусов свежей, здоровой крови, лицо Брике порозовело. Через несколько минут она открыла глаза и, ещё не понимая, уставилась на Керна. Потом с видимым усилием посмотрела вниз, и глаза её расширились.

— Опять без тела… — прошептала голова Бри-

ке, и глаза её наполнились слезами. Теперь она могла только шипеть: горловые связки были перерезаны выше старого сечения.

«Отлично, — подумал Керн, — сосуды быстро наполняются влагой, если только это не остаточная влага в слёзных каналах. Однако на слёзы не следует терять драгоценную жидкость».

— Не плачьте и не печальтесь, мадемуазель Брике. Вы жестоко наказали сами себя за ваше непослушание. Но я вам сделаю новое тело, лучше прежнего, потерпите ещё несколько дней.

И, отойдя от головы Брике, Керн подошёл к голове Тома.

— Ну, а как поживает наш фермер?

Керн вдруг нахмурился и внимательно посмотрел на голову Тома. Она имела очень плохой вид. Кожа потемнела, рот был полуоткрыт. Керн осмотрел трубки и напустился с бранью на Джона.

— Я думал. Тома спит, — оправдывался Джон.

— Сам ты проспал, осёл!

Керн стал возиться около головы.

— Ах, какой ужас!.. — шипела голова Брике. — Он умер. Я так боюсь покойников… Я тоже боюсь умереть… Отчего он умер?

— Закрой у неё кран с воздушной струёй! — сер-

дито приказал Керн.

Брике умолкла на полуслове, но продолжала испуганно и умоляюще смотреть в глаза сиделки, беспомощно шевеля губами.

— Если через двадцать минут я не верну голову к жизни, её останется только выбросить, — сказал Керн.

Через пятнадцать минут голова подала некоторые признаки жизни. Веки и губы её дрогнули, но глаза смотрели тупо, бессмысленно. Ещё через две минуты голова произнесла несколько бессвязных слов. Керн уже торжествовал победу. Но голова вдруг опять замолкла. Ни один нерв не дрожал на лице.

Керн посмотрел на термометр:

— Температура трупа. Кончено!

И, забыв о присутствии Брике, он со злобой дёрнул голову за густые волосы, сорвал со столика и бросил в большой металлический таз.

— Вынести её на ледник… Надо будет произвести вскрытие.

Негр быстро схватил таз и вышел. Голова Брике смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

В кабинете Керна зазвонил телефон. Керн со злобой швырнул на пол сигару, которую соби-

рался закурить, и ушёл к себе, сильно хлопнув дверью.

Звонил Равино. Он сообщил о том, что отправил Керну с нарочным письмо, которое им должно быть уже получено.

Керн сошёл вниз и сам вынул письмо из дверного почтового ящика. Поднимаясь по лестнице, Керн нервно разорвал конверт и начал читать. Равино сообщал, что Артур Доуэль, проникнув в его лечебницу под видом больного, похитил мадемуазель Лоран и бежал сам.

Керн оступился и едва не упал на лестнице.

— Артур Доуэль!.. Сын профессора… Он здесь? И он, конечно, знает всё.

Объявился новый враг, который не даст ему пощады. В кабинете Керн сжёг письмо и зашагал по ковру, обдумывая план действия. Уничтожить голову профессора Доуэля? Это он может всегда сделать в одну минуту. Но голова ещё нужна ему. Необходимо только будет принять меры к тому, чтобы эта улика не попалась на глаза посторонним. Возможен обыск, вторжение врагов в его дом. Потом… потом необходимо ускорить демонстрацию головы Брике. Победителей не судят. Что бы ни говорили Лоран и Артур Доуэль, Керну легче будет бороться с ними, когда его имя

будет окружено ореолом всеобщего признания и уважения.

Керн снял телефонную трубку, вызвал секретаря научного общества и просил заехать к нему для переговоров об устройстве заседания, на котором он. Керн, будет демонстрировать результаты своих новейших работ. Затем Керн позвонил в редакции крупнейших газет и просил прислать интервьюеров.

«Надо устроить газетную шумиху вокруг величайшего открытия профессора Керна… Демонстрацию можно будет произвести дня через три, когда голова Брике несколько придёт в себя после потрясения и привыкнет к мысли о потере тела. Ну-с, а теперь…»

Керн прошёл в лабораторию, порылся в шкафчиках, вынул шприц, бунзеновскую горелку, взял вату, коробку с надписью «Парафин» и отправился к голове профессора Доуэля.

ЗАГОВОРЩИКИ

Домик Ларе служил штаб-квартирой «заговорщиков»: Артура Доуэля, Ларе, Шауба и Лоран. На общем совете было решено, что Лоран рискованно возвращаться в свою квартиру. Но так как Лоран хотела скорее повидаться с матерью, то Ларе отправился к мадам Лоран и привёз её в свой домик.

Увидев дочь живой и невредимой, старушка едва не лишилась чувств от радости; Ларе пришлось подхватить её под руку и усадить в кресло.

Мать и дочь поместились в двух комнатах третьего этажа. Радость мадам Лоран омрачилась только тем, что Артур Доуэль, «спаситель» её дочери, всё ещё лежал больной. К счастью, он не слишком долго подвергался действию удушливого газа. Брал своё и его исключительно здоровый организм.

Мадам Лоран и её дочь по очереди дежурили у постели больного. За это время Артур Доуэль очень подружился с Лоранами, а Мари Лоран ухаживала за ним более чем внимательно; не будучи в силах помочь голове отца, Лоран пе-

реносила свои заботы на сына. Так ей казалось. Но была ещё причина, которая заставляла её неохотно уступать своей матери место сиделки. Артур Доуэль был первый мужчина, поразивший её девичье воображение. Знакомство с ним произошло в романтической обстановке, — он, как рыцарь, похитил её, освободив из страшного дома Равино. Трагическая судьба его отца налагала и на него печать трагичности. А его личные качества — мужественность, сила и молодость — завершали очарование, которому трудно было не поддаться.

Артур Доуэль встречал Мари Лоран не менее ласковым взглядом. Он лучше разбирался в своих чувствах и не скрывал от себя, что его ласковость не только долг больного по отношению к своей внимательной сиделке.

Нежные взгляды молодых людей не ускользали от окружающих. Мать Лоран делала вид, что ничего не замечает, хотя, по-видимому, она вполне одобряла выбор своей дочери. Шауб, в своём увлечении спортом презрительно относившийся к женщинам, улыбался насмешливо и в душе жалел Артура, а Ларе тяжело вздыхал, видя зарю чужого счастья, и невольно вспоминал прекрасное тело Анжелики, причём теперь на этом

теле он чаще представлял голову Брике, а не Гай. Он даже сам досадовал на себя за эту «измену», но оправдывал себя тем, что здесь играет роль только закон ассоциации: голова Брике всюду следовала за телом Гай.

Артур Доуэль не мог дождаться того времени, когда доктор разрешит ему ходить. Но Артуру было разрешено только говорить, не поднимаясь с кровати, причём окружающим был дан приказ беречь лёгкие Доуэля.

Ему волей-неволей пришлось взять на себя роль председателя, выслушивающего мнение других и только кратко возражающего или резюмирующего «прения».

А прения бывали бурные. Особенную горячность вносили Ларе и Шауб.

Что делать с Равино и Керном? Шауб почему-то облюбовал себе в жертву Равино и развил планы «разбойных нападений» на него.

— Мы не успели добить эту собаку. А её необходимо уничтожить. Каждое дыхание этого пса оскверняет землю! Я успокоюсь только тогда, когда удушу его собственными руками. Вот вы говорите, — горячился он, обращаясь к Доуэлю, — что лучше предоставить всё это дело суду и палачу. Но ведь Равино сам нам говорил, что у

него власти на откупе.

— Местные, — вставлял слово Доуэль.

— Подождите, Доуэль, — вмешивался в разговор Ларе. — Вам вредно говорить. И вы, Шауб, не о том толкуете, о чём нужно. С Равино мы всегда сумеем посчитаться. Ближайшей нашей целью должно быть раскрытие преступления Керна и обнаружение головы профессора Доуэля. Нам надо каким бы то ни было способом проникнуть к Керну.

— Но как вы проникнете? — спросил Артур.

— Как? Ну, как проникают взломщики и воры.

— Вы не взломщик. Это тоже искусство не малое…

Ларе задумался, потом хлопнул себя по лбу:

— Мы пригласим на гастроли Жана. Ведь Брике открыла мне, как другу, тайну его профессии. Он будет польщён! Единственный раз в жизни совершит взлом дверных замков не из корыстных побуждений.

— А если он не столь бескорыстен?

— Мы уплатим ему. Он может только проложить нам дорогу и скрыться с театральных подмостков, прежде чем мы вызовем полицию, а это мы, конечно, сделаем.

Но здесь его пыл охладил Артур Доуэль. Тихо и

медленно он начал говорить:

— Я думаю, что вся эта романтика в данном случае не нужна. Керн, вероятно, уже знает от Равино о моём прибытии в Париж и участии в похищении мадемуазель Лоран. Значит, мне больше нет оснований хранить инкогнито. Это первое. Затем, я сын… покойного профессора Доуэля и потому имею законное право, как говорят юристы, вступить в дело, потребовать судебного расследования, обыска…

— Опять судебного, — безнадёжно махнул рукой Ларе. — Запутают вас судебные крючки, и Керн вывернется.

Артур закашлял и невольно поморщился от боли в груди.

— Вы слишком много говорите, — заботливо сказала мадам Лоран, сидевшая подле Артура.

— Ничего, — ответил он, растирая грудь. — Это сейчас пройдёт…

В этот момент в комнату вошла Мари Лоран, чем-то сильно взволнованная.

— Вот читайте, — сказала она, протягивая Доуэлю газету.

На первой странице крупным шрифтом было напечатано:

СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ ПРОФЕССОРА

КЕРНА

Второй подзаголовок — более мелким шрифтом:

Демонстрация оживлённой человеческой головы.

В заметке сообщалось о том, что завтра вечером в научном обществе выступает с докладом профессор Керн. Доклад будет сопровождаться демонстрацией оживлённой человеческой головы.

Далее сообщалась история работ Керна, перечислялись его научные труды и произведённые им блестящие операции.

Под первой заметкой была помещена статья за подписью самого Керна. В ней в общих чертах излагалась история его опытов оживления голов — сначала собак, а затем людей.

Лоран с напряжённым вниманием следила то за выражением лица Артура Доуэля, то за взглядом его глаз, переходивших со строчки на строчку. Доуэль сохранял внешнее спокойствие. Только в конце чтения на лице его появилась и исчезла скорбная улыбка.

— Не возмутительно ли? — воскликнула Мари Лоран, когда Артур молча вернул газету. — Этот негодяй ни одним словом не упоминает о роли

вашего отца во всём этом «сенсационном открытии». Нет, этого я так не могу оставить! — Щёки Лоран пылали. — За всё, что сделал Керн со мной, с вашим отцом, с вами, с теми несчастными головами, которые он воскресил для ада бестелесного существования, он должен понести наказание. Он должен дать ответ не только перед судом, но и перед обществом. Было бы величайшей несправедливостью допустить его торжествовать хотя бы один час.

— Что же вы хотите? — тихо спросил Доуэль.

— Испортить ему триумф! — горячо ответила Лоран. — Явиться на заседание научного общества и всенародно бросить в лицо Керну обвинение в том, что он убийца, преступник, вор.

Мадам Лоран не на шутку была встревожена. Только теперь она поняла, как сильно расшатаны нервы её дочери. Впервые мать видела свою кроткую, сдержанную дочь в таком возбуждённом состоянии. Мадам Лоран пыталась её успокоить, но девушка как будто ничего не замечала вокруг. Она вся горела негодованием и жаждой мести. Ларе и Шауб с удивлением глядели на неё. Своей горячностью и неукротимым гневом она превзошла их. Мать Лоран умоляюще посмотрела на Артура Доуэля. Он поймал этот взгляд и сказал:

— Ваш поступок, мадемуазель Лоран, какими бы благородными чувствами он ни диктовался, безрассу…

Но Лоран прервала его:

— Есть безрассудство, которое стоит мудрости. Не подумайте, что я хочу выступить в роли героини-обличительницы. Я просто не могу поступить иначе. Этого требует моё нравственное чувство.

— Но чего вы достигнете? Ведь вы не можете сказать обо всём этом судебному следователю?

— Нет, я хочу, чтобы Керн был посрамлён публично! Керн воздвигает себе славу на несчастье других, на преступлениях и убийствах! Завтра он хочет пожать лавры славы. И он должен пожать славу, заслуженную им.

— Я против этого поступка, мадемуазель Лоран, — сказал Артур Доуэль, опасаясь, что выступление Лоран может слишком потрясти её нервную систему.

— Очень жаль, — ответила она. — Но я не откажусь от него, если бы даже против меня был целый мир. Вы ещё не знаете меня!

Артур Доуэль улыбнулся. Эта юная горячность нравилась ему, а сама Мари, с раскрасневшимися щеками, ещё больше.

— Но ведь это же будет необдуманным ша-

гом, — начал он снова. — Вы подвергаете себя большому риску…

— Мы будем защищать её! — воскликнул Ларе, поднимая руку с таким видом, как будто он держал шпагу, готовую для удара.

— Да, мы будем защищать вас, — громогласно поддержал друга Шауб, потрясая в воздухе кулаком.

Мари Лоран, видя эту поддержку, с упрёком посмотрела на Артура.

— В таком случае я также буду сопровождать вас, — сказал он.

В глазах Лоран мелькнула радость, но тотчас же она нахмурилась.

— Вам нельзя… Вы ещё нездоровы.

— А я всё-таки пойду.

— Но…

— И не откажусь от этой мысли, если бы целый мир был против меня. Вы ещё не знаете меня, — улыбаясь, повторил он её слова.

ИСПОРЧЕННЫЙ ТРИУМФ

В день научной демонстрации Керн особенно тщательно осмотрел голову Брике.

— Вот что, — сказал он ей, закончив осмотр. — Сегодня в восемь вечера вас повезут в многолюдное собрание. Там вам придётся говорить. Отвечайте кратко на вопросы, которые вам будут задавать. Не болтайте лишнего. Поняли?

Керн открыл воздушный кран, и Брике прошипела:

— Поняла, но я просила бы… позвольте…

Керн вышел, не дослушав её.

Волнение его всё увеличивалось. Предстояла нелёгкая задача — доставить голову в зал заседания научного общества. Малейший толчок мог оказаться роковым для жизни головы.

Был приготовлен специально приспособленный автомобиль. Столик, на котором помещалась голова со всеми аппаратами, поставили на особую площадку, снабжённую колёсами для передвижения по ровному полу и ручками для переноса по лестницам. Наконец всё было готово. В семь часов вечера отправились в путь.

...Громадный белый зал был залит ярким светом. В партере преобладали седины и блестящие лысины мужей науки, облачённых в чёрные фраки и сюртуки. Поблёскивали стёкла очков. Ложи и амфитеатр предоставлены были избранной публике, имеющей то или иное отношение к учёному миру.

Роскошные наряды дам, сверкающие бриллианты напоминали обстановку концертного зала при выступлении мировых знаменитостей.

Сдержанный шум ожидающих начала зрителей наполнял зал.

Возле эстрады за своими столиками оживлённым муравейником хлопотали корреспонденты газет, очиняя карандаши для стенографической записи.

Справа был установлен ряд киноаппаратов, чтобы запечатлеть на ленте все моменты выступления Керна и оживлённой головы. На эстраде разместился почётный президиум из наиболее крупных представителей учёного мира. Посреди эстрады возвышалась кафедра. На ней микрофон для передачи по радио речей по всему миру. Второй микрофон стоял перед головой Брике. Она возвышалась на правой стороне эстрады. Умело и умеренно наложенный грим придавал голове

Брике свежий и привлекательный вид, сглаживая тяжёлое впечатление, которое должна была производить голова на неподготовленных зрителей. Сиделка и Джон стояли возле её столика.

Мари Лоран, Артур Доуэль, Ларе и Шауб сидели в первом ряду, в двух шагах от помоста, на котором стояла кафедра. Один только Шауб, как никем не «расшифрованный», был в своём обычном виде. Лоран явилась в вечернем туалете и в шляпе. Она низко держала голову, прикрываясь полями шляпы, чтобы Керн при случайном взгляде не узнал её. Артур Доуэль и Ларе явились загримированными. Их чёрные бороды и усы были сделаны артистически. Для большей конспиративности было решено, что они друг с другом «не знакомы». Каждый сидел молча, рассеянным взглядом окидывая соседей. Ларе был в подавленном состоянии: он едва не потерял сознание, увидев голову Брике.

Ровно в восемь часов на кафедру взошёл профессор Керн. Он был бледнее обычного, но полон достоинства.

Собрание приветствовало его долго не смолкавшими аплодисментами.

Киноаппарат затрещал. Газетный муравейник затих. Профессор Керн начал доклад о мнимых

своих открытиях.

Это была блестящая по форме и ловко построенная речь. Керн не забыл упомянуть о предварительных, очень ценных работах безвременно скончавшегося профессора Доуэля. Но, воздавая дань работам покойного, он не забывал и о своих «скромных заслугах». Для слушателей не должно было оставаться никакого сомнения в том, что вся честь открытия принадлежит ему, профессору Керну.

Его речь несколько раз прерывалась аплодисментами. Сотни дам направляли на него бинокли и лорнеты. Бинокли и монокли мужчин с не меньшим интересом устремлялись на голову Брике, которая принуждённо улыбалась.

По знаку профессора Керна сиделка открыла кран, пустила воздушную струю, и голова Брике получила возможность говорить.

— Как вы себя чувствуете? — спросил её старичок учёный.

— Благодарю вас, хорошо.

Голос Брике был глухой и хриплый, сильно пущенная струя воздуха издавала свист, звук был почти лишён модуляций, тем не менее выступление головы произвело необычайное впечатление. Такую бурю аплодисментов не все-

гда приходилось слышать и мировым артистам. Но Брике, которая когда-то упивалась лаврами от своих выступлений в маленьких кабачках, на этот раз только устало опустила веки.

Волнение Лоран всё увеличивалось. Её начинала трясти нервная лихорадка, и она крепко сжала зубы, чтобы они не стали отбивать дробь. «Пора», — несколько раз говорила она себе, но каждый раз ей не хватало решимости. Обстановка подавляла её. После каждого пропущенного момента она старалась успокоить себя мыслью, что чем выше будет вознесён профессор Керн, тем ниже будет его падение.

Начались речи.

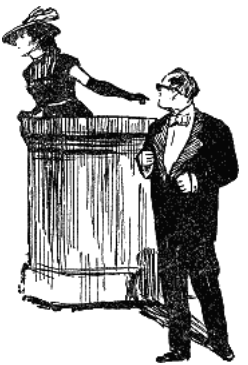
На кафедру взошёл седенький старичок, один из крупнейших учёных.

Слабым, надтреснутым голосом он говорил о гениальном открытии профессора Керна, о всемогуществе науки, о победе над смертью, о счастье общаться с такими умами, которые дарят миру величайшие научные достижения.

И в тот момент, когда Лоран меньше всего этого ожидала, какой-то вихрь долго сдерживаемого гнева и ненависти подхватил и унёс её. Она уже не владела собой.

Она бросилась на кафедру, едва не сбив с ног ошеломлённого старичка, почти сбросила его, заняла его место и со смертельно бледным лицом и лихорадочно горящими глазами фурии, преследующей убийцу, задыхающимся голосом начала свою пламенную сумбурную речь.

Весь зал всколыхнулся при её появлении.



В первое мгновение профессор Керн смутился и сделал невольное движение в сторону Лоран, как бы желая удержать её. Потом он быстро обернулся к Джону и шепнул ему на ухо несколько слов. Джон выскользнул в дверь.

В общем замешательстве никто на это не обратил внимания.

— Не верьте ему! — кричала Лоран, указывая на Керна. — Он вор и убийца! Он крал труды профессора Доуэля! Он убил Доуэля! Он и сейчас работает с его головой. Он мучает и пыткой заставляет продолжать научные опыты, а потом выдаёт их за свои открытия… Мне сам Доуэль говорил, что Керн отравил его…

В публике смятение переходило в панику. Многие повскакали с мест. Даже некоторые корреспонденты уронили карандаши и застыли в ошеломлённых позах. Только кинооператор усиленно крутил ручку аппарата, радуясь неожиданному трюку, который обеспечивал ленте успех сенсации.

Профессор Керн вполне овладел собой. Он стоял спокойно, с улыбкой сожаления на лице. Дождавшись момента, когда нервная спазма сдавила горло Лоран, он воспользовался наступившей паузой, повернулся к стоявшим у дверей контролёрам аудитории и сказал им властно:

— Уведите её! Неужели вы не видите, что она в припадке безумия?

Контролёры бросились к Лоран. Но прежде чем они успели пробраться к ней через толпу, Ларе, Шауб и Доуэль подбежали к ней и вывели в коридор. Керн проводил всю группу подозрительным

взглядом.

В коридоре Лоран пытались задержать полицейские, но молодым людям удалось вывести её на улицу и усадить в автомобиль. Они уехали.

Когда волнение несколько улеглось, профессор Керн взошёл на кафедру и извинился перед собранием «за печальный инцидент».

— Лоран — девушка нервная и истерическая. Она не вынесла тех сильных переживаний, которые ей приходилось испытывать, проводя день за днём в обществе искусственно оживлённой мною головы трупа Брике. Психика Лоран надломилась. Она сошла с ума…

Эта речь была прослушана при жуткой тишине зала.

Раздалось несколько хлопков, но они были заглушены шиканьем. Будто веяние смерти пронеслось над залом. И сотни глаз теперь уже смотрели на голову Брике с ужасом и жалостью, как на выходца из могилы… Настроение собравшихся было испорчено безнадёжно. Многие из публики ушли, не ожидая окончания. Наскоро прочитали заранее заготовленные речи, приветственные телеграммы, акты об избрании профессора Керна почётным членом и доктором различных институтов и академий наук, и собра-

ние было закрыто.

За спиною профессора Керна появился негр и, незаметно кивнув ему, стал готовить к обратной отправке голову Брике, сразу поблёкшую, усталую и испуганную.

Оставшись один в закрытом автомобиле, профессор Керн дал волю своей злобе. Он сжимал кулаки, скрипел зубами и так бранился, что шофёр несколько раз сдерживал ход автомобиля и спрашивал по слуховой трубке:

— Алло?

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Утром, на другой день после злополучного выступления Керна в научном обществе, Артур Доуэль явился к начальнику полиции, назвал себя и заявил, что он просит произвести обыск в квартире Керна.

— Обыск в квартире профессора Керна уже был произведён минувшей ночью, — сухо ответил начальник полиции. — Никаких результатов этот обыск не дал. Заявление мадемуазель Лоран, как и следовало ожидать, оказалось плодом её расстроенного воображения. Разве вы не читали об этом в утренних газетах?

— Почему вы так легко предположили, что заявление мадемуазель Лоран является плодом расстроенного воображения?

— Потому что, сами посудите, — отвечал начальник полиции, — это совершенно немыслимая вещь, и потом обыск подтвердил…

— Вы допрашивали голову мадемуазель Брике?

— Нет, мы не допрашивали никаких голов, — ответил начальник полиции.

— Напрасно! Она также могла бы подтвердить, что видела голову моего отца. Она лично сообщила мне об этом. Я настаиваю на производстве вторичного обыска.

— Не имею к этому никаких оснований, — резко ответил начальник полиции.

«Неужели подкуплен Керном?» — подумал Артур.

— И потом, — продолжал начальник полиции, — вторичный обыск может только возбудить общественное негодование. Общество достаточно уже возмущено выступлением этой сумасшедшей Лоран. Имя профессора Керна у всех на устах. Он получает сотни писем и телеграмм с выражением соболезнования ему и негодования на поступок Лоран.

— И тем не менее я настаиваю, что Керн совершил несколько преступлений.

— Нельзя необоснованно бросать такие обвинения, — нравоучительно сказал начальник полиции.

— Так дайте же мне возможность обосновать их, — возразил Доуэль.

— Эта возможность уже была предоставлена вам. Властями был произведён обыск.

— Если вы категорически отказываетесь, я при-

нуждён буду обратиться к прокурору, — сказал Артур решительно и поднялся.

— Ничего не могу для вас сделать, — ответил начальник полиции, тоже поднимаясь.

Упоминание о прокуроре, однако, произвело своё действие. Немного подумав, он сказал:

— Я, пожалуй, мог бы сделать распоряжение о производстве вторичного обыска, но, так сказать, неофициальным порядком. Если обыск даст новые данные, тогда я донесу об этом прокурору.

— Обыск должен быть произведён в присутствии моём, мадемуазель Лоран и моего друга Ларе.

— Не слишком ли много?

— Нет, все эти лица могут оказать существенную пользу.

Начальник полиции развёл руками и, вздохнув, сказал:

— Хорошо! Я командирую нескольких агентов полиции в ваше распоряжение. Приглашу и следователя.

В одиннадцать часов утра Артур уже звонил у двери Керна.

Негр Джон приоткрыл тяжёлую дубовую дверь, не снимая цепочки.

— Профессор Керн не принимает.

Выступивший полицейский заставил Джона пропустить неожиданных гостей в квартиру.

Профессор Керн встретил их в своём кабинете, приняв вид оскорблённой добродетели.

— Прошу вас, — сказал он ледяным тоном, широко распахнув двери лаборатории и бросив мельком уничтожающий взгляд на Лоран.

Следователь, Лоран, Артур Доуэль, Керн, Ларе и двое полицейских вошли.

Знакомая обстановка, с которой было связано столько тягостных переживаний, взволновала Лоран. Сердце её сильно забилось.

В лаборатории находилась только голова Брике. Её щёки, лишённые румян, были тёмно-жёлтого цвета мумии. Увидя Лоран и Ларе, она улыбнулась и заморгала глазами. Ларе с ужасом и содроганием отвернулся.

Вошли в смежную с лабораторией комнату.

Там находилась наголо обритая голова пожилого человека с громадным мясистым носом. Глаза этой головы были скрыты за совершенно чёрными очками. Губы слегка подёргивались.

— Глаза болят… — пояснил Керн. — Вот и всё, что я могу вам предложить, — добавил он с иронической улыбкой.

И действительно, при дальнейшем осмотре

дома, от подвала до чердака, других голов не обнаружили.

На обратном пути вновь пришлось проходить через комнату, где помещалась толстоносая голова. Разочарованный Доуэль направился уже было к следующей двери, а за ним двинулись к выходу следователь и Керн.

— Подождите, — остановила их Лоран.

Подойдя к голове с толстым носом, она открыла воздушный кран и спросила:

— Кто вы?

Голова шевелила губами, но голос не звучал. Лоран пустила более сильную струю воздуха.

Послышался шипящий шёпот:

— Кто это? Вы, Керн? Откройте же мне уши! Я не слышу вас…

Лоран заглянула в уши головы и вытащила оттуда плотные куски ваты.

— Кто вы? — повторила она вопрос.

— Я был профессором Доуэлем.

— Но ваше лицо? — задохнулась Лоран от волнения.

— Лицо?.. — Голова говорила с трудом. — Да… меня лишили даже моего лица… Маленькая операция… парафин введён под кожу носа… Увы, моим остался только мой мозг в этой изуродо-

ванной черепной коробке… но и он отказывается служить… Я умираю… наши опыты несовершенны… хотя моя голова прожила больше, чем я рассчитывал теоретически.

— Зачем у вас очки? — спросил следователь, приблизившись.

— Последнее время коллега не доверяет мне, — и голова попыталась улыбнуться. — Он лишает меня возможности слышать и видеть… Очки не прозрачные… чтобы я не выдал себя перед нежелательными для него посетителями… Снимите же мне очки…

Лоран дрожащими руками сняла очки.

— Мадемуазель Лоран... вы? Здравствуйте, друг мой!.. А ведь Керн сказал, что вы уехали... Мне плохо... работать больше не могу... Коллега Керн только вчера милостиво объявил мне амнистию... Если я сам не умру сегодня, он обещал завтра освободить меня...

И вдруг, увидав Артура, который стоял в стороне, словно оцепенев, без кровинки в лице, голова радостно произнесла:

— Артур!.. Сын!..

На мгновение тусклые глаза её прояснились.

— Отец, дорогой мой! — Артур шагнул к голове. — Что с тобой сделали?..

Он пошатнулся. Ларе поддержал его.

— Вот… хорошо… Ещё раз мы свиделись с тобой… после моей смерти… — просипела голова профессора Доуэля.

Голосовые связки почти не работали, язык плохо двигался. В паузах воздух со свистом вылетал из горла.

— Артур, поцелуй меня в лоб, если тебе… не… неприятно…

Артур наклонился и поцеловал.

— Вот так… теперь хорошо…

— Профессор Доуэль, — сказал следователь, — можете ли вы сообщить нам об обстоятельствах вашей смерти?

Голова перевела на следователя потухший взгляд, видимо плохо понимая, в чём дело. Потом, поняв, медленно скосила глаза на Лоран и прошептала:

— Я ей… говорил… она знает всё.

Губы головы перестали шевелиться, а глаза заволоклись дымкой.

— Конец!.. — сказала Лоран.

Некоторое время все стояли молча, подавлен-

ные происшедшим.

— Ну что ж, — прервал тягостное молчание следователь, и, обернувшись к Керну, произнёс: — Прошу следовать за мною в кабинет! Мне надо снять с вас допрос.

Когда дверь за ними захлопнулась, Артур тяжело опустился на стул возле головы отца и закрыл лицо ладонями:

— Бедный, бедный отец!

Лоран мягко положила ему руку на плечо. Артур порывисто поднялся и крепко пожал ей руку.

Из кабинета Керна раздался выстрел.